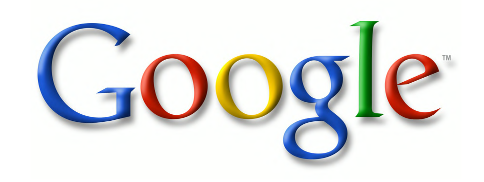
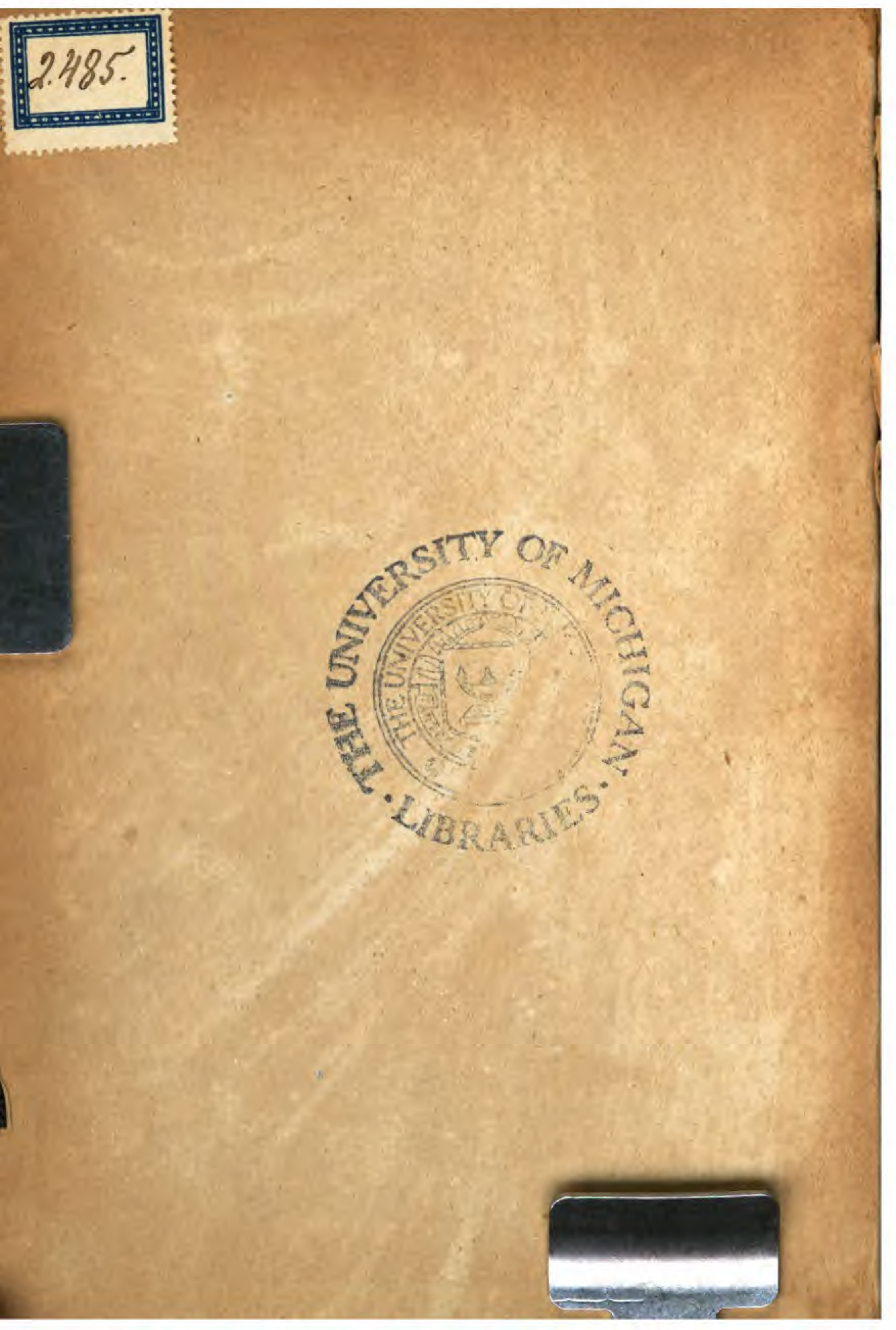
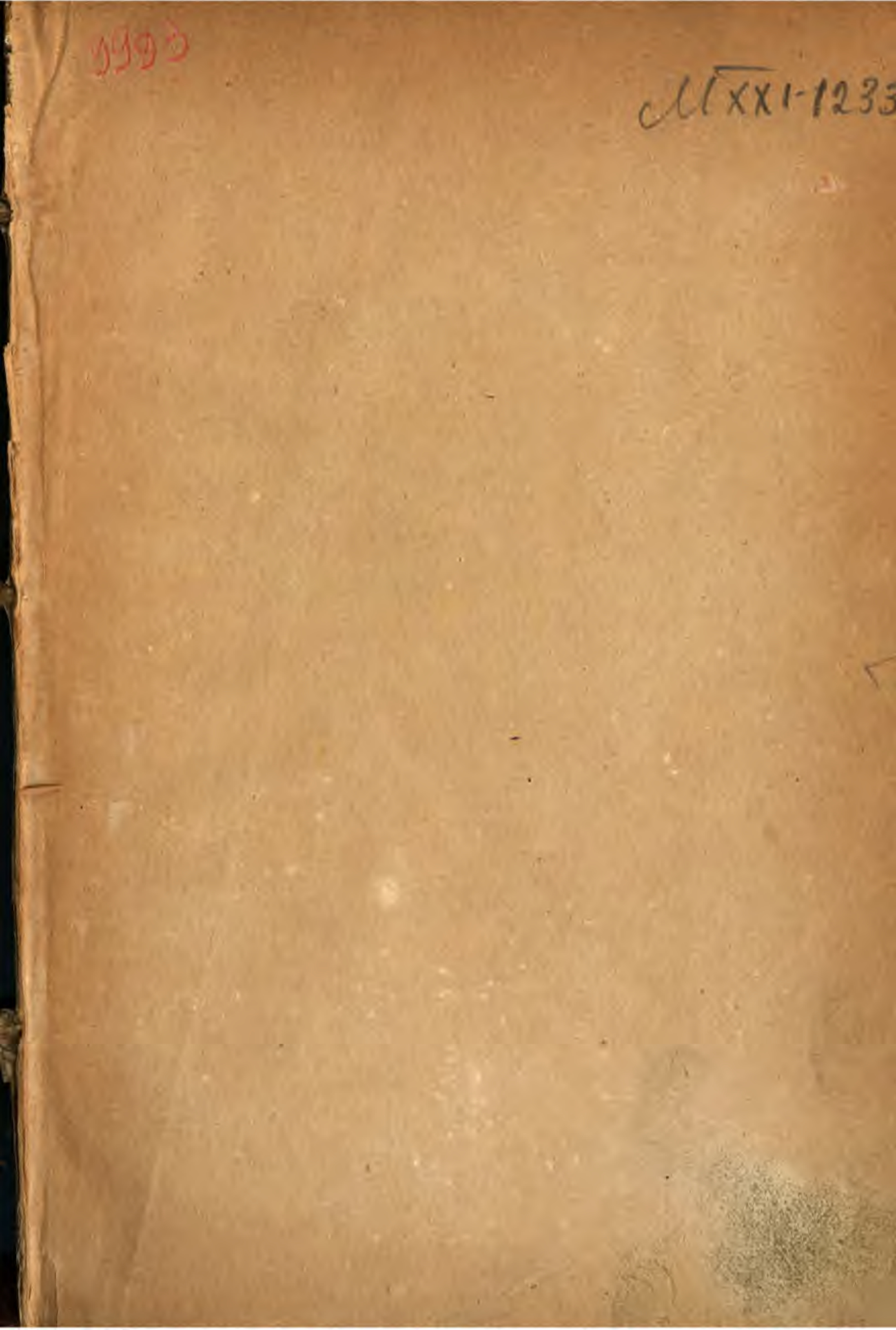

2.485.
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·

Русскіе Современные

ДѢЯТЕЛИ.

СБОРНИКЪ ПОРТРЕТОВЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ

НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

съ

БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

Томъ III.

Изданіе **А. О. Баумана.**

Исаакіевская площадь, 6.

Цѣна: 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

Въ роскошномъ перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 19 декабря 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Исидоръ Митрополитъ

тери, въ [illegible]

уѣзда, гдѣ отецъ его Сергій Ивановъ былъ діакономъ. По окончапіи курса въ Тульской Духовной Семинаріи, въ 1821 году, Яковъ Никольскій поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ луч-

Исидоръ Митрополитъ

I.

ИСИДОРЪ,

МИТРОПОЛИТЪ НОВГОРОДСКІЙ И С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ.

Передать на немногихъ страницахъ жизнь и полувѣковую, многотрудную, доблестную и плодотворную дѣятельность митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Исидора, согласно съ духомъ нашего времени и современными требованіями знаній, представляется дѣломъ крайне труднымъ и даже невыполнимымъ. Полвѣка неутомимыхъ трудовъ, полвѣка живыхъ подвиговъ св. вѣры и благочестія, полвѣка истинной любви къ ближнему и молитвы за русскій народъ, полвѣка учительства въ церкви и охраненія Евангельскихъ истинъ и Апостольскихъ преданій должны занять, какъ бы ни былъ сжатъ и простъ разсказъ, много страницъ. Остается потому ограничиться, въ предлагаемой статьѣ, изложеніемъ только важнѣйшихъ дѣяній архипастыря и не помышлять о полнотѣ и цѣльности разсказа о разнообразной, многосложной и обильнѣйшей памятными подвигами жизни его.

Митрополитъ Исидоръ, въ мірѣ Яковъ Никольскій, родился 1-го октября 1799 года, въ день Покрова Божіей Матери, въ селѣ Никольскомъ, Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, гдѣ отецъ его Сергій Ивановъ былъ діакономъ. По окончаніи курса въ Тульской Духовной Семинаріи, въ 1821 году, Яковъ Никольскій поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ луч-

шихъ студентовъ, со степенью кандидата, въ 1825 году. Вскорѣ послѣ окончанія курса въ Академіи, на 26-мъ году отъ рожденія, онъ, по желанію своему, постригся, 22-го августа 1825 года, въ монашество, съ именемъ Исидора, опредѣленъ баккалавромъ богословскихъ наукъ той же Академіи, а 29-го августа рукоположенъ въ іеродіакона; затѣмъ, 5-го сентября произведенъ въ іеромонаха, и 10-го сентября назначенъ библіотекаремъ Академіи. Черезъ годъ, 30-го октября 1826 года, Коммиссіею Духовныхъ Училищъ удостоенъ степени магистра. Послѣ пятилѣтнихъ плодотворныхъ трудовъ учительства въ С.-Петербургской Духовной Академіи, іеромонахъ Исидоръ, 24-го августа, 1829 года, опредѣленъ въ Орловскую Духовную Семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ, и въ томъ же году 14-го сентября возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря, а 11-го ноября — присутствующимъ Орловской Духовной Консисторіи. Лѣто 1830 года, архимандритъ Исидоръ провелъ на ревизіи Ливенскихъ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, а 10-го февраля 1831 года утвержденъ въ званіи члена Орловскаго Тюремнаго Комитета. Въ 1833 году архимандритъ Исидоръ, 21-го іюля, переведенъ ректоромъ въ Московскую Духовную Семинарію и опредѣленъ настоятелемъ ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря. Пятилѣтняя ректорская дѣятельность архимандрита Исидора въ Орлѣ и Москвѣ, по свидѣтельству современниковъ, была «благотворнымъ управленіемъ», о чемъ доселѣ живетъ память въ этихъ заведеніяхъ. Въ 1834 году, 11-го ноября, по Высочайшему указу архимандритъ Исидоръ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. Вручая ему епископскій жезлъ, архипастырь Московскій, митрополитъ Филаретъ, какъ будущему «сотруднику и содѣйствователю» своему, между прочимъ, сказалъ: «Верховный Пастыреначальникъ да упасетъ и управитъ тебя, и дарованный тебѣ

нынѣ даръ свой да сохранитъ въ тебѣ и возраститъ и многоплоднымъ сотворитъ въ благопотребное и полезное служеніе церкви». Молитвенное желаніе святителя Московскаго вполнѣ осуществилось: даръ благодатный возросъ и содѣлался многоплоднымъ. Великій и вдохновенный учитель земли русской, митрополитъ Филаретъ, воспиталъ въ епископѣ Исидорѣ для русской церкви достойнаго ученика, благовѣстника и доблестнаго воина Христова, мощнаго защитника православія и дѣятельнаго насадителя св. вѣры и благочестія.

Въ санѣ викарія Московской митрополіи, преосвященный какъ бы подготовлялся къ той, требовавшей особенной опытности и мудрости, дѣятельности, которою ознаменовалъ онъ свое служеніе на каѳедрахъ Бѣлорусской и Грузинской. Московская паства полна отрадныхъ воспоминаній о служеніи епископа Исидора въ древней столицѣ, а Московская Академія «имѣетъ и письменное свидѣтельство, что онъ съ участіемъ относился къ ея ученымъ трудамъ, и что митрополитъ Филаретъ дорожилъ его о нихъ отзывами, повелѣвая руководиться ими труженникамъ духовной науки».

Черезъ три года, викарій Московскій, въ 1837 году, 5-го іюня былъ призванъ къ самостоятельной дѣятельности на каѳедрѣ Полоцкой епархіи, а въ слѣдующемъ 1840 году, 5-го іюня же перемѣщенъ на каѳедру Могилевской епархіи и на слѣдующій годъ, 5-го іюня, возведенъ въ санъ архіепископа. Полоцкъ и Могилевъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, были свидѣтелями неутомимой, истинно пастырской дѣятельности архіепископа Исидора. Возникшія тогда религіозныя движенія между уніатами вынуждали то изучать и уяснять себѣ прошедшія судьбы Западнаго края, то зорко вникать въ тогдашній бытъ мѣстнаго духовенства, то защищать православіе отъ посягательствъ исконныхъ враговъ его, то возбуждать и содѣйствовать соединенію съ православною церковію черезъ унію отторгнутыхъ католичествомъ

духовныхъ чадъ ея, то, утверждая православіе, возстановлять древніе обычаи православной церкви, являя въ себѣ высокій примѣръ строго благочестивой, христіанской жизни. Мудрая кротость, любовь и неутомимые труды благоговѣніе убѣждали и побѣждали сердца колебавшихся въ вѣрѣ, и разсѣевали навѣянныя имъ сомнѣнія.

Покоренный, въ 1840—1850 годахъ, Закавказскій край, требовалъ распространенія въ немъ свѣта истинной Христовой вѣры и вообще устройства края, а потому по Высочайшей волѣ, дѣятельность архіепископа Исидора была перенесена съ сѣверо-запада на юго-восточную окраину государства. Высочайшимъ указомъ, 12-го ноября 1844 года, архіепископъ Могилевскій назначенъ на каѳедру епархіи Карталинской и Кахетинской и возведенъ въ званіе члена Святѣйшаго Сѵнода и экзарха Грузіи. Здѣсь, въ продолженіи 13-ти лѣтъ, архипастырь неутомимо трудился по общему управленію церковными дѣлами Закавказскихъ епархій и постепенному благоустройству ихъ; пастырская попечительность и ревностное содѣйствіе экзарха особенно обращено было къ возобновленію и на устройство новыхъ храмовъ въ мѣстахъ разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія. Труды эти ознаменовались благодатными успѣхами просвѣщенія христіанскою вѣрою многихъ пріобрѣтенныхъ чадъ церкви и положили прочное основаніе развитію православія въ краѣ. Вся Грузія съ величайшимъ уваженіемъ, благодарностію и трогательною любовію вспоминаетъ и благословляетъ имя экзарха Исидора, какъ возстановителя упадавшаго православія на Кавказѣ. Труды и заботы экзарха для Закавказья были оцѣнены Монаршимъ благоволѣніемъ. Въ 1853 году, 19-го апрѣля, при Высочайшемъ рескриптѣ, экзарху былъ препровожденъ алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, а въ 1856 году, 26-го августа, возведенъ онъ лично въ санъ митрополита, «за ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами Закавказскаго края».

По смерти Кіевскаго митрополита Филарета, экзархъ Грузіи призванъ 1-го марта 1858 года къ высшему служенію, на Кіевскую митрополію, гдѣ онъ украшалъ древнѣйшую каѳедру св. Софіи два года, которые незабвенны для Кіевской епархіи, академіи и семинаріи.

Въ 1860 году, 1-го іюля, митрополитъ Исидоръ призванъ на служеніе въ сѣверную столицу, въ первопрестольный градъ, на каѳедру митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя митрополита Исидора, 12-го сентября 1875 года, въ день пятидесятилѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, при чемъ былъ препровожденъ ему архипастырскій посохъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, сказано, что на теперешнюю каѳедру архипастырь призванъ «руководить дѣяніями высшаго правительства Церкви Всероссійской», и что «первоприсутствованіе» митрополита въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ «постоянно свидѣтельствуетъ о разумѣ» его, «изощренномъ опытомъ служенія въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества; лично изучивъ нужды духовенства, потребности духовнаго образованія и недостатки церковнаго хозяйства и управленія», митрополитъ «неуклонно направляетъ труды Святѣйшаго Сѵнода на устраненіе замѣченныхъ» имъ «несовершенствъ». Занявъ первенствующее мѣсто въ высшемъ церковномъ управленіи, митрополитъ Исидоръ, по мнѣнію С.-Петербургскаго духовенства, выраженнаго въ адресѣ къ нему, поданномъ ему 12-го сентября 1875 года, «сталъ достойнымъ представителемъ Всероссійской православной церкви, твердымъ защитникомъ и лучшимъ истолкователемъ ея правъ, современныхъ потребностей, ожиданій, постояннымъ охранителемъ чести духовенства, и, принимая непосредственное и ближайшее участіе въ ея управленіи», несетъ «великія обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нрав-

ственной жизни русскаго народа, касающихся и быта духовенства».

О дѣятельности митрополита по отношенію къ Петербургскому духовенству, оно высказалось въ такихъ выраженіяхъ: «Возвратясь къ намъ, ты принесъ намъ заповѣдь любви и милосердія, смиренія и труда, и ежечасно и словомъ, и дѣломъ учишь насъ хранить и соблюдать ее. Возможно ли намъ нынѣ, во всеуслышаніе, не говорить предъ тобой о нашей радости и благодарности, видя, какъ высоко несешь ты знамя правителя Христовой паствы, какъ заботливо трудишься для блага цѣлой епархіи и каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Ты всегда желалъ быть для насъ болѣе любящимъ отцомъ, чѣмъ начальникомъ. Мы дивилися, какъ, въ твои преклонныя лѣта, ты неутомимо лично занимаешься всѣми дѣлами, самъ непосредственно во все вникаешь, и никакое дѣло или событіе изъ нашей епархіальной жизни не проходитъ безъ твоего личнаго разсмотрѣнія и мудраго рѣшенія. Да будетъ позволительно нашему смиренію упомянуть о твоихъ, правдолюбивый архипастырь, извѣданныхъ нами безпристрастіи и осторожности при рѣшеніи иногда самыхъ маловажныхъ дѣлъ: милостивое вниманіе къ заслугамъ каждаго изъ насъ, истинное, проникнутое христіанскою любовію, правосудіе и справедливость всегда сопровождаютъ твои рѣшенія. Твое архипастырское управленіе извѣстно и дорого намъ и по твоей отеческой доступности, по которой ты всегда какъ бы вблизи насъ и среди насъ: каждый изъ насъ всегда можетъ надѣяться получить твой добрый совѣтъ, святительское наставленіе, видѣть твою помощь. Разрѣшенные тобою въ нашей епархіи, впервые въ Россіи, благочиннические совѣты, а равно выборы помощниковъ благочинныхъ, открыли намъ способы къ самоуправленію и къ самоулучшенію многихъ сторонъ нашей жизни. Твоей просвѣщенной архипастырской заботливости обязаны своимъ благосостояніемъ и благоустрой-

ствомъ наши духовно-учебныя заведенія. Любовь твоя къ благолѣпію храмовъ Божіихъ ревностно изыскиваетъ всевозможные способы для украшенія и для поддержанія въ народѣ благочестиваго усердія къ нимъ. Весьма осязательны послѣдствія твоего кроткаго пастырскаго вліянія и на иновѣрцевъ, не говоря уже объ исповѣдующихъ единовѣріе, которые постоянно приходятъ въ болѣе ясное сознаніе своихъ забужденій и болѣе и болѣе приближаются къ истинному православію, благодаря твоему любвеобильному и искреннему воздѣйствію на нихъ. Твое неутомимое усердіе къ Богослуженію и высоко-религіозное благоговѣніе во время общественной молитвы постоянно и наглядно учатъ насъ достойному предстоянію у престола Господня. Какъ пастырь милостивый и благосердый, ты незамѣтнымъ образомъ и среди насъ водворяешь любовь и миръ и съ благоснисхожденіемъ исправляешь наши недостатки. И отрадно видѣть, что доблестныя качества пастыря православнаго, ставящія его на высоту его великаго призванія, находятъ въ тебѣ лучшее себѣ выраженіе и примѣненіе къ жизни, любовь и милость у тебя живы и дѣйственны. Проводя свою подвижническую жизнь въ подвигахъ иноческаго благочестія, умѣренности и простоты, ты избытокъ отъ своихъ средствъ посвящаешь на дѣла благотворительности, на пользу многихъ неимущихъ. Тебѣ, по всякому нраву, принадлежитъ достойно носимое тобой званіе Главнаго Попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Во имя тѣхъ же правъ тебѣ давно и навсегда присвоено нами имя отца и попечителя нашихъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Въ теченіи полустолѣтія, въ разныхъ мѣстахъ, наблюдая и направляя жизнь духовенства, ты давно понялъ его многочисленныя нужды и увидѣлъ, что среди него бѣдность и безпомощное сиротство едва ли не сильнѣе даютъ себя чувствовать, чѣмъ во всякой другой средѣ. И съ первыхъ же лѣтъ, по пріѣздѣ въ нашу епархію, попе-

ченіе о бѣдныхъ духовныхъ, призрѣніе вдовъ, воспитаніе и устройство сиротъ ты поставилъ, между прочимъ, важною задачею своего архипастырскаго служенія. Лѣтъ 14-ть назадъ, ты задумалъ устроить въ С.-Петербургѣ домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія и основать въ немъ училище для сиротъ. При благословеніи Божіемъ, тобою найдены нужныя средства къ постройкѣ дома, которая произведена была подъ ближайшимъ твоимъ наблюденіемъ; тобой указано обезпеченіе и для дальнѣйшаго существованія этого благотворительнаго учрежденія и училища при немъ. Въ 1869 году, обширный, благоустроенный во всѣхъ отношеніяхъ, «*Александро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія*» открытъ и навсегда останется незабвеннымъ памятникомъ любви и милосердія къ ближнему; онъ во очію свидѣтельствуетъ, какое великое дѣло благотворительности создалъ ты для нашихъ бѣдныхъ, особенно для круглыхъ малолѣтнихъ сиротъ, которымъ безъ твоего попеченія, грозили нищета и грубое невѣжество. Въ тебѣ же, сердобольный владыко, наши сироты находятъ заботливаго отца, а въ устроенномъ тобою училищѣ при домѣ—родной пріютъ и средства къ своему существованію и образованію».

Петербургское духовенство въ память 50-ти лѣтняго юбилея архипастыря своего, учредило на вѣчныя времена 8-мъ стипендій митрополита Исидора въ устроенномъ имъ Александро-Невскомъ домѣ, чтобы онѣ напоминали изъ рода въ родъ, что Петербургская паства глубоко цѣнила заботы пастыря своего о ней. Тѣже искреннія чувства духовенства внушили ему поднести высокому юбиляру богатую икону Покрова Пресвятыя Богородицы. Вся Россія откликнулась на торжество архипастыря сердечными и искренними пожеланіями, чтобы съ крѣпостію силъ продолжалъ юбиляръ высокое и благотворное служеніе церкви и Россіи.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ митрополита Исидора,

собственно, по епархіальнымъ дѣламъ, онъ несъ обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, касающихся не только быта духовенства, но и всего общества. Именнымъ указомъ, даннымъ 21-го августа 1860 года, Совѣту Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, митрополитъ Исидоръ назначенъ Главнымъ Попечителемъ Общества и Предсѣдателемъ Совѣта, а въ 1862 году, 28-го іюня—Предсѣдателемъ Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Пятнадцати-лѣтніе труды по Человѣколюбивому Обществу архипастыря знаменательны. Въ это короткое время Обществомъ учреждено болѣе 30-ти новыхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній и распространено дѣйствіе Общества до такой степени, что вмѣсто 16,000 неимущихъ, получавшихъ пособія при назначеніи архипастыря, Общество оказываетъ нынѣ помощь 76,000, и, не смотря на столь значительное расширеніе благотворительности своей, оно, благодаря благоразумному хозяйству, возрастило цѣнность своихъ денежныхъ и недвижимыхъ имуществъ болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліона рублей. За труды эти не разъ митрополитъ Исидоръ удостоивался «Высочайшей душевной благодарности».

Труды по званію Предсѣдателя Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства,—при извѣстной опытности архипастыря, свѣтломъ взглядѣ на необходимыя реформы въ клирѣ и добромъ желаніи удовлетворить хорошо извѣстнымъ ему многимъ нуждамъ духовенства,—принесли обильные плоды. До 1862 года введены были въ штатное положеніе съ назначеніемъ жалованья 17,615 церквей, на которые расходовалось изъ Государственнаго Казначейства и изъ духовно-учебныхъ капиталовъ 3,768,828 руб. $2^1/_2$ коп. Черезъ 17-ть лѣтъ, за время предсѣдательства митрополита Исидора въ Высочайше

учрежденномъ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства, цифра эта значительно возрасла. Въ 1876 году было уже обезпечено жалованьемъ изъ Государственнаго Казначейства до 18,000 церквей, на которыя отпускалось 5,599,843 руб.

Перечисленные разнообразные, многочисленные и неутомимые труды, не отвлекали архипастыря и отъ ученыхъ занятій. Въ 1876 году напечатаны въ первый разъ: «Слова и рѣчи сѵнодальнаго члена, высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго»; въ изданіи этомъ 62 замѣчательныхъ поученія. Въ томъ же 1876 году издана Св. Сѵнодомъ «Библія или книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ».

Представителями нашей церкви сдѣланъ починъ перевода Библіи съ еврейскаго на русскій языкъ. Трудъ этотъ въ высшей степени знаменательный, совершался въ продолженіи многихъ лѣтъ, подъ надзоромъ Св. Сѵнода и изданъ по его благословенію. Несомнѣнно, потому что высокое уваженіе къ еврейскому тексту Библіи, какъ къ тексту оригинальному, воодушевляло представителей нашей церкви къ этому тяжелому и обширному труду, и убѣжденіе, что его распространеніе среди членовъ церкви послужитъ къ болѣе глубокому пониманію ими истинъ откровенія и преуспѣнію въ дѣлѣ вѣры.

По изданію въ свѣтъ Священныхъ Книгъ архипастырь прилагалъ «особые труды», за что Всемилостивѣйше пожалована ему, 27-го марта 1877 года, «украшенная драгоцѣнными каменьями митра, съ воздруженнымъ на ней крестомъ, по Кіевскому обычаю».

Митрополитъ Исидоръ имѣетъ всѣ Россійскіе ордена высшихъ степеней, украшенные алмазами, а также и греческій Спасителя, 1-ой степени.

Полувѣковые труды и заслуги архипастыря, по отно-

шенію къ церкви, духовенству и наукѣ, вызвали русскія и иностранныя академіи, университеты и ученыя общества избрать митрополита Исидора въ почетные и дѣйствительные члены, въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ: а, въ 1845 г., 27-го августа, Королевское Копенгагенское Общество сѣверныхъ древностей; б, въ 1850 г., 27-го февраля, Сельское Кавказское Общество; в, въ 1852 г., 11-го апрѣля, Императорское Русское Географическое Общество; г, въ 1854 г., 30-го іюля, Кіевская Духовная Академія; д, въ 1857 г., 29-го декабря, Императорская Академія Наукъ; е, въ 1859 г., 27-го января, Королевское Копенгагенское Общество сѣверныхъ древностей—фундаторомъ; ж, въ 1859 г., 24-го февраля, С.-Петербургская Духовная Академія; з, въ 1859 г., 24-го февраля, Московская Духовная Академія; и, въ 1859 г., 27-го марта, Комитетъ для всесторонняго распространенія грамотности, учрежденный при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства; і, въ 1860 г., 21-го августа, С.-Петербургскій Университетъ; к, въ 1861 г., 18-го февраля, С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академія; л, въ 1861 г., 27-го декабря, Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ; м, въ 1873 г., 26-го января, Музей имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, въ Москвѣ, н, и въ 1877 г., 15-го октября, Московскій Университетъ.

Благотворнымъ и полезнымъ трудамъ митрополита Исидора, на страницахъ исторіи отечественной церкви, будетъ отведено видное и обширное мѣсто.

Н. Г.

...ныхъ
...ъ отъ
...ь или
...быть ... страны
...коман-
...штабъ ... отряда
...ѣми сре... у до-
...пользо-
...дѣло для своихъ цѣлей;
...женіе ... а по-
... и толь-
...въ во
... и свои ... на то или
...ми же
...ніе. ... боевыя
...цѣлесооб-
...
... и своевремен...
... и приказаній. Къ такимъ
кое сраженіе и цѣлая кампанія имѣетъ большое
съ сложнымъ механизмомъ, отдѣльныя части кото
гутъ быть сравнены съ отдѣльными большими от

А Гаритъ

II.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій.

Удачный исходъ битвы или сраженія въ современныхъ войнахъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ зависитъ отъ личной храбрости одного лица: будь то генералъ или солдатъ. Это положеніе, быть можетъ, покажется страннымъ, но мы его постараемся защитить. Каждый командиръ, каждый начальникъ штаба или отдѣльнаго отряда обязанъ пользоваться всѣми средствами, которыя ему доставляетъ наука и цивилизація; онъ долженъ воспользоваться ими и употребить ихъ въ дѣло для своихъ цѣлей; затѣмъ онъ обязанъ разузнать положеніе противника посредствомъ разъѣздовъ, развѣдокъ, справокъ и пр., и только, послѣ зрѣлой оцѣнки добытыхъ данныхъ и принявъ во вниманіе свое положеніе и свои силы, рѣшиться на то или другое: или держаться оборонительныхъ дѣйствій, или же перейти въ наступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ боевыя силы должны быть употреблены по возможности цѣлесообразно и, въ свою очередь, отъ боевыхъ единицъ, т. е. солдатъ требуется только строгое и своевременное исполненіе данныхъ распоряженій и приказаній. Въ такомъ видѣ всякое сраженіе и цѣлая кампанія имѣетъ большое сходство съ сложнымъ механизмомъ, отдѣльныя части котораго могутъ быть сравнены съ отдѣльными большими отрядами,

а безчисленныя колеса и ихъ оси — съ полками, ротами и и малыми отрядами. Какъ въ сложномъ механизмѣ все останавливается, какъ скоро сломался зубецъ или лопнула ось, такъ точно и въ битвѣ—одно неисполненіе приказаній можетъ повлечь за собою цѣлую массу гибельныхъ послѣдствій. Вотъ характеръ кампаніи съ точки зрѣнія полководца или главнокомандующаго. Возьмемъ теперь положеніе боевой единицы или солдата. Онъ употребляется въ дѣло для исполненія той или другой цѣли. При этомъ онъ становится лицомъ къ лицу со смертью, будь онъ одинъ или же въ цѣломъ отрядѣ; во всякомъ случаѣ, онъ долженъ ожидать смерти въ каждое мгновеніе. Всякое дѣло можетъ кончиться гибелью того или другого солдата, того или другого офицера или генерала. Чѣмъ же отличается храбрость солдата, идущаго одинъ на одинъ или участвующаго въ цѣлой партіи? По нашему, рѣшительно ничѣмъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ одинаково рискуетъ своею жизнью и одинаково исполняетъ свой долгъ. Мы скажемъ болѣе, что солдатъ, по своему назначенію, долженъ рисковать своею жизнью, а если онъ не рискуетъ, если онъ укрывается отъ боя, то онъ трусъ и предается за это военному суду. Итакъ, полководецъ долженъ такъ руководить кампаніей, чтобы устранить всѣ случайности, гдѣ бы отдѣльныя части не подвергались напрасно опасностямъ, и въ то же время, онъ не долженъ разсчитывать ни на одно дѣло, которое зависѣло бы отъ личной храбрости того или другого солдата, того или другого офицера. А если при стычкѣ и окажется, что успѣхъ явился слѣдствіемъ личной храбрости какого-нибудь героя, то эти дѣла, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ никакого вліянія на общій ходъ войны. Мы увѣрены, что только неумѣлый военачальникъ сманетъ строить планъ кампаніи, разсчитывая на личную храбрость того или другого офицера. Такой полководецъ всегда бы проигралъ въ современныхъ войнахъ, хотя въ прошедшихъ вой-

нахъ такой ходъ дѣла былъ почти единственный: тамъ все зависѣло отъ личности воина; но вѣдь тогда и условія были другія. Тогда не было тѣхъ средствъ, какія имѣются теперь, и вслѣдствіе этого ни одна изъ воюющихъ сторонъ не знала силъ противника, шла наобумъ, и дѣло кончалось иногда подъ вліяніемъ какого-нибудь удачнаго дѣла одного лица.

Мы далеки отъ желанія отвергать важность и значеніе личной храбрости, мы говоримъ только, что у солдата должно быть строгое понятіе объ исполненіи своихъ военныхъ обязанностей, — правда, весьма важныхъ, — и полководецъ, основывая планъ кампаніи, долженъ руководиться только этимъ соображеніемъ, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ разсчитывать на какую-нибудь особенную, выдающуюся личную храбрость солдатъ. Очевидно, слѣдовательно, что генералъ, разсчитывающій на личную храбрость и геройство солдатъ, не можетъ быть поставленъ на ряду съ тѣмъ, который ведетъ дѣло спокойно, строго взвѣсивъ всѣ условія и разсчитывая на-вѣрняка.

Недавно оконченная война даетъ намъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе всего нами изложеннаго. Какія прекрасныя дѣла имѣли наши отважные моряки на Дунаѣ! Но, не желая умалять достоинство ихъ дѣлъ, спросимъ мы, имѣли ли они какое-нибудь рѣшительное вліяніе на ходъ войны? Мы отвѣтимъ: нѣтъ, никакого. Далѣе, многіе генералы выдались особенно своею личною храбростью, участвовали и были героями многихъ битвъ, такъ что солдаты сложили про нихъ пѣсни, которыя и будутъ передаваться изъ рода въ родъ, но и эти дѣла существенно не вліяли на ходъ кампаніи. Въ то-же время, и рядомъ съ этими дѣлами, было много другихъ, строго обдуманныхъ, гдѣ личная единичная храбрость не имѣла никакого вліянія, а успѣхъ зависѣлъ отъ раціональнаго, цѣлесообразнаго веденія дѣла; гдѣ всѣ силы дѣйствовали согласно, стройно, свое-

временно, какъ всѣ отдѣльныя части упомянутаго нами сложнаго механизма. Про эти дѣла не такъ много кричали наши газеты, такъ какъ въ нихъ нѣтъ геройской, поэтической подкладки; зато они имѣли существенное вліяніе на ходъ всего дѣла, и время ихъ удачнаго окончанія составляетъ рѣзкое ограниченіе двухъ или нѣсколькихъ періодовъ въ кампаніи. Мы укажемъ на переправу черезъ Дунай и на плѣненіе шипкинской арміи генераломъ Радецкимъ.

Это послѣднее дѣло мы изложимъ настолько подробно, насколько оно намъ извѣстно по существующимъ даннымъ и насколько намъ позволятъ опредѣленныя рамки нашего сборника. Но прежде всего познакомимся съ личностью Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго, шипкинскаго героя и, какъ мы увидимъ, самаго выдающагося генерала нашего времени.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій родился въ 1820 году. По происхожденію онъ дворянинъ Казанской губерніи. Получивъ дома первоначальное образованіе, онъ поступилъ въ Инженерное училище, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ одинъ изъ инженерныхъ батальоновъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ строю, онъ поступилъ въ Николаевскую инженерную академію, гдѣ блистательно окончилъ курсъ въ 1841 году. Послѣ этого ему открылось болѣе широкое поле дѣятельности. Онъ получилъ званіе военнаго инженера и поступилъ на службу въ варшавскую инженерную команду. Но здѣсь пробылъ онъ недолго и перешелъ въ грузинскій инженерный округъ. Съ этихъ поръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій провелъ почти все свое время на Кавказѣ, участвуя, какъ инженеръ, во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ; дѣла эти, какъ извѣстно, стоили русскимъ много денегъ, много времени и много крови. Въ то время на Кавказѣ главнокомандующимъ былъ князь Воронцевъ. Этотъ генералъ хорошо оцѣнилъ способности Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго и постоянно давалъ ему серьезныя порученія. Первымъ выдающимся подвигомъ Радецкаго была постройка оборони-

тельной башни на каменномъ мосту въ верховьяхъ Кубани гдѣ пришлось производить работы подъ непріятельскими выстрѣлами. Послѣ этого онъ участвовалъ въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ неприступныхъ позицій Шамиля близъ Чертмы. Это дѣло было весьма удачное для русскаго оружія. Русскіе, расположившись и укрѣпившись на высотахъ при Чертмѣ, напали на непріятеля и, не смотря на его многочисленность, вытѣснили его изъ сильныхъ позицій и обратили въ бѣгство. Обращенный въ бѣгство, непріятель не былъ оставленъ въ покоѣ: русскіе преслѣдовали его и прогнали почти до аула Буртунай. Въ этомъ же году Θедоръ Θедоровичъ Радецкій получилъ чинъ поручика, а въ слѣдующемъ онъ отличился при штурмѣ Анчиндерской горы, и затѣмъ въ дѣлѣ на Заканъ-Баксихъ высотахъ.

Проведя два года въ строю и притомъ въ строевой жизни, Θедоръ Θедоровичъ Радецкій, желая увеличить свои военныя познанія, поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба въ С.-Петербургѣ, въ которой пробылъ два года и блистательно окончилъ въ ней курсъ. Во время пребыванія своего въ академіи онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а затѣмъ, по выходѣ изъ нея, въ капитаны генеральнаго штаба, съ назначеніемъ въ дѣйствующую армію. Это было въ 1849 году. Послѣ окончанія венгерской кампаніи, Θедоръ Θедоровичъ Радецкій былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ командующаго войсками Прикаспійскаго края. Черезъ годъ онъ получилъ чинъ полковника, съ назначеніемъ начальникомъ штаба войскъ того же края. Съ 1852 года начинается снова его боевая дѣятельность на Кавказѣ. Онъ отличается въ опасныхъ дѣлахъ противъ горцевъ на Лезгинской линіи; въ слѣдующемъ году,—именно въ 1853, — сражается противъ горцевъ въ Дагестанѣ и въ дагестанскомъ округѣ; въ 1855 году участвуетъ при взятіи штурмомъ главныхъ позицій мятежниковъ въ Табассарѣ. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ идетъ цѣлый рядъ блестя-

щихъ дѣлъ, въ которыхъ Радецкій принимаетъ самое дѣятельное участіе. Въ 1857 онъ отличился въ урочищѣ Джончаго-Голъ и въ Салаватіи; а въ 1859 году, назначенный командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, онъ выказываетъ всѣ свои блестящія военныя способности при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Андійское Койсу, и затѣмъ въ Ичкеріи и Яухѣ.

Въ 1860 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій получаетъ мѣсто начальника штаба войскъ Терской области. Въ 1861 году его производятъ въ чинъ генералъ-маіора и поручаютъ ему командованіе 38-й дивизіей, затѣмъ 31-й и наконецъ 9-й. При мобилизаціи войскъ, въ 1876 году, генералъ Радецкій получаетъ командованіе 8-го корпуса. Вмѣстѣ съ этимъ корпусомъ онъ перешелъ турецкую границу, переправился черезъ Дунай и участвовалъ сначала при геройской защитѣ шипкинскаго перевала, а затѣмъ при плѣненіи шипкинской арміи подъ начальствомъ Сулеймана-паши.

Во время службы на Кавказѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій получилъ много орденовъ и нѣсколько именныхъ Монаршихъ благоволеній. Первый орденъ св. Станислава 3-й степени онъ получилъ въ 1845 году. Въ 1859 году онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени и золотую саблю съ надписью «за храбрость». Въ минувшую русско-турецкую войну онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени за переходъ черезъ Дунай, а за Шипку — орденъ св. Георгія 2-й степени и произведенъ въ полные генералы.

Шипка была сначала занята небольшимъ отрядомъ войскъ подъ начальствомъ генерала Столѣтова и Дерожинскаго, нашедшаго здѣсь славную геройскую смерть. Въ теченіи семидневнаго боя наши храбрецы упорно защищались и почти не уступали ни одной пяди земли изъ занятыхъ ими позицій. Наши войска укрѣпились на горѣ Св. Николая, которая господствуетъ надъ Шипкинскимъ переваломъ. Гора эта очень крутая. Но турки, превосходя по численности нашъ

отрядъ въ нѣсколько разъ, рѣшились атаковать наши позиціи на горѣ Св. Николая. Къ нимъ постоянно прибывали новыя подкрѣпленія, неусыпно и энергично нападавшія на нашихъ; но наши защищались по истинѣ геройски и давали отпоръ каждому нападенію турокъ; однако, 13-го августа, къ двумъ часамъ пополудни, солдаты брянскаго полка и болгарскаго легіона, защищавшіе позиціи на такъ называемомъ «турецкомъ люнетѣ», очутились въ ужасномъ положеніи: они разстрѣляли всѣ свои патроны. Огонь съ нашей стороны сталъ мало-по-малу ослабѣвать, наконецъ совсѣмъ прекратился. Тогда турки, замѣтивъ это, бросились на нашихъ въ штыки, желая взять важную позицію штурмомъ. Но когда они почти достигли вершины, наши солдаты вышли изъ-за окоповъ и осыпали непріятеля градомъ крупныхъ камней и бревенъ. Камни, пріобрѣтая все большую скорость при своемъ паденіи, никого не щадили. Эта своеобразная защита была настолько сильна, что, не смотря на постоянно прибывавшія свѣжія силы, не допустила турокъ до площадки люнета. Но долго такъ не могли держаться осажденные русскіе, насталъ моментъ, когда не было болѣе камней, да и бревна были всѣ израсходованы. Что дѣлать? Брали подсумки, наполняли ихъ мелкими камнями и пускали въ карабкавшагося непріятеля, который не могъ преодолѣть этихъ препятствій. Въ этотъ критическій моментъ, когда все было истощено—и силы солдатъ, и припасы,—вдругъ раздалось могучее «ура» съ передних редутовъ: то была вѣсть о прибытіи генерала Радецкаго, котораго ежеминутно ожидали осажденные его товарищи. Радецкій пробилъ себѣ дорогу и спасъ ихъ. Послѣ этого, дѣла приняли нѣсколько иной оборотъ. Наши войска могли рѣшиться нѣсколько перейти въ наступленіе: они заняли новыя позиціи, окопались, укрѣпились, и оказывали непріятелю непреодолимое препятствіе. Но въ это время, подъ Плевной, нашему оружію не посчастливилось, и для обложенія ея по-

требовались значительныя силы, вслѣдствіе чего на Шипкѣ было оставлено только самое необходимое число войскъ для защиты этого важнаго пункта.

Послѣ паденія Плевны, войска освободились и рѣшено было перейти Балканы; для этой цѣли были назначены въ помощь Радецкому два большихъ отряда подъ начальствомъ Скобелева 2-го и Святополкъ-Мирскаго. Движеніе нашихъ войскъ должно было начаться 24-го декабря по направленію къ деревнѣ Шипкѣ. Въ этотъ день должны были направиться къ этой деревнѣ оба отряда: Скобелева—черезъ Зелено-Древо, Караджи и Иметли; а князя Святополкъ-Мирскаго — черезъ Крестецъ, Сельца, Гудово и Янину. Святополкъ-Мирскій выступилъ и пришелъ въ условленное время, а Скобелевъ пришелъ цѣлыми сутками позже. Самъ же Радецкій оставался на горѣ Св. Николая. Войска взяли съ собою восьмидневный запасъ сухарей, крупы, соли, чаю, сахару, спирта и ячменя; у каждаго солдата было 96 патроновъ и на вьюкахъ везли по 76 патроновъ на солдата. Аптека и перевязочные средства были на вьюкахъ; артиллерія переложена на салазки. Трудности были неимовѣрныя, такъ что 25 декабря, — во время сильнаго мороза, — князь Святополкъ-Мирскій дошелъ до Сельца, а Скобелевъ до Кораджи. Какъ морозъ, такъ и снѣжные завалы, доходившіе мѣстами до полутора сажень въ вышину, представляли весьма серьезныя затрудненія. 26-го числа войска двинулись еще на шагъ: Мирскій подошелъ къ Гузову, а Скобелевъ занялъ и вступилъ въ Иметли. 27-го числа оба должны были дойти до Шипки, но такъ какъ Скобелевъ опоздалъ на цѣлыя сутки, то въ первый день боя участвовали только войска одного Мирскаго. Бой былъ трудный и ожесточенный съ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, взято два орудія и 100 человѣкъ плѣнныхъ турокъ. На слѣдующій день, именно 28-го декабря, была сильнѣйшая буря, отъ мятели ничего не было видно. Однако, войска наши не остановились, а оба

отряда вступили въ бой у деревни Шипки. Когда объ этомъ получилъ донесеніе генералъ Радецкій, то онъ двинулся въ атаку противъ непріятеля. Вскорѣ наши войска овладѣли первою линіею ложементовъ; тутъ были даже и рукопашныя схватки. Наши наступали неуклонно и заставили турецкій огонь стихнуть. Къ тремъ часамъ онъ уже былъ на много слабѣе первоначальнаго, а около четырехъ — совершенно умолкъ. Въ это время было взято, въ отрядѣ Скобелева, нѣсколько знаменъ и двѣнадцать полевыхъ орудій. Всѣ дрались блистательно. Болгары также взяли два орудія. Донесенія шли за донесеніями о ходѣ боя съ удивительною быстротою;—очевидно, турки потеряли нить боя и сами растерялись,—и въ $4^1/_2$ часа прибылъ къ генералу Радецкому сначала ординарецъ Скобелева, а затѣмъ генералъ Столѣтовъ, съ извѣстіемъ, что турецкая армія сдалась въ плѣнъ. Восторгъ былъ всеобщій. Была послана телеграмма главнокомандующему и Государю.

Численность шипкинской арміи, сдавшейся въ плѣнъ, была въ 25,000 чел.; въ томъ числѣ 1 дивизіонный генералъ, два бригадныхъ генерала, 80 штабъ-офицеровъ и 280 оберъ-офицеровъ. Сулейманъ-паша успѣлъ скрыться. Знаменъ было взято пять, а значковъ — очень много. Взяты всѣ орудія, въ томъ числѣ 11 дальнобойныхъ мортиръ.

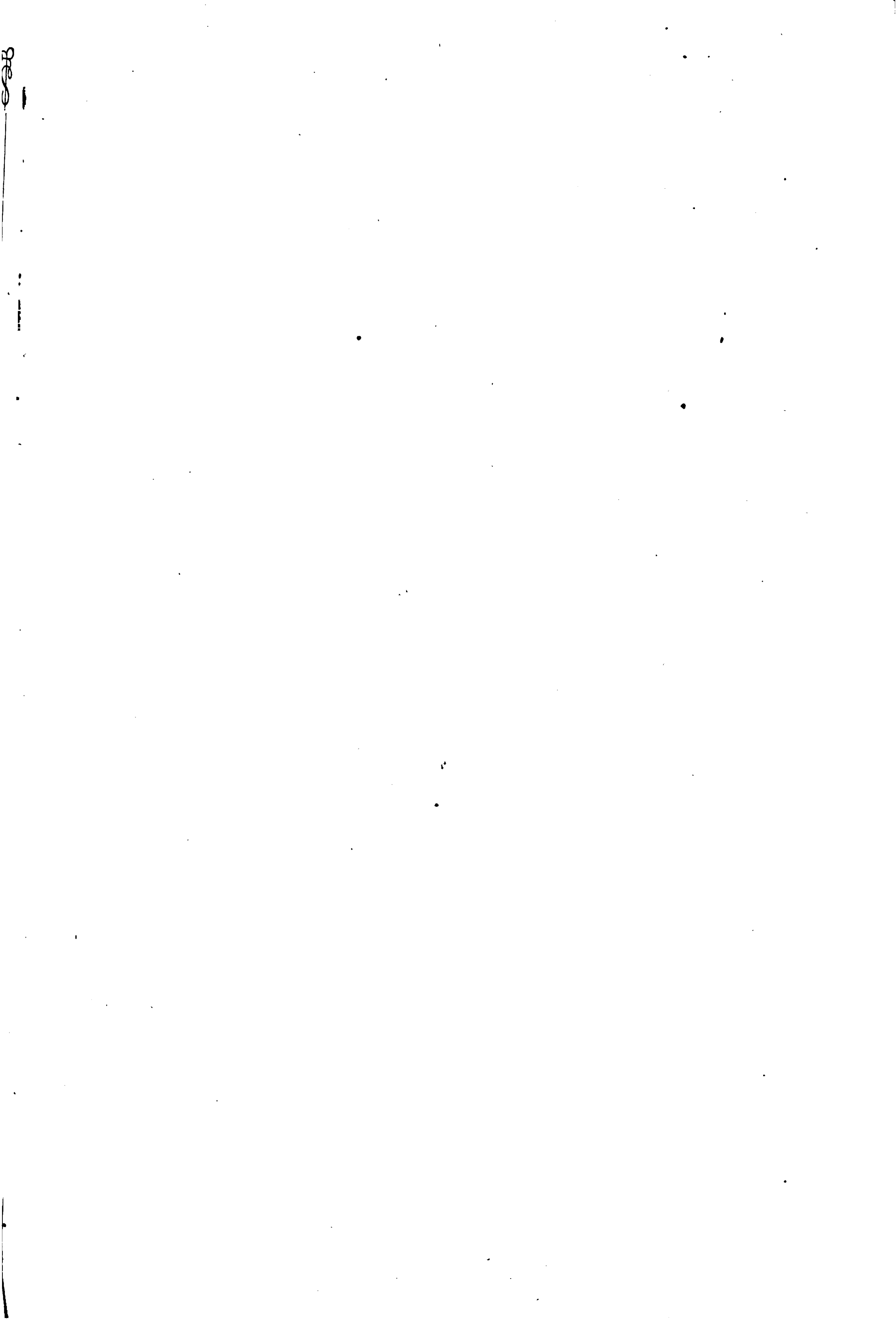
Плѣнепіе шипкинской арміи не есть дѣло случайпое: это дѣло строго подготовлено и разсчитано на несомнѣнный успѣхъ. Личная единичная храбрость не имѣла въ немъ никакого вліянія на ходъ боя. Атака была такъ обставлена, что турецкія войска не могли найти себѣ выхода и принуждены были сдаться. Ни одна часть войскъ не была поставлена такъ, чтобы исходъ ея атаки зависѣлъ отъ храбрости того или другого солдата или офицера. Нѣтъ, исходъ зависѣлъ отъ дружнаго и своевременнаго исполненія всѣми отрядами отданныхъ имъ приказаній. Плѣненіе шипкинской

арміи самое блестящее дѣло въ минувшую русско-турецкую войну.

Планъ этого замѣчательнаго дѣла принадлежитъ генералу Ѳедору Ѳедоровичу Радецкому и приведенъ въ исполненіе подъ непосредственнымъ его начальствомъ.

С.

П. А. Шуваловъ.

чъ

ѣ 1878 года,
аключеніемъ
сіею и Тур-
сскихъ ди-
на этомъ
ча Шува-
орѣ коро-

не мало
инскомъ
самыхъ
ту-
а

оли
лита русская кровь
ръ Андреевичъ, старшій сынъ графа
вича Шувалова, оберъ-гофмейстера и оберъ
императорскаго двора, любимца и приближенна
императора Николая Павловича.

П. А. Шуваловъ.

1878 года,
ніемъ
Тур-
ди-
омъ
ва-
ро-

го

ли

с... Россіи и Балка...

... пролита русская кровь.

Петръ Андреевичъ, старшій сынъ графа Андрея Петро-
вича Шувалова, оберъ-гофмейстера и оберъ-гофмаршала
императорскаго двора, любимца и приближеннаго покойнаго
императора Николая Павловича.

П. А. Шуваловъ.

III.

Графъ Петръ Андреевичъ

Шуваловъ.

События, послѣдовавшія въ Европѣ, въ началѣ 1878 года, вслѣдъ за уничтоженіемъ турецкихъ армій и заключеніемъ Санстефанскаго мирнаго договора, между Россіею и Турціею, потребовали усиленной дѣятельности русскихъ дипломатовъ, при чемъ одна изъ первыхъ ролей, на этомъ поприщѣ, выпала на долю графа Петра Андреевича Шувалова, занимающаго постъ русскаго посла при дворѣ королевы Великобританіи.

Энергическая дѣятельность графа Шувалова, не мало способствовавшая мирному разрѣшенію на берлинскомъ конгресѣ восточнаго вопроса, даетъ ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду дѣятелей послѣдней русско-турецкой войны; такъ какъ ему пришлось отстаивать на дипломатическомъ полѣ интересы Россіи и Балканскихъ славянъ, за которые пролита русская кровь.

Петръ Андреевичъ, старшій сынъ графа Андрея Петровича Шувалова, оберъ - гофмейстера и оберъ - гофмаршала императорскаго двора, любимца и приближеннаго покойнаго императора Николая Павловича.

Въ родѣ графовъ Шуваловыхъ встрѣчаются имена лицъ, принесшихъ много пользы отечеству своею службою; такъ отецъ Петра Андреевича и графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ оставили по себѣ память трудами и стараніями о распространеніи просвѣщенія въ Россіи.

Петру Андреевичу теперь 51 годъ, онъ родился въ 1827 году, получилъ воспитаніе въ пажескомъ, Его Императорскаго Величества, корпусѣ и, изъ камеръ пажей, въ 1846 году, произведенъ въ корнеты кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка.

Оставаясь въ военномъ министерствѣ графъ Шуваловъ посвятилъ себя сначала административной дѣятельности и въ чинѣ полковника, состоя флигель-адъютантомъ Его Величества, занималъ должность с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Затѣмъ Петръ Андреевичъ нѣкоторое время управлялъ, въ качествѣ директора, департаментомъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Былъ генералъ-губернаторомъ Остзейскаго края и затѣмъ — начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а въ 1866 году былъ назначенъ шефомъ корпуса жандармовъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Съ 21 іюля 1874 года Петру Андреевичу пришлось оставить административную службу для дипломатіи, такъ какъ Государю Императору угодно было назначить его на высокій и важный постъ чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра въ Англію. Кромѣ званія посла, Петръ Андреевичъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта, имѣетъ чинъ генерала отъ кавалеріи и званіе генералъ-адъютанта Его Величества.

Въ Англіи Петръ Андреевичъ, благодаря своимъ связямъ, образованію и быстро высказавшимся дипломатическимъ способностямъ, былъ принятъ радушно и вскорѣ прі-

обрѣлъ расположеніе и уваженіе со стороны вліятельной англійской аристократіи и успѣлъ сойтись съ государственными людьми, что много способствовало Шувалову во время политическихъ недоразумѣній и враждебныхъ Россіи стремленій англійскаго правительства, дало возможность ослабить слишкомъ натянутыя отношенія лондонскаго и петербургскаго правительства и если не навсегда, то хотя временно разогнать грозныя тучи, собравшіяся на политическомъ горизонтѣ и предотвратить новую жестокую и изнурительную войну.

Почти съ самаго пріѣзда въ Лондонъ для Петра Андреевича настала трудная и кипучая работа, необходимо было зорко слѣдить за направленіемъ англійской политики, объяснять недоразумѣнія, предупреждать столкновенія, поводовъ къ которымъ у англичанъ находилось множество, такъ какъ вскорѣ послѣ назначенія графа посломъ началось движеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, а вслѣдъ за нимъ русско-турецкая война,— событія, всегда интересовавшія и по настоящее время волнующія какъ англійскій народъ, такъ и его правительство.

Самое тяжелое время трудовъ и нравственнаго волненія началось для нашего посла, послѣ того какъ былъ заключенъ Санстефанскій мирный договоръ, а русская армія расположилась въ виду Константинополя. Англія, недовольная успѣхами русскихъ войскъ, боясь потерять свое вліяніе на востокѣ, всѣми силами старалась ослабить результаты русскихъ побѣдъ. Британское правительство быстро вооружало флотъ и мобилизировало армію; а между тѣмъ новый англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Салисбери, въ отвѣтъ на приглашеніе Англіи участвовать въ конгресѣ, въ циркулярной нотѣ къ англійскимъ представителямъ за границею, заявилъ неудовольствіе со стороны своего пра-

вительства санстефанскимъ договоромъ и ставилъ непремѣннымъ условіемъ конгреса обсужденіе всѣхъ его пунктовъ. Положеніе графа Шувалова было въ высшей степени затруднительно — достоинство Россіи не позволяло согласиться на требованія англійскаго правительства и оставалось уладить дѣло путемъ дипломатическихъ соглашеній или же отстаивать свои интересы оружіемъ.

Графу Шувалову потребовалась вся его энергія и дипломатическая ловкость, тѣмъ болѣе, что съ выходомъ въ отставку лорда Дерби онъ потерялъ въ немъ личнаго друга, на поддержку и слово котораго могъ положиться; но, не смотря на всѣ затрудненія, Петру Андреевичу удалось войдти въ соглашеніе съ маркизомъ Салисбери и заключить съ нимъ конвенцію, результатомъ которой было собраніе уполномоченныхъ на берлинскомъ конгресѣ.

На конгресѣ графъ Шуваловъ присутствовалъ въ качествѣ уполномоченнаго, причемъ, по болѣзни канцлера князя Горчакова, на него палъ главный трудъ по частнымъ соглашеніямъ съ уполномоченными, совѣщанія съ которыми составляли подготовку рѣшеній конгреса, и въ этомъ случаѣ графъ Шуваловъ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе. Въ трудныя минуты онъ энергически отстаивалъ порученное ему дѣло и по возможности успѣвалъ достигать благопріятныхъ результатовъ. Такъ напримѣръ, когда въ засѣданіи конгреса 26 іюня былъ возбужденъ вопросъ объ очищеніи русскими войсками занятыхъ ими позицій, вопросъ, касавшійся очень близко чести Россіи, графъ Шуваловъ горячо защищалъ права своего отечества и добился рѣшенія въ свою пользу.

По подписаніи конгресомъ постановленій, графъ Шуваловъ возвратился къ своему посту въ Лондонъ, но ему не пришлось отдохнуть, онъ былъ вызванъ Государемъ Импе-

раторомъ въ Ливадію и въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца посланъ въ Вѣну къ Австрійскому Императору для переговоровъ о созваніи новой европейской конференціи для обсужденія средствъ къ окончательному приведенію въ исполненіе постановленій берлинскаго конгреса.

А. Меридіановъ.

[illegible] вшихъ
[illegible] рецкую
[illegible] имаетъ
[illegible] ль [illegible] Дмитр[illegible]ь Ско-

[illegible] 1843 г., 17 сентябр[illegible] восем-
[illegible] ступилъ [illegible] въ Кавалергард-
[illegible] года [illegible] еты съ
[illegible] гвардіи Гр[illegible] полкъ,
[illegible] (Сначала [illegible]) въ Варшавѣ.
[illegible] способности
[illegible] Послѣ [illegible] онъ поступилъ въ Ни-
[illegible] демію генеральна[illegible] и [illegible] отличіемъ
[illegible] курсъ, [illegible] къ ге-
[illegible] на службу [illegible] Тке-
[illegible]
но тамъ оставался не долго. По возвращеніи
Скобелевъ былъ нѣкоторое время въ военно-у

IV.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ,

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й.

Въ ряду нашихъ доблестныхъ героевъ, возвеличившихъ славу русскаго оружія въ послѣднюю русско-турецкую войну, одно изъ видныхъ мѣстъ, безспорно, занимаетъ молодой, талантливый генералъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й.

Скобелевъ родился въ 1843 г., 17 сентября, и восемнадцати лѣтъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Черезъ два года его произвели въ корнеты съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, находившійся въ то время (начало 1863 г.) въ Варшавѣ. Въ этотъ періодъ впервые выказались боевыя способности Михаила Дмитріевича. Послѣ этого онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и съ отличіемъ окончилъ въ ней курсъ, послѣ чего былъ причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу сперва въ Туркестанскій край (1868 г.), а потомъ на Кавказъ (1870 г.), но тамъ оставался не долго. По возвращеніи съ Кавказа, Скобелевъ былъ нѣкоторое время въ военно-ученомъ коми-

тетѣ главнаго штаба, а потомъ назначенъ адъютантомъ 22-й пѣхотной дивизіи. Начавшаяся война съ коканцами вызвала его исключительно къ боевой дѣятельности. За дѣла и отличія подъ Хивой Скобелевъ получилъ всѣ высшія боевыя награды: золотую саблю съ надписью «за храбрость», орденъ св. Георгія побѣдоносца 4-й и 3-й степени и золотую шпагу, украшенную бриллiантами, а также чины полковника и генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. За участіе въ турецкой войнѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. На 30-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, Скобелевъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ въ ней войсками, но онъ охотно оставилъ эту почетную и важную должность, чтобы отправиться на театръ войны, въ дѣйствующую дунайскую армію. На первое время онъ получилъ назначеніе при парановскомъ отрядѣ исполнять должность начальника штаба. Здѣсь первые шаги его дѣятельности ознаменовываются отличіемъ: онъ получаетъ орденъ св. Станислава съ мечами, въ награду за мужество и храбрость, оказанныя при переправѣ войскъ черезъ Дунай у Зимницы, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня. По истеченіи нѣкотораго времени генералъ Гурко исполняетъ важную экспедицію—переваливаетъ Балканы. Въ ожиданіи, пока онъ появится съ юга шипкинскаго перевала, съ сѣверной стороны ему посылаютъ на встрѣчу Орловскій полкъ, который терпитъ неудачу; послѣ чего Скобелевъ принимаетъ надъ нимъ начальство и дѣло увѣнчивается успѣхомъ — турки бросаютъ шипкинскія позиціи и разбѣгаются по горнымъ тропинкамъ. Затѣмъ Скобелеву поручаютъ занять Ловчу, съ цѣлью разъединенія двухъ армій Османа и Сулеймана пашей. Сознавая важное

стратегическое значеніе Ловчи, Скобелевъ до 22-го августа исключительно занимается рекогносцировками мѣстности, а 22-го августа даетъ рѣшительный бой, замѣчательный по упорству, съ которымъ турки отстаивали Ловчу и по настойчивости, съ которою русскіе атаковали ее. Видя, что рѣдѣютъ ряды наступающихъ колоннъ, Скобелевъ лично ведетъ новыя силы на подмогу. Зная по опыту, что отбитая атака порождаетъ въ солдатахъ панику, Скобелевъ не допускаетъ отступленія. Бой длился 12 часовъ къ ряду... Разсказываютъ, что солдаты, изнеможенные до крайнихъ предѣловъ, говорили генералу: — «Моченьки нѣтъ, ваше превосходительство!.. »

Скобелевъ, самъ работавшій все время, напряженно крикнулъ имъ:

— Благодѣтели! каша вечеромъ будетъ, кашей накормлю—возьмите еще эту турецкую батарею!...

Солдаты напрягали послѣднія силы: къ вечеру Ловча была въ ихъ рукахъ.

Какъ ни анекдотиченъ, по своему существу, только что приведенный фактъ могущественнаго вліянія каши, но тѣмъ не менѣе, въ немъ сказалось глубокое пониманіе натуры и требованій русскаго солдата.

Во время осады плевненскихъ позицій Скобелевъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ, взялъ 28 и 29 августа двѣ возвышенности, господствующія надъ двумя редутами близь Плевны, и укрѣпилъ свои позиціи, расположивъ на нихъ 2 полка и 24 орудія. Такимъ образомъ, въ достаточной степени онъ прикрылъ свой лѣвый флангъ противъ турецкаго Кришинскаго редута. 30-го августа, съ разсвѣта до 2-хъ часовъ пополудни, батареи усиленно обстрѣливали Плевну, прекращая по временамъ разомъ огонь на часъ или полтора, чтобы заставить турокъ напрасно ожидать штурма,

назначеннаго въ 3 часа. Согласно диспозиціи, Скобелевъ долженъ былъ овладѣть укрѣпленіями на Кришинскихъ высотахъ. Въ то-же время румыны съ русской бригадой 5-й дивизіи бросились на Гривицкій редутъ и овладѣли имъ; а съ юга — части 4-го корпуса, во главѣ съ Крыловымъ, штурмовали большой редутъ западнѣе Радищева, но были отбиты. Скобелевъ же овладѣлъ тремя редутами послѣ ожесточеннаго боя. Въ его распоряженіи было 4 полка и 4 стрѣлковыхъ баталіона.

Открывъ по туркамъ безпощадный артиллерійскій огонь, Скобелевъ подъ защитою его расположилъ въ лощинѣ отлогаго ската, на которомъ былъ возведенъ редутъ, 2 полка съ 2-мя стрѣлковыми баталіонами на разстояніи не далѣе какъ 1200 ярдовъ отъ вала. Затѣмъ, прекративъ огонь, отдалъ приказъ наступать. Во время приступа велѣно было дѣлать перерывы въ пальбѣ; солдаты двинулись впередъ съ музыкой и развѣвающимися знаменами, исчезая въ дыму и копоти. Скобелевъ былъ тутъ-же и, видя какъ порѣдѣвшая линія дрогнула, окликнулъ громовымъ голосомъ, подзывая на помощь первый изъ попавшихся полковъ. Стремительно ринулись впередъ эти свѣжія силы мимо шанцевъ и контрашанцевъ, черезъ брустверъ, и ураганомъ ворвались въ редутъ. Дружный радостный окликъ скоро извѣстилъ, что одинъ изъ могущественнѣйшихъ оплотовъ Плевны теперь находился въ нашихъ рукахъ.

Съ разсвѣтомъ другого дня, 30 августа, какъ и слѣдовало ожидать, турки атаковали отбитый редутъ. Противъ Скобелева они направили всѣ свои усилія, сознавая всю стратегическую важность этого пункта, такъ какъ его расположеніе болѣе прочихъ угрожало ихъ расположенію и пути отступленія.

Скобелевъ хотя за ночь и окопался на позиціяхъ, но,

выдержавъ пять дружныхъ атакъ непріятеля и, потерявъ массу войска, онъ принужденъ былъ оставить редутъ, пріобрѣтенный цѣною такихъ страшныхъ жертвъ. Такимъ образомъ результатъ вчерашняго боя сводился на ничто.

Говорятъ, что онъ просилъ помощи, отъ своевременной подачи которой зависѣло-бы взятіе Плевны; но поддержка, посланная ему, была столь незначительна, что оказалась каплею въ морѣ. Послѣдствія выяснили, что помощь не была подана за отсутствіемъ резервовъ. Въ этотъ день потеря Скобелева равнялась 6000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, изъ которыхъ 3500 были перевезены въ госпитали.

Враги Скобелева указываютъ на эту роковую катастрофу, какъ на слѣдствіе ненасытной жажды славы и военныхъ отличій, ради чего онъ легко жертвуетъ столькими жизнями. Но дѣло въ томъ, что здѣсь все зависѣло отъ обстоятельствъ: получи онъ поддержку во-время — и факта отступленія не существовало-бы. При всемъ своемъ горѣ Скобелевъ понималъ это и на вопросъ: кого винитъ онъ? отвѣчалъ:

— Я никого не виню въ этомъ. Такова, видно, воля Господня!...

И только горячая слеза, выкатившаяся изъ глазъ этого закаленнаго въ бояхъ генерала, являлась нѣмымъ протестомъ противъ несправедливости рока. Онъ былъ въ страшномъ состояніи. Мундиръ его запятнанъ грязью, сабля сломана, георгіевскій крестъ болтался на плечѣ, лицо черное отъ пороховаго дыма, глаза блуждали налитые кровью; вмѣсто голоса изъ запекшихся губъ вылеталъ какой-то хриплый шепотъ.

— Я сдѣлалъ что могъ, говорилъ онъ, большаго сдѣлать я не былъ въ состояніи.

Съ прибытіемъ генерала Тотлебена плевненская трагедія вступила въ новый фазисъ своего развитія. Мѣсто моло-

децкихъ схватокъ заняла правильная осада. Скобелеву было поручено послѣдовательное занятіе турецкихъ ложементовъ, расположенныхъ на трехъ кряжахъ «Зеленыхъ горъ». Въ виду этого отрядъ Скобелева выдвинулся, 24 октября, на передовую позицію влѣво отъ Брестоваца. 28 октября, утромъ, подъ покровомъ густаго тумана, генералъ Скобелевъ овладѣваетъ первымъ кряжемъ горъ, покрытыхъ турецкими ложементами, и, занявъ отнятую позицію, укрѣпляетъ ее подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, дѣлая тѣмъ значительный шагъ впередъ къ овладѣнію лагеремъ Османа. И дѣйствительно, «взятая позиція представляла собою то, что принято называть *тактическимъ ключемъ позиціи*, т. е. такимъ пунктомъ, переходъ котораго въ руки противника дѣлалъ лишнимъ всякое сопротивленіе на всѣхъ другихъ пунктахъ боевой линіи». Новая позиція русскихъ стѣсняла турокъ до послѣдней степени; поэтому въ ночь съ 29 на 30 октября они рѣшились сдѣлать попытку нечаяннаго нападенія съ цѣлью вернуть свои ложементы. Но генералъ Скобелевъ, въ свою очередь, предусмотрѣлъ вѣроятность атаки и принялъ надлежащія мѣры. Впереди траншеи велѣно залечь секретамъ съ тѣмъ, чтобы зорко слѣдить за намѣреніями непріятеля.

Самъ Скобелевъ безотлучно поселился тутъ же. Солдаты вырыли ему ямку въ траншеѣ, все убранство которой состояло въ санитарныхъ носилкахъ, служившихъ ему вмѣсто кровати и низкаго стола, заложеннаго картами и планами. Въ этомъ-то незатѣйливомъ помѣщеніи и расположился Михаилъ Дмитріевичъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба капитаномъ Куропаткинымъ, вскакивая на призывъ перваго выстрѣла и появляясь среди солдатъ. Одинъ изъ людей секрета предупредилъ во время о томъ, что турки собираются напасть на насъ въ расплохъ и собрали въ

траншеяхъ отъ 5 до 7 таборовъ. По словамъ корреспондента, въ совершенной тишинѣ весь нашъ передовой отрядъ былъ поднятъ на ноги, причемъ, не взирая на потемки осенней полночи, порядокъ въ траншеѣ былъ образцовый. Приказанія и распоряженія, передаваемыя почти шепотомъ, принимались къ исполненію быстро, безъ малѣйшей суеты; людямъ велено было приготовиться и ждать условнаго знака. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ мертвой тишины. Вотъ послышался неопредѣленный шумъ; то былъ глухой звукъ легкихъ, какъ бы крадущихся шаговъ; вслѣдъ за этимъ чуть чуть обрисовалась темная масса, прникшая къ землѣ, будто ползущая... Вотъ она на разстояніи всего 60 шаговъ, какъ вдругъ у насъ раздался условный свистокъ, сверкнула полоса молніи и грянулъ оглушительный залпъ. У турокъ—отчаянныя вопли испуга, стоны... Они пошатнулись и бросились назадъ. Второй залпъ догналъ въ спину бѣжавшихъ. Только на значительномъ разстояніи они остановились, залегли и завели безпорядочную лихорадочную перестрѣлку. Весь въ огнѣ, стоя на брустверѣ, въ виду непріятеля, Скобелевъ лично велъ оборону. Бой былъ жестокій и защиту Зеленыхъ горъ по справедливости сравниваютъ съ защитою Шипки. Потери съ обѣихъ сторонъ были очень значительны. Но вотъ у турокъ рожокъ прозвучалъ «отбой», и они ушли къ себѣ. Съ этихъ поръ за лѣвымъ флангомъ былъ обезпеченъ успѣхъ положительный, и по занятіи 29-го числа третьей высоты, генералъ Скобелевъ получилъ возможность дѣйствовать какъ по южному фронту турецкихъ укрѣпленій, такъ и по городу. Теперь Зеленыя горы были взяты, но Кришинскій редутъ, господствующій надъ ними, находился еще въ рукахъ турокъ и осыпалъ насъ цѣлымъ дождемъ пуль и картечи. Пріобрѣтеніе его представляло насущную необходимость и вотъ, 28-го ноября

генералъ Скобелевъ взялъ Кришинскій редутъ и редутъ Зеленаго холма. Послѣ этого Османъ паша сдѣлалъ попытку пробиться разомъ съ трехъ сторонъ: на сѣверо-западъ — между Горнимъ Митрополемъ и Горнимъ Дубнякомъ, на югъ—въ направленіи къ Зеленой горѣ и на сѣверъ — въ направленіи къ Опанцу. Османъ-паша лично командовалъ войсками на вылазкѣ съ сѣверо-запада, и тамъ, также какъ и у Опанца, турки проникли до русскихъ редутовъ. Колонна же ихъ, двинувшаяся противъ Скобелева, была отражена и преслѣдуема. За нею русскія войска вошли въ Плевну и оттуда ударили на Османа-пашу. Окруженный со всѣхъ сторонъ и раненый, Османъ-паша видѣлъ всю безполезность сопротивленія и сдался со всею арміею.

Послѣ взятія Плевны отрядъ Скобелева былъ посланъ на Шипку, гдѣ онъ участвуетъ въ славномъ дѣлѣ подъ Шейновымъ противъ Весселя-паши, причемъ особенно отличились полки Углицкій, Владимірскій и Казанскій. Трофеями этой блистательной побѣды были: 27 орудій, семь знаменъ, нѣсколько значковъ, болѣе 10,000 ружей и масса снарядовъ, причемъ взяты въ плѣнъ 2 паши, четыре полковника, 280 офицеровъ и болѣе 12,000 человѣкъ низама.

Послѣ погрома Весселя-паши русская армія быстро двинулась на югъ, и 31-го января мы видимъ уже Скобелева съ 16-ю дивизіею на возвышенности подъ Константинонолемъ. Очевидецъ говоритъ: «Было прекрасное, ясное утро, теплое какъ весною. Хоры полковой музыки играли, пѣсенники пѣли и звуки этой гармоніи, видъ этихъ мундировъ и лицъ у самыхъ воротъ Константинополя свидѣтельствовалъ объ успѣхахъ русской арміи и о заключеніи перемирія. Войска привѣтствовали генерала въ то время, какъ онъ ѣхалъ впереди, отвѣчали на его здорованье съ солдатами; на всѣхъ лицахъ сіяла радость». Всѣ любовались чудною

картиною: красивый Стамбулъ выдѣлялся изъ свѣжаго утренняго тумана и сверкалъ своими легкими минаретами и высокими башнями въ утреннихъ лучахъ солнца.

Освѣтивъ главные моменты дѣятельности генерала Скобелева въ русско-турецкую кампанію, скажемъ нѣсколько словъ о его личности и объ отношеніяхъ къ солдату. Теперь ему 34 года. Онъ прекрасно образованъ, обладаетъ бойкою памятью, считается большимъ знатокомъ военной исторіи и умѣетъ извлекать изъ ея примѣровъ практическую пользу. Обладая замѣчательными стратегическими способностями, онъ быстро намѣчаетъ слабѣйшіе пункты непріятеля.

Достаточно взглянуть на эту высокую, стройную фигуру, красивое симпатичное лицо, обрамленное русою бородою, на ласковые голубые глаза—и всякому будетъ понятно его обаяніе на солдатъ, которые готовы идти за нимъ всюду. Скобелевъ любитъ солдата какъ своего боеваго товарища, дѣлящаго съ нимъ всѣ труды, невзгоды и лишенія, и печется о немъ съ отеческою заботливостью, такъ что любовь солдатъ къ нему не болѣе какъ откликъ на его собственную. Безъ злобы онъ не можетъ слышать разсужденій въ родѣ слѣдующихъ: теперь война, слѣдовательно солдатъ можетъ плохо ѣсть, быть плохо одѣтымъ. Въ 16-й дивизіи ротные котлы возились всюду и въ моменты самыхъ жаркихъ битвъ солдатамъ прямо на позиціи доставлялась горячая пища.

— Со Скобелевымъ драться можно, говорятъ солдаты,— всегда сытъ будешь!..

Куда-бы они ни приходили, гдѣ-бы ни останавливались— первые часы были посвящены на рытье землянокъ, вслѣдствіе чего здоровье солдатъ было превосходно. Вездѣ строились имъ бани.

Въ обращеніи съ солдатами генералъ не допускаетъ себѣ ни малѣйшей рѣзкости, всегда съ ними ласковъ. Разсказываютъ, что кто видѣлъ Скобелева въ бою—не могъ не полюбить его.

— Пѣсенники, на правый флангъ! кричитъ подскакивая Скобелевъ передъ штурмомъ.

— Чахлы со знаменъ долой!... Это самая торжественная минута въ жизни полка.

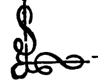
Даже турки знаютъ его и величаютъ «Акъ-паша» (Бѣлый генералъ). На нихъ онъ наводитъ паническій страхъ однимъ своимъ появленіемъ впереди войска въ бѣломъ кителѣ, на бѣлой лошади, всегда отважный, ежеминутно подвергая жизнь свою опасности, но пули какимъ-то чудомъ не касаются его; онъ остается невредимъ въ то время, когда кругомъ него царитъ смерть и ужасъ.

Съ какимъ-то упованіемъ и вѣрой безграничной смотритъ солдатъ на Скобелева; фигура его, въ глазахъ простолюдина, разростается, принимаетъ грандіозные размѣры и превращается въ какого-то сказачнаго, легендарнаго героя. Существуетъ анекдотъ о томъ, какъ раненый солдатъ въ лазаретѣ разсказываетъ своимъ товарищамъ:

— Вотъ эта пуля сквозь него (Скобелева) прошла; ему ничего, а меня ранила.

Уже по одной той массѣ ходячихъ анекдотовъ про Скобелева видно, на сколько эта личность мила и дорога русскому солдату. Отсюда понятна его популярность.

С.

себѣ
зы-
по-
и-

Я. Гротъ.

[illegible]

иновѣрческихъ приходовъ въ имперіи, подъ
«Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи
Гротъ, умершій въ 1799 году, горячо полюбилъ

Я. Гротъ.

V.

АКАДЕМИКЪ

Яковъ Карловичъ Гротъ.

Дѣдъ Якова Карловича, Іоакимъ-Христіанъ Гротъ, сынъ адвоката въ голштинскомъ городѣ Плэнѣ, переселился въ Россію въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны. Онъ былъ тогда кандидатомъ богословія, пріѣхалъ въ Нарву домашнимъ учителемъ баронессы Корфъ, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ занялъ мѣсто пастора лютеранскаго Екатерининскаго прихода на Васильевскомъ острову, и въ 1770 году построилъ для этого прихода церковь на углу 1-й линіи и Большаго проспекта. Шлэцеръ, хорошо знакомый съ пасторомъ Гротомъ, въ своей автобіографіи хвалитъ его проповѣди. Изъ нихъ нѣкоторыя были въ свое время изданы вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ. Въ подлинникѣ между прочимъ напечатано собраніе словъ, сказанныхъ имъ въ пользу оспопрививанія, за что Екатерина II пожаловала ему золотую медаль. Главное сочиненіе его, въ трехъ томахъ, посвящено историческому очерку иновѣрческихъ приходовъ въ имперіи, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи». Іоакимъ Гротъ, умершій въ 1799 году, горячо полюбилъ Россію и

русскій народъ, и эту любовь передалъ своему единственному сыну, Карлу Ефимовичу, который, получивъ образованіе въ Петропавловскомъ училищѣ, впослѣдствіи служилъ въ департаментѣ государственныхъ имуществъ (принадлежавшемъ къ министерству финансовъ) и умеръ начальникомъ отдѣленія въ 1816 году, 46-ти лѣтъ отъ роду. Лѣтъ 14-ти онъ удостоился быть избраннымъ въ число молодыхъ людей, которые приглашались къ малолѣтному великому князю Александру Павловичу для разговора на иностранныхъ языкахъ,—обстоятельство, упоминаемое самою Императрицею, въ письмахъ ея къ Гримму.

Родившись 15-го декабря 1812 года въ Петербургѣ, Яковъ Карловичъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Константиномъ (нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта) и старшею сестрою (умершею въ дѣвицахъ въ 1874 г.), остался малолѣтнымъ на рукахъ матери, урожденной Цизмеръ, которая, хотя также нѣмецкаго происхожденія, чувствовала особенное предпочтеніе ко всему русскому и потому воспитала дѣтей своихъ въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. Первый языкъ, на которомъ она съ ними говорила, былъ отечественный, но уже въ самые ранніе годы они незамѣтно ознакомлялись также съ нѣмецкимъ и французскимъ.

Когда Якову Карловичу минуло десять лѣтъ, въ январѣ 1823 года, онъ принятъ былъ на казенный счетъ въ царскосельскій лицейскій пансіонъ. Здѣсь въ число предметовъ преподаванія входила между прочимъ латынь, къ которой большую охоту умѣлъ возбудить въ немъ учитель русскаго и латинскаго языковъ, В. В. Троицкій; Яковъ Карловичъ вскорѣ занялъ первое между товарищами мѣсто и, пройдя три класса, въ 1826 году переведенъ былъ, въ видѣ отли-

чія, въ лицей, любимое созданіе Императора Александра I, пользовавшееся славою лучшаго въ то время учебнаго заведенія въ Россіи. Здѣсь ученіе продолжалось шесть лѣтъ. 25-ть одновременно поступившихъ въ лицей воспитанниковъ черезъ три года всѣ вмѣстѣ переходили (не смотря на различіе успѣховъ) изъ младшаго курса въ старшій и вмѣстѣ же выпускались на службу. Изъ стѣнъ лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали воспитанниковъ по праздникамъ только на день; причемъ они не могли отлучаться за предѣлы Царскаго села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лицеистами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые преподавались ученикамъ, вредило основательности ученія; въ составъ курса входили и историческія и политическія науки, и правà и высшая математика съ физикой; изъ древнихъ языковъ учили только латинскому, изъ новыхъ иностранныхъ—французскому и нѣмецкому (англійскій былъ введенъ гораздо позднѣе). Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждался въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ. Конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что Яковъ Карловичъ вступилъ въ лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига; преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было тамъ еще свѣжо и не могло не имѣть большаго вліянія на его умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между учениками тѣмъ болѣе общими, что профессоръ по русской литературѣ, Н. Ф. Кошанскій (вскорѣ умершій), поощрялъ это направленіе и даже задавалъ темы для стихотвореній. По роду своихъ способностей

и живой впечатлительности, Яковъ Карловичъ пристрастился къ литературѣ, много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, и издавалъ рукописные журналы, которые наполнялъ большею частью своими же статьями и самъ переписывалъ. Не будучи особенно прилеженъ и даже подтрунивая надъ самыми усидчивыми изъ товарищей, онъ успѣлъ, однакожъ, и въ лицеѣ стяжать пальму первенства по всѣмъ предметамъ; всего болѣе отличался онъ въ языкахъ и, по переходѣ въ старшій курсъ, изучилъ по собственной охотѣ, безъ учителя, еще одинъ иностранный языкъ — итальянскій, на которомъ скоро прочиталъ сочиненія лучшихъ писателей. Нѣсколько товарищей, увлекшись примѣромъ, стали брать у него уроки въ этомъ языкѣ, и для одного изъ нихъ онъ тогда же написалъ трактатъ объ итальянскомъ глаголѣ. Для выпускнаго же экзамена Яковъ Карловичъ избралъ темою одно изъ сочиненій трагика Альфіери.

По выпускѣ изъ лицея онъ мечталъ поступить на дипломатическое поприще, какъ вдругъ одинъ изъ бывшихъ его наставниковъ, покойный И. П. Шульгинъ, вздумалъ отрекомендовать его предсѣдателю Комитета министровъ, князю Кочубею, по предложенію котораго онъ и поступилъ подъ начальство управлявшаго дѣлами Комитета, барона Мод. Андр. Корфа, вышедшаго изъ лицея вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ 1817 году.

Вскорѣ баронъ Корфъ приблизилъ Якова Карловича къ себѣ, предложивъ жить у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и такимъ образомъ помогать ему въ его служебныхъ занятіяхъ. Въ 1834 г., бывъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, онъ перевелъ и Якова Карловича въ канцелярію Государственнаго совѣта.

Здѣсь онъ прослужилъ около шести лѣтъ, составляя ме-

моріи для поднесенія Государю, отчасти и переписывая ихъ на-бѣло, такъ какъ имѣлъ замѣчательно-красивый почеркъ. Служба эта, пріятная по внѣшнему, во многихъ отношеніяхъ исключительному положенію чиновниковъ, не нравилась Якову Карловичу по характеру занятій, не требовавшихъ почти никакой самостоятельной дѣятельности и очень мало полезныхъ для пріобрѣтенія служебной опытности; все, что онъ извлекъ изъ нихъ для своего умственнаго развитія, заключалось въ нѣкоторомъ редакторскомъ искусствѣ, въ умѣніи ясно и сжато изложить всякое дѣло. Въ этомъ отношеніи бар. Корфъ, будучи самъ ученикомъ Сперанскаго, могъ служить хорошимъ образцомъ.

Во все это время страсть къ литературнымъ занятіямъ и къ распространенію своихъ свѣдѣній не давала Якову Карловичу покою. Съ самаго выпуска изъ лицея онъ не переставалъ усердно стремиться къ пополненію своего образованія; выучился по книгамъ, въ короткое время, англійскому языку, прочелъ въ подлинникѣ Байрона и Шекспира, продолжалъ изучать латынь и исторію и безпрестанно дѣлалъ выписки изъ своихъ чтеній. Къ поддержанію его энергіи въ этомъ дѣлѣ не мало способствовало сближеніе съ однимъ сослуживцемъ, начавшимъ службу одновременно съ нимъ въ Комитетѣ министровъ, но окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Это былъ извѣстный впослѣдствіи своими трудами по министерству государственныхъ имуществъ, оцѣненный по достоинству покойнымъ графомъ Киселевымъ, Дм. Степ. Протопоповъ († 1871 г.). Бывши еще молодыми людьми, оба много занимались вмѣстѣ и письменно передавали другъ другу результаты своихъ чтеній.

Первымъ, болѣе значительнымъ литературнымъ трудомъ Якова Карловича былъ переводъ въ стихахъ *Мазепы* Байрона. Прочитавъ его, одинъ изъ старшихъ товарищей г. Грота

по лицею, самъ извѣстный многими удачными произведеніями поэзіи и пострадавшій за одно изъ нихъ, покойный М. И. Деларю, познакомилъ Якова Карловича съ Плетневымъ, который, незадолго передъ тѣмъ, принявъ на себя изданіе основаннаго Пушкинымъ «Современника», изъявилъ желаніе напечатать въ немъ этотъ трудъ. Русскій переводъ *Мазепы* явился въ 1-й книгѣ «Современника» за 1838 г. Съ тѣхъ поръ Яковъ Карловичъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ этого журнала до перехода его, въ 1847 году, въ другія руки. Перспектива лестной служебной карьеры уже не могла отвлечь его отъ науки и литературы. Послѣ первыхъ успѣховъ на новомъ поприщѣ, баронъ Корфъ, въ разговорѣ съ Плетневымъ, не безъ нѣкотораго сожалѣнія сказалъ о немъ, махнувъ рукой: «Пропалъ для службы!» Дѣйствительно, по пословицѣ: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», Яковъ Карловичъ сталъ серьезно стремиться къ такому положенію, которое давало бы ему возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ онъ давно замѣтилъ, успѣхи часто гораздо болѣе зависятъ отъ нѣкоторой ловкости и хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Для достиженія желаннаго положенія ему пришлась чрезвычайно кстати подготовка, которую онъ между тѣмъ безсознательно доставилъ себѣ, самъ не предвидя, какъ она сдѣлается ему полезна. Это было пріобрѣтенное незадолго передъ тѣмъ знакомство съ шведскимъ языкомъ. Посѣщая въ Петербургѣ новое въ то время гимнастическое заведеніе шведа Паули, Яковъ Карловичъ имѣлъ случай начать изученіе этого языка на лучшихъ произведеніяхъ шведской литературы, которыми тотъ снабжалъ его, и скоро принялся за переводъ Тегнеровой Фритіофесаги. Тогда же онъ посѣщалъ въ лѣтніе мѣсяцы Финляндію, со-

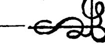
вершенствовался въ шведскомъ языкѣ на практикѣ и писалъ статьи объ этомъ краѣ, о финской, шведской и древней скандинавской литературѣ, печатавшіяся въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1839 году Жуковскій, которому Якова Карловича представилъ Плетневъ, помогъ устроить его переходъ въ финляндскій статсъ-секретаріатъ, на учреждавшуюся въ то время должность инспектора училищъ Финляндіи. Рѣшимость его отказаться отъ выгодной и даже, какъ можно было ожидать, блестящей карьеры, чтобъ перейти на скромное ученое поприще, всѣхъ удивляла; но напрасно родные и друзья, въ томъ числѣ и самъ Плетневъ, старались поколебать его: не смотря на общія увѣренія, что онъ дѣлаетъ величайшую глупость, Яковъ Карловичъ не далъ отклонить себя отъ принятаго намѣренія. Изъ многихъ порожденныхъ этимъ толковъ, стоитъ упомянуть о слухѣ, дошедшемъ до одного изъ старыхъ товарищей г. Грота, бывшаго консуломъ въ Италіи, будто Яковъ Карловичъ сошелъ съ ума.

Въ 1840 году, по поводу празднованія 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго (Александровскаго) университета, учреждена была въ немъ новая каѳедра русской исторіи и литературы. Прежде уже существовала тамъ каѳедра русскаго языка и словесности, которую занималъ экстраординарный профессоръ Соловьёвъ. Новая была предоставлена г. Гроту на правахъ ординарнаго: онъ сталъ читать лекціи русской исторіи и литературы на шведскомъ языкѣ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ нашихъ образцовыхъ писателей, а на дому у себя занималъ студентовъ практическими упражненіями въ языкѣ.

Въ первое время дѣятельности Якова Карловича въ Финляндіи онъ напечаталъ въ Гельсингфорсѣ, на русскомъ и шведскомъ языкахъ, «Альманахъ въ память университет-

скаго юбилея». Блестящія церемоніи, сопровождавшія юбилей, описаны въ «Современникѣ» 1840 года. Въ Гельсингфорсъ съѣхались тогда представители всѣхъ русскихъ университетовъ, а къ нимъ присоединились и нѣкоторые литераторы. На обѣдѣ литераторовъ, на которомъ присутствовали: Гротъ, Плетневъ, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, Лэнротъ (извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ и филологъ), поэтъ Рутебергъ, лекторъ гимназіи Эманъ и пріѣхавшій изъ Швеціи, также знаменитый поэтъ, епископъ Францéнъ (родомъ финляндецъ), всѣ эти лица, согласились написать по статьѣ для напечатанія въ одной книгѣ, въ память юбилея. Изданіе было поручено г. Гроту. Собрать всѣ статьи было дѣло не легкое; наконецъ, однакожъ, ему удалось получить обѣщанные вклады, и книга была издана сперва по-русски (причемъ шведскія сочиненія явились въ переводѣ), а потомъ по-шведски, съ переводомъ русскихъ статей *). Статья Якова Карловича, озаглавленная «Воспоминанія Александровскаго университета», самая обширная въ альманахѣ, была составлена по подлиннымъ документамъ университетскаго архива, а отчасти и по печатнымъ шведскимъ источникамъ. Вскорѣ послѣ того напечаталъ онъ въ Гельсингфорсѣ свой стихотворный переводъ Фритіофесаги Тегнéра, начатый еще въ Петербургѣ, въ 1837 году. Въ 40-хъ годахъ статьи его по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованія по русскому языку, описанія путешествій по Финляндіи и Швеціи и переводы изъ шведскихъ поэтовъ, особенно изъ Рунеберга, появлялись въ разныхъ журналахъ: въ «Современникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Москвитянинѣ», въ «Журналѣ Министер-

*) Шведскіе переводы сдѣланы были молодымъ финляндскимъ поэтомъ Юліемъ Лундалемъ, прекрасно знавшимъ русскій языкъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ началѣ 1850 годовъ.

ства Народнаго Просвѣщенія», въ «Сѣверномъ Обозрѣніи» и въ «Спб. Вѣдомостяхъ». Кромѣ того онъ помѣщалъ въ «Звѣздочкѣ» статьи и стихотворенія по дѣтской литературѣ. Въ 1847 году изданы были отдѣльною книгою въ Петербургѣ его *Переѣзды по Финляндіи,* описаніе путешествія, совершеннаго отъ Ладожскаго озера до Торнео вмѣстѣ съ знаменитымъ Лэнротомъ.

Въ концѣ 1852 года Якову Карловичу было предложено занять каѳедру русской литературы въ Александровскомъ лицеѣ (бывшемъ Царскосельскомъ) и въ то же время поступить въ наставники къ августѣйшимъ дѣтямъ Государя Императора (въ то время Наслѣдника престола). Въ началѣ 1853 года онъ снова переселился въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ началась для него новая жизнь, не легкая по множеству лежавшихъ на немъ обязанностей. Два утра въ недѣлю проводилъ онъ на лекціяхъ въ Лицеѣ, а остальныя четыре посвящены были занятіямъ съ Ихъ Императорскимъ Высочествомъ покойнымъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Августѣйшимъ братомъ его, нынѣ Наслѣдникомъ престола Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ, которымъ Яковъ Карловичъ преподавалъ языки русскій съ церковно-славянскимъ и нѣмецкій, исторію и географію. Въ лѣтніе же мѣсяцы, во время пребыванія Высочайшаго Двора въ загородныхъ мѣстахъ, занятія еще усложнялись и становились ежедневными, такъ какъ за отсутствіемъ нѣкоторыхъ преподавателей г. Гротъ исполнялъ и ихъ обязанности. Съ наступленіемъ совершеннолѣтія Великаго Князя Николая Александровича, 8-го сентября 1859 года, участіе Якова Карловича въ воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ кончилось. Въ 1862 году онъ оставилъ и лицей, рѣшившись посвятить всю свою дѣятельность Академіи Наукъ, избравшей его, еще въ 1855

году, въ дѣйствительные члены свои по отдѣленію русскаго языка и словесности. По смерти И. И. Давыдова, когда предсѣдательствующимъ отдѣленія въ 1859 г. назначенъ былъ покойный П. А. Плетневъ, Якову Карловичу поручено было, по его вызову и по составленному имъ самимъ плану, заняться полнымъ критическимъ изданіемъ сочиненій Державина въ повременномъ порядкѣ. При содѣйствіи родственниковъ поэта и множества другихъ лицъ, сочувственно откликнувшихся на предпріятіе Академіи, Якову Карловичу удалось вскорѣ собрать всѣ оставшіяся послѣ знаменитаго писателя бумаги, составившія, вмѣстѣ съ другими документами, до него относившимися огромную коллекцію рукописей. Приготовительная разработка ихъ въ связи съ исторіею событій, въ которыхъ онъ участвовалъ (напр. Пугачевщина) и съ литературой, касающейся его дѣятельности, потребовила нѣсколько лѣтъ. Много времени было употреблено Яковомъ Карловичемъ между прочимъ на изученіе подлинныхъ документовъ въ Государственномъ Архивѣ. Задача еще усложнялась тѣмъ, что къ изданію опредѣлено было приложить рисунки, найденные при рукописныхъ тетрадяхъ поэта; кромѣ того, для подготовленія полной біографіи г. Гротъ посѣтилъ всѣ мѣста, гдѣ въ разныя эпохи протекала жизнь Державина, именно приволжскія губерніи, отъ Казани до Саратова, Тамбовъ, Петрозаводскъ и Званку. Съ наступленіемъ 1861 года начали появляться томы приготовленнаго такимъ образомъ роскошнаго изданія сочиненій Державина съ множествомъ примѣчаній. Съ того времени почти ежегодно по одному тому, и въ 1872 году VII томомъ, содержащимъ труды Державина въ прозѣ, закончилось изданіе самыхъ сочиненій его. Теперь готовится къ печати VIII томъ, въ который войдетъ біографія поэта. Согласно съ первоначальнымъ планомъ, первые семь томовъ напе-

чатаны уже и въ видѣ другого, общедоступнаго изданія безъ рисунковъ.

Работая надъ изданіемъ Державина, Яковъ Карловичъ не оставлялъ однакожъ своихъ излѣдованій по языку, которыя и изданы были въ 1873 году отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ: *Филологическія Разысканія.* Вскорѣ понадобилось второе изданіе этой книги. По этому поводу одна изъ статей ея, касавшаяся исторіи русскаго правописанія, была совершенно переработана имъ, по новымъ изслѣдованіямъ о звукахъ языка на физіологическомъ основаніи. Якову Карловичу казалось необходимымъ приложить къ русскому языку плодотворное направленіе филологіи, въ послѣдніе годы получившее столь значительное развитіе въ западной Европѣ. Передѣланная съ этой точки зрѣнія статья разрослась въ цѣлую книгу, такъ что второе изданіе *Филологическихъ Разысканій* вышло, въ 1876 году, уже въ двухъ томахъ.

Въ 1865 году празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова было началомъ цѣлаго ряда юбилеевъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей прошлаго времени. Академія Наукъ принимала участіе въ этихъ литературныхъ празднествахъ: въ 1866 году она устроила торжественное собраніе въ честь Карамзина; въ 1867 г. отдѣленіе русскаго языка и словесности почтило нѣсколькими рѣчами память митрополита Евгенія; въ 1868—Академія праздновала столѣтній юбилей Крылова, въ 1872—двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Петра Великаго. На всѣхъ этихъ академическихъ торжествахъ Яковъ Карловичъ принималъ участіе въ произнесеніи посвященныхъ этимъ дѣятелямъ рѣчей. Кромѣ того, къ юбилею Карамзина имъ было изготовлено вмѣстѣ съ покойнымъ Пекарскимъ изданіе подлинныхъ писемъ, исторіографа къ Дмитріеву, а по поводу юбилея митро-

полита Евгенія издалъ онъ собраніе его писемъ къ Держа вину и другимъ лицамъ. Послѣ того, печатая по переданнымъ ему рукописямъ сочиненія и неизвѣстныя до тѣхъ поръ письма Хемницера, Яковъ Карловичъ прочелъ въ одномъ изъ годичныхъ собраній Академіи, составленное имъ жизнеописаніе этого баснописца, а въ другомъ характеристику Державина какъ поэта. Въ подобныхъ-же академическихъ засѣданіяхъ, въ прошедшіе годы читалъ онъ въ составѣ написанныхъ имъ отчетовъ о дѣятельности отдѣленія, некрологи Востокова, графа Блудова, Шевырева и Плетнева. Въ 1871 году принялъ онъ участіе въ спорѣ нашей журналистики о классическомъ и реальномъ образованіи; двѣ статьи его въ пользу перваго были напечатаны въ «Голосѣ» и въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

Въ 1872 году, по случаю смерти Пекарскаго, Русское Историческое Общество предложило Якову Карловичу принять на себя продолженіе изданія бумагъ Екатерины II, два первые тома которыхъ были напечатаны покойнымъ. Давно уже съ особеннымъ интересомъ изучая жизнь и царствованіе великой Государыни, онъ принялъ предложеніе; въ теченіе пяти лѣтъ работалъ въ Архивѣ и напечаталъ съ примѣчаніями еще два тома «Сборника Историческаго Общества», именно во 1-хъ, бумаги Екатерины II, отъ 1771 до 1774 года, и во 2-хъ, письма ея къ Гримму на французскомъ языкѣ, обнимающія 22 года (1774 — 1796 г.) и составившія не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ. Этотъ томъ «Сборника» долженъ выйти осенью текущаго года. При открытіи памятника Екатерины II въ 1873 г. Яковъ Карловичъ произнесъ въ Общемъ Собраніи Историческаго Общества рѣчь о литературной перепискѣ Императрицы съ другими лицами. Кромѣ того въ годовыхъ засѣданіяхъ Общества читалъ относящіяся къ Екатеринѣ II

изслѣдованія, какъ-то: о *занятіяхъ ея русскою исторіею* и *перепискѣ съ Сенанъ-де-Мельяномъ,* о *сотрудничествѣ ея въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой*, о *перепискѣ съ Гриммомъ.*

Занятія его по изданію Державина и по Историческому Обществу подали ему поводъ написать еще нѣсколько монографій, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, именно: 1) *Воспитаніе Екатерины II,* гдѣ разсмотрѣны обстоятельства ея жизни, предшествовавшія ея воцаренію, въ смыслѣ вліянія, которое они должны были имѣть на ея развитіе (въ «Древней и Новой Россіи»); 2) *Екатерина II* и *Густавъ III* — взаимныя отношенія обоихъ и переписка между ними, по подлиннымъ документамъ (тамъ же, въ «Русской Старинѣ» и въ «Запискахъ Академіи Наукъ»), и 3) *Филологическія занятія Екатерины II,* — ея участіе въ составленіи сравнительнаго словаря, изданнаго Палласомъ (въ «Русскомъ Архивѣ»). Изъ другихъ эпохъ русской исторіи, въ послѣдніе годы обработаны имъ статьи: *Дѣти Анны Леопольдовны* (въ «Русской Старинѣ»), *Происхожденіе Екатерины I* и *Неизвѣстный до сихъ поръ текстъ Нейштадскаго договора,* снимокъ котораго приложенъ къ этой статьѣ въ «Запискахъ Академіи Наукъ».

Въ 1838 году Яковъ Карловичъ изучилъ подробно Московскія древности съ помощью молодыхъ людей, вышедшихъ изъ тамошняго университета; въ 1849 году объѣхалъ всю Московскую губернію съ извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ и санскритологомъ, К. А. Коссовичемъ, подъ руководствомъ котораго тогда же усердно занялся греческимъ языкомъ и получилъ понятіе о санскритскомъ; въ 1847 г. объѣхалъ порядочную часть Швеціи и слушалъ лекціи въ Упсальскомъ университетѣ; въ 1860 г., въ первый разъ

посѣтилъ многія страны Европы, отъ Копенгагена до Швейцаріи, до Лондона и Парижа; въ Германіи слушалъ университетскія лекціи и велъ дневникъ, часть котораго была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; въ 1876 г. побывалъ наконецъ въ Италіи, для посѣщенія которой приготовился еще въ Лицеѣ изученіемъ языка ея; въ 1877 г. ѣздилъ опять въ Швецію, на этотъ разъ депутатомъ отъ Академіи Наукъ по случаю 400-лѣтняго юбилея Упсальскаго Университета, и отдалъ объ этой поѣздкѣ отчетъ въ «Запискахъ» Академіи.

В. Груберъ

[illegible] профессоръ и докторъ
[illegible] хирургiи [illegible] Ле-
[illegible] Андреевичъ [illegible] ичъ
[illegible] г. въ [illegible] въ [illegible] дѣ,
[illegible] первоначальное образованiе получилъ
[illegible] учебныхъ заведенiяхъ [illegible] Ма-
[illegible] поступилъ въ [illegible] и [illegible] ош-
[illegible] курсъ [illegible] на-
[illegible] степени доктора хирургiи [illegible] ло-
[illegible] Будучи еще студентомъ, онъ
[illegible] математическими
[illegible] курс[illegible] руководство по
[illegible] и [illegible] экза-
[illegible] у доктора [illegible] разрѣше-
[illegible] по [illegible] профессора.
[illegible] состоялъ онъ [illegible] анатомъ ана-
[illegible] руков[illegible]
менитаго анатома Хир[illegible] [illegible]
считается онъ. По ходатайству извѣстнаго хиру[р]

VI.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОРЪ И АКАДЕМИКЪ.

Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ.

Докторъ медицины и хирургіи, профессоръ и директоръ института практической анатоміи при Императорской Медико-Хирургической Академіи, Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ родился въ 1814 г. въ Богеміи, въ замкѣ Круканицѣ, гдѣ служилъ его отецъ. Первоначальное образованіе получилъ въ большомъ духовно-учебномъ заведеніи Тепль, близь Маріенбада. Въ гимназію поступилъ въ Прагѣ и въ тамошшемъ же университетѣ прошелъ курсъ медицинскихъ наукъ. Сначала удостоенъ степени доктора хирургіи, а впослѣдстіи и доктора медицины. Будучи еще студентомъ, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими анатомическими работами; на третьемъ курсѣ онъ издалъ руководство по анатоміи для студентовъ и кандидатовъ, имѣющихъ экзаменоваться изъ анатоміи у доктора Гради, не съ разрѣшенія только, а прямо по желанію названнаго профессора.

Съ 1840 по 1846 годъ состоялъ онъ прозекторомъ анатоміи въ Пражскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго анатома Гиртля, лучшимъ ученикомъ котораго считается онъ. По ходатайству извѣстнаго хирурга и ана-

тома Пирогова, получилъ онъ въ 1846 году приглашеніе занять мѣсто прозектора при тогдашнемъ анатомическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ, директоромъ котораго состоялъ Пироговъ. Въ 1847 г. прибылъ онъ въ Петербургъ и 4-го апрѣля того же года, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Кромѣ мѣста прозектора, было ему обѣщано и мѣсто профессора описательной анатоміи, но послѣднее условіе не было соблюдено, такъ что онъ началъ свои занятія подъ начальствомъ Пирогова, къ которому, при взаимномъ уваженіи, питалъ сильную искреннюю дружбу.

Развитіе науки заставило отдѣлить патологическую анатомію, взятую на себя Пироговымъ, отъ нормальной. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ выхода Пирогова изъ Медико-Хирургической Академіи, была основана каѳедра практической анатоміи, которую и занялъ, наконецъ, В. Л. Груберъ послѣ десятилѣтняго ожиданія.

Тутъ-то и началась его настоящая плодотворная дѣятельность. Имъ основанъ институтъ практической анатоміи и большой и богатый музей института, и имъ введены всѣ тѣ улучшенія, которыя поставили такъ высоко славу этого заведенія какъ здѣсь, въ Россіи, такъ и заграницей. Въ новомъ анатомо-физіологическомъ институтѣ В. Л. Груберъ отвелъ цѣлый флигель для практической анатоміи, и студенты обязаны исключительно его стараніямъ возможностью присоеденить серьезныя практическія занятія къ изученію анатоміи. Дѣятельность его, какъ ученаго и профессора, извѣстна Россіи и Европѣ. Матерьялъ, обработанный имъ лично или подъ его руководствомъ, по всей справедливости, можетъ назваться колоссальнымъ. Онъ признанъ однимъ изъ первыхъ анатомовъ нашего времени, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ и самымъ опытнымъ изъ всѣхъ. Съ 1842 г. онъ издалъ болѣе 300 сочиненій, большихъ и маленькихъ ста-

тей, по преимуществу оригинальныхъ, которыя заключаютъ въ себѣ большія достоинства, какъ по отношенію своей точности, такъ и богатству.

Какъ человѣкъ, В. Л. Груберъ отличается строгостью правилъ: онъ строгъ, прежде всего къ себѣ, а затѣмъ и къ людямъ. Къ ученикамъ своимъ онъ питаетъ самыя дружескія чувства, хотя и не принадлежитъ къ натурамъ экспансивнымъ. Онъ искренно желаетъ имъ добра, и они знаютъ это. Онъ, правда, взыскателенъ, но всегда справедливъ, доступенъ и ведетъ себя съ величайшимъ тактомъ. Молодежь платитъ ему самымъ глубокимъ уваженіемъ и восторженною привязанностью, какихъ, говорятъ, никто до него не удостоивался. Доказательствомъ тому могутъ служить оваціи, по поводу его двадцатипяти и тридцати-лѣтняго юбилея. Серьезныхъ выговоровъ ему никогда дѣлать не приходилось: довольно одного слова или знака съ его стороны.

Избраніе В. Л. Грубера на новое пятилѣтіе совершалось всегда единогласно.

Нѣкоторые изъ иностранныхъ университетовъ предполагали вызвать его на свои каѳедры, но предположенія эти кончались обыкновенно ничѣмъ. Должно быть, на наше счастіе, судьба предназначала знаменитому анатому у насъ и кончить свою славную дѣятельность.

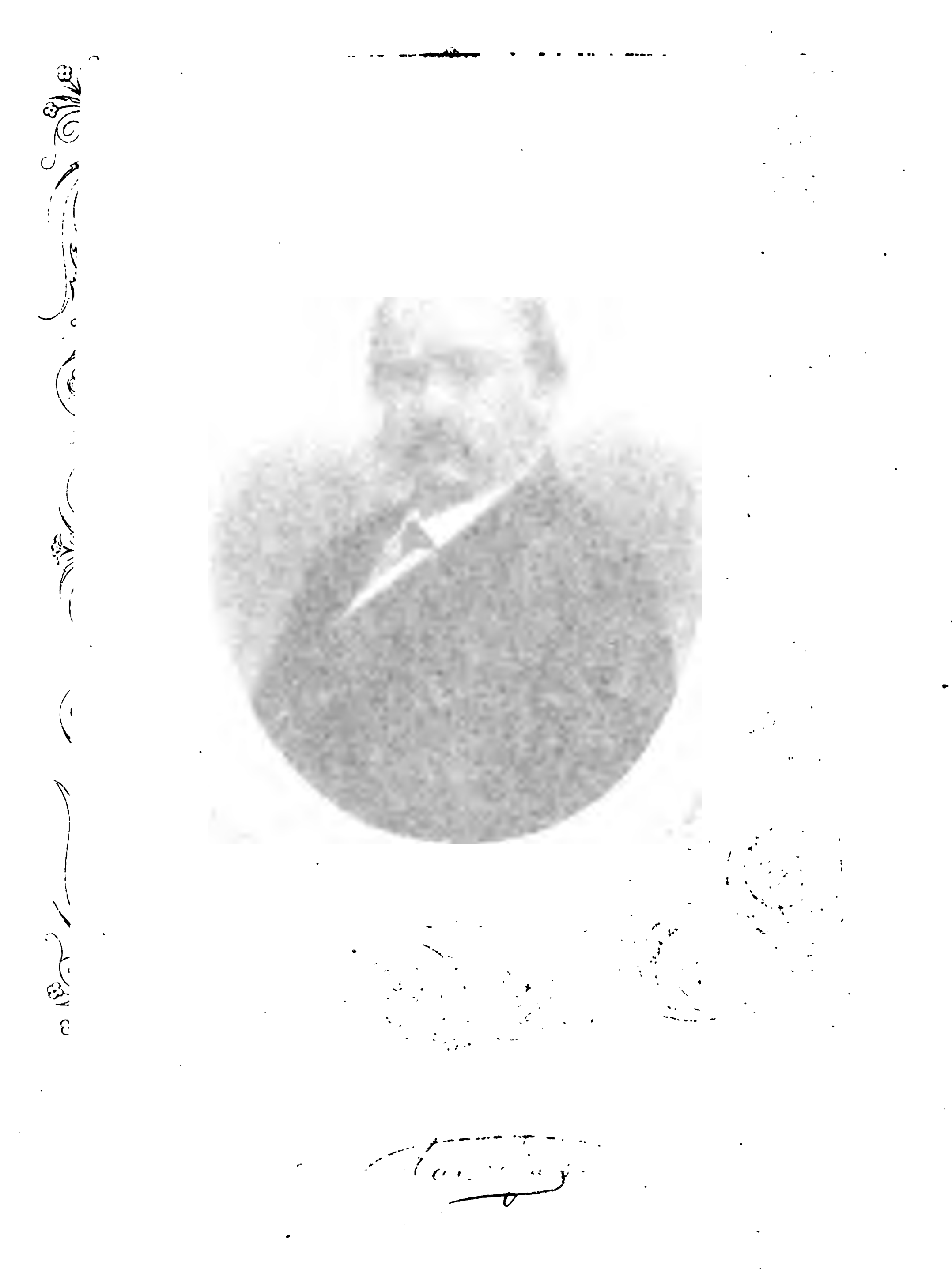

И. Гончаровъ.

аго
ило
ра-
его
гѣ
мы
ются
пере-
разбо-
біо-
2 г,
ный
только

матери и старика—простаго отца, —

VII.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Имя Ивана Александровича Гончарова, первокласснаго русскаго писателя - романиста, уже давно заслужило громкую извѣстность нетолько въ Россіи, но и за границей; поэтому намъ нѣтъ нужды распространяться о его литературной репутаціи. Да это и не сдѣлаешь въ статьѣ такого малаго объема, какъ наша.

О его романахъ говорили всѣ лучшіе критики, и мы отсылаемъ къ нимъ читателя, который поинстересуется этимъ предметомъ. Въ концѣ статьи мы помѣстимъ перечень всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ критическихъ разборовъ его сочиненій, а теперь дадимъ свѣденія чисто - біографическія.

Иванъ Александровичъ родился въ Симбирскѣ 1812 г, 6-го іюня. Отецъ Ивана Александровича былъ зажиточный мѣстный купецъ и умеръ, когда сыну было всего только три года, оставивъ его на попеченія матери. Дома мальчикъ росъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей доброй матери и старика—крестнаго отца, отставного моряка, ко-

торый разсказывалъ ему о своихъ путешествіяхъ, дальнихъ странахъ и различныхъ народахъ. Разсказы эти пробудили въ талантливомъ мальчикѣ первыя желанія путешествовать и видѣть далекія земли. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ у священника въ имѣніи княгини Холмской за Волгой. Священникъ этотъ, отличавшійся развитымъ умомъ, большою образованностью и любовью къ дѣлу воспитанія, держалъ пансіонъ въ своемъ домѣ.

Въ этомъ дѣлѣ ему помогала его жена, француженка, принявшая православіе, которая, съ своей стороны, обучала дѣтей французскому и нѣмецкому языкамъ. Въ небогатой библіотекѣ пансіона, Иванъ Александровичъ нашелъ между прочими книгами сочиненія Державина, и это было чуть-ли не первая книга, которую онъ не только прочелъ, но и заучивалъ наизусть, и переписывалъ себѣ на память.

Вся библіотека священника была прочитана молодымъ ученикомъ съ жадностью. Тутъ онъ познакомился съ сочиненіями фонъ-Визина, Озерова, Хераскова и другихъ.

Даже «Путешестіе вокругъ свѣта капитана Кука» и «Путешествіе въ Камчатку Крашенинникова» были прочитаты любознательнымъ мальчикомъ и укрѣпили въ немъ полученныя въ дѣтствѣ желанія и охоту къ путешествіямъ, которая впослѣдствіи осуществилась. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Иванъ Александровичъ былъ отвезенъ въ Москву и опредѣленъ тамъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ страсть его къ чтенію нашла болѣе богатый матеріалъ для удовлетворенія. Но все таки, по прежнему, чтенію этому не хватало системы и правильности — читалось все, что попало отъ Мунго-Парка, Палласа, Ролленя, Милота до романовъ Ратклиффа и «Ключа къ таинствамъ природы», Эккарстгаузена. Въ это же время онъ познакомился и съ англійскимъ языкомъ, въ дополненіе къ фран-

цузскому и нѣмецкому, которые онъ началъ изучать въ пансіонѣ священника.

1831 года И. А. поступилъ въ Московскій Университетъ на историко - филологическій факультетъ и началъ слушать лекціи профессоровъ: Шевырева, Надеждина, Снегирева, Ивашковскаго, Качановскаго, Давыдова и другихъ.

Его громадная, но безсистемная начитанность въ этотъ періодъ стала слагаться въ стройное и мощное цѣлое.

Знакомство съ исторіею западныхъ литературъ и ихъ великими образцами развило и усовершенствовало вкусъ Ивана Александровича. Греческіе и римскіе поэты и философы также приковали къ себѣ молодой умъ, и Иванъ Александровичъ изучилъ ихъ подъ руководствомъ талантливыхъ профессоровъ. Лермонтовъ и Станкевичъ со своимъ кружкомъ были сотоварищами Ивана Александровича по университету, но Гончаровъ не былъ съ ними знакомъ лично. Около этого времени впервые проявилась страсть Ивана Александровича къ литературнымъ занятіямъ; онъ много занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, и въ 1832 году появился въ печати его переводъ изъ Евгенія Сю «Атаргюль». Онъ былъ напечатанъ въ «Телескопѣ».

Любовью своею къ занятіямъ литературою Иванъ Александровичъ отчасти обязанъ вліянію литературныхъ кружковъ Карамзина и Александра Сергѣевича Пушкина, который въ то время находился на зенитѣ своей славы и гремѣлъ на всю Россію, а отчасти и Европу. Вмѣстѣ съ другими Иванъ Александровичъ зачитывался высоко поэтическими произведеніями Пушкина, и его страсть къ литературѣ зрѣла и принимала опредѣленное направленіе.

Въ 1835 году Иванъ Александровичъ кончилъ курсъ въ университетѣ и, послѣ нѣкотораго отдыха на родинѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по Министер-

ству Финансовъ, въ качествѣ переводчика иностранной переписки. Съ этого времени начинается служебное поприще Ивана Александровича, поприще довольно блестящее и удачное.

Занятія литературою съ поступленіемъ на службу шли своимъ чередомъ, но произведенія этого періода не появлялись въ печати; Иванъ Александровичъ отдавалъ ихъ въ разные домашніе рукописные сборники литературныхъ произведеній, появлявшіеся во многихъ интелигентныхъ домахъ и семействахъ. Между прочими, въ числѣ такихъ семействъ, было семейство Майковыхъ, Николая Апполоновича и Евгеніи Александровны, въ домѣ которыхъ издавался подобный журналъ съ рисунками и каррикатурами. Рисунки рисовалъ самъ Н. А. Майковъ, отецъ нашего поэта Аполлона Николаевича Майкова, а переплеталъ и собственноручно переписывалъ нѣкто Солоницынъ, богатый и образованный человѣкъ, воспитатель молодыхъ Майковыхъ, Апполона и Валентина. Въ этотъ же періодъ получилъ свое начало и первый романъ Ивана Александровича, «Обыкновенная Исторія». Любя литературу, Ив. Алекс., естественно, искалъ ближенія съ тогдашними литераторами и вскорѣ сошелся, *какъ не-литераторъ*, съ кружкомъ «Современника». Критическія статьи Бѣлинскаго, полныя художественныхъ красотъ и силы анализа, волновали тогда общество и всѣхъ, кто только интересовался произведеніями отечественнаго слова, и вотъ Иванъ Александровичъ рѣшился внести свой, еще не оконченный, романъ «Обыкновенная Исторія» на судъ строгаго Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Романъ этотъ вызвалъ самыя горячія похвалы Бѣлинскаго, который пророчилъ ему большой успѣхъ, а автора побуждалъ поскорѣе кончить его, чтобы можно было напечатать въ журналѣ, который онъ самъ хотѣлъ издавать.

1847 года, въ февральской и мартовской книжкахъ

«Современника», возобновленнаго послѣ смерти Пушкина и перешедшаго подъ редакцію Панаева и Некрасова, появился романъ «Обыкновенная Исторія».

Появленіе его было встрѣчено весьма сочувственно, и авторъ его былъ сразу провозглашенъ писателемъ съ перво-классным талантомъ. И дѣйствительно, въ немъ Иванъ Александровичъ явился писателемъ, вполнѣ окрѣпшимъ и выработавшимся. Его многочисленныя упражненія, которыя не видали печати, выработали его слогъ и манеру настолько, что въ нихъ онъ приближается къ Гоголю. Общая идея этого перваго романа Ивана Александровича та, что порыванія молодости, броженіе неустоявшихся юношескихъ силъ, заставляющія молодаго человѣка искать чего-то, желать разрушить и создать вновь, бросаться изъ крайности въ крайность, съ годами, при столкновеніяхъ съ дѣйствительною жизнію и ея безотрадными фактами, улегаются и затихаютъ. Съ годами человѣкъ мало-по-малу отрѣшается отъ всего этого міра грёзъ и благихъ начинаній; желаніе принести сколь возможно болѣе пользы обществу и даже *человѣчеству*, такъ называемыя *альтруистическія* наклонности уступаютъ мѣсто *эгоистическимъ*, т. е. человѣкъ *какъ-будто* познаетъ всю суету своихъ молодыхъ порываній и останавливаетъ все вниманіе исключительно на себѣ самомъ и кружкѣ ближайшихъ ему людей. Устройство *своего собственнаго* счастія и благосостоянія, хотя-бы и въ ущербъ другому, является первою и самою дорогою заботою *установившагося*, какъ они сами называютъ себя, человѣка. Изъ романа «Обыкновенная Исторія» все это и вытекаетъ вполнѣ. Авторъ, самъ уже не молодой человѣкъ, останавливаетъ свои симпатіи на представителѣ установившагося человѣка, дядѣ — Адуевѣ, а противоложнымъ ему типомъ выводитъ Адуева — племянника. Въ концѣ концовъ, Аду-

евъ-племянникъ совершенно отождествляется съ своимъ дядею, принимаетъ его воззрѣнія на жизнь и людскія отношенія и перестаетъ сомнѣваться и мучиться. Это, по увѣренію автора, *обыкновенная исторія* со всѣми подобными людьми, и молодые годы человѣка суть годы броженія и неясности идей. Вотъ основная идея романа «Обыкновенная Исторія», сразу поставившаго Ивана Александровича въ первый рядъ русскихъ писателей. Въ слѣдующемъ, по выходѣ романа, году, 1848, въ томъ-же «Современникѣ» появился небольшой разсказъ изъ чиновничьяго быта подъ заглавіемъ «Иванъ Савичъ Поджабринъ», а въ 1849 году, въ сборникѣ «Иллюстрированный Альманахъ», изданномъ подъ редакціею «Современника», былъ напечатанъ отрывокъ изъ начатаго романа «Обломовъ»—сонъ Обломова.

Всѣ эти вещи только утвердили за Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ репутацію талантливаго романиста.

Черезъ три года послѣ появленія въ печати «Сна Обломова» Ивану Александровичу пришлось осуществить свою завѣтную мечту о путешествіи. Дѣло въ томъ, что ему было предложено въ 1852 году тогдашнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовымъ участвовать въ экспедиціи, отправлявшейся правительствомъ, «для обозрѣнія Россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, и открытія сношеній и заключенія торговаго трактата съ Японіею».

Иванъ Александровичъ долженъ былъ состоять секретаремъ-переводчикомъ при начальникѣ экспедиціи, Е. В. Путятинѣ, на фрегатѣ «Паллада».

Во время своего почти трехлѣтняго путешествія, Иванъ Александровичъ посѣтилъ много странъ, побывалъ въ Сибири и Охотскомъ морѣ. Описаніе своего путешествія онъ помѣщалъ частями въ теченіе трехъ лѣтъ, въ «Современ-

никѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Морскомъ Сборникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Русскомъ Вѣстникѣ».

Въ описаніяхъ этихъ ярко выступаютъ и другія стороны таланта Ивана Александровича—умѣнье художественно описывать чуждыя намъ, но прекрасные виды природы и большая наблюдательность. Въ 1858 году описанія эти были собраны и изданы книгопродавцемъ Глазуновымъ, съ присоединеніемъ новой статьи: «Гонгъ Конгъ» отдѣльною книгой подъ заглавіемъ «Фрегатъ Паллада»

Въ началѣ 1855 года, возвратясь изъ путешествія, И. А. снова поступилъ на службу въ Министерсво Финансовъ столоначальникомъ, но вскорѣ, въ 1856 году, занялъ должность цензора, въ которой оставался и послѣ перехода цензуры изъ подъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Занятія въ качествѣ цензора отнимали почти все время у Ивана Александровича и не давали ему возможности приняться за давно уже обдуманный новый романъ «Обломовъ». Кстати и петербургскій климатъ началъ оказывать свое вредное вліяніе на здоровье И. А., и по этой причинѣ онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу на воды, въ Карлсбадъ.

Тамъ, въ теченіи 4-хъ мѣсячныхъ каникулъ, онъ кончилъ всего «Обломова». Долго обдумываемый романъ былъ написанъ почти сразу, вся вторая часть вылилась на бумагу въ 47 дней.

Романъ «Обломовъ», съ нетерпѣніемъ ожидавшійся публикою, вышелъ въ 1858 году, въ журналѣ «Отечественныя Записки». и оправдалъ ожиданія. Публика снова увидѣла искусную руку и блестящую фантазію романиста и съ неменьшимъ удовольствіемъ встрѣтила этотъ второй трудъ Ивана Александровича Гончарова. Въ этомъ романѣ

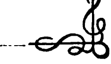
авторъ задался уже другими цѣлями. Въ немъ выведено два типа: Илья Ильичъ Обломовъ, продуктъ русской помѣщичьей жизни и среды, и Штольцъ, человѣкъ практическаго труда, горячей дѣятельности и подвижности. Въ Обломовѣ Гончаровъ совмѣстилъ всѣ черты кореннаго русскаго барина съ его добродушіемъ и простотою, а болѣе всего съ лѣнью, лѣнью громадною, засасывающею. Штольцъ представляетъ намъ типъ совсѣмъ противоположный, но Илья Ильичъ, несмотря на свой застой, симпатичнѣе съ ногъ до головы дѣловаго Штольца. Штольцъ почти вездѣ выигрываетъ; Ольга оставляетъ Обломова и выходитъ замужъ за практическаго Штольца, но она обманывается въ немъ: въ этомъ дѣльцѣ вовсе нѣтъ той бездны нравственной силы, какую она предполагала. На сомнѣнія и вопросы, возникшіе въ ея умѣ и сердцѣ впослѣдствіи, Штольцъ отвѣчаетъ банальными, стереотипными фразами, потому что самъ не въ состояніи разрѣшить ихъ...

Общее всѣмъ романамъ Гончарова свойство—это удивительно тщательная и художественно-вѣрная отдѣлка деталей, что впрочемъ нисколько не отвлекаетъ автора отъ плавнаго теченія общей мысли и не портитъ впечатлѣнія ensemble'а, а напротивъ—еще болѣе усиливаетъ его.

Во время выхода «Обломова» былъ уже начатъ и третій романъ, но покуда онъ еще таился въ головѣ автора.

Въ 1862 году Ивану Александровичу было отдано главное редакторство газеты министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта», а въ слѣдующемъ 1863 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта по дѣламъ печати.

Послѣ «Обломова» и до выхода въ свѣтъ третьяго романа Иванъ Александровичъ помѣстилъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» три отрывка подъ загла-

віями: «Софья Николаевна Бѣловодова», «Портретъ» и «Бабушка».

Черезъ десять лѣтъ послѣ «Обломова» появился, наконецъ, на страницахъ «Вѣстника Европы» и третій романъ Ивана Александровича «Обрывъ»; это было въ 1868—1869 годахъ, а въ 1870 году онъ вышелъ отдѣльной книгой. Этотъ романъ не прибавилъ ничего новаго къ извѣстности Гончарова—онъ обладалъ всѣми достоинствами и недостатками первыхъ двухъ, и публика съ тѣмъ же интересомъ прочла его, рукоплеща маститому автору.

И дѣйствительно: направленіе таланта, манера писать и сила творческой способности настолько рѣзко и опредѣленно выразились въ его первомъ произведеніи, что по нимъ можно было дѣлать предположенія и о дальнѣйшихъ успѣхахъ автора. Второй и третій романы вполнѣ подтвердили эти предположенія и доказали, что талантъ Ивана Александровича Гончарова сталъ твердо и не способенъ колебаться и отклоняться отъ разъ принятаго имъ направленія. Вотъ перечень наиболѣе замѣтныхъ критическихъ статей о произведеніяхъ И. А. Гончарова:

1) Сочиненія Д. И. Писарева, томъ I, статьи «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» и «Женскіе Типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова».

2) Современникъ 1859 г. т. LXXV, Н. Добролюбова: «Что такое Обломовщина?».

3) М. Цебриковой: «Псевдоновая героиня». Отечественныя Записки 1870 г. № 5.

4) Н. Шелгунова: «Таланливая безталанность». Дѣло, 1869 г. № 8.

5) А. Скабичевскаго: «Старая правда». Отечественныя Записки, 1869 г. № 10.

Самымъ послѣднимъ произведеніемъ Ивана Александро-

вича можно назвать статью, появившуюся въ 1871 году въ «Вѣстникѣ Европы» подъ заглавіемъ: «Милліонъ терзаній!» Заглавіе статьи представляетъ фразу Чацкаго изъ «Горя отъ ума», а въ самой статьѣ, трактующей объ этой комедіи, заключаются нѣкоторые совершенно новые и оригинальные взгляды на «Горе отъ ума».

Не знаемъ, подаритъ ли маститый, почтенный авторъ русскую публику еще своимъ произведеніемъ — это было бы величайшимъ сюрпризомъ въ наше, бѣдное талантами, время, тѣмъ болѣе, что фатальный десятилѣтній промежутокъ между появленіемъ его романовъ приходитъ къ концу.

Не сбудется ли это всеобщее желаніе?

Но во всякомъ случаѣ, хотя бы Иванъ Александровичъ не написалъ болѣе ни строчки, имя его будетъ занесено въ лѣтописи русской литературы крупными буквами.

Уже и того, что есть, достаточно, чтобы признать его славой и украшеніемъ отечественнаго слова...

А. В. Арсеньевъ.

тъ
ю-
ы,
ко
сть
бiо-
мъ.
ать
ный
бы-
ело-

анѣе
по-
эта,
нія.

года, въ городѣ Рязанѣ. Отецъ его, Петръ
Полонскій, родомъ изъ Малоросіи, въ то вре

VIII.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

Писать біографію человѣка, который живетъ и дѣйствуетъ среди насъ, трудно, даже болѣе, чѣмъ трудно,—иногда невозможо. Невозможно потому, что многіе факты, служащіе къ характеристикѣ личности и освѣщенные только съ одной внѣшней стороны, могутъ представить эту личность въ совершенно иномъ свѣтѣ. Чтобы писать полную біографію лица, не достаточно одного знакомства съ нимъ. Чтобы произнести приговоръ его дѣяніямъ, нужно указать и на ту среду, которая его воспитала и вызвать цѣлый рядъ лицъ, вліявшихъ на его развитіе, а это не всегда бываетъ возможно, особенно когда дѣятельность этого человѣка обнимаетъ разныя сферы.

Приступая къ біографіи Я. П. Полонскаго, я заранѣе предупреждаю читателя, что онъ не найдетъ въ ней *послѣдняго слова* личности и дѣятельности почтеннаго поэта, а лишь нѣкоторыя отрывочныя свѣденія.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6-го декабря 1820 года, въ городѣ Рязанѣ. Отецъ его, Петръ Григорьевичъ Полонскій, родомъ изъ Малоросіи, въ то время какъ ро-

дился нашъ будущій талантливый поэтъ, находился на службѣ у рязансваго генералъ-губернатора Балашева. Мать Я. П., Наталья Яковлевна урожденная Кафтырева, также, какъ и отецъ его, происходитъ отъ дворянъ. У нея послѣ тяжбы съ родственниками, продолжавшейся слишкомъ 20 лѣтъ, осталось не болѣе ста душъ въ Тверской губерніи, которыя она, выходя замужъ за отца Я. П., и принесла ему въ приданое. Наталья Яковлевна была за мужемъ всего около одиннадцати лѣтъ; она умерла, оставивъ шесть человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Я. П., было едва десять лѣтъ. Послѣ смерти матери, отецъ Я. П. былъ переведенъ въ г. Эривань, совѣтникомъ по отдѣленію казенныхъ сборовъ и податей, а дѣти оставлены на воспитаніе у сестеръ покойной матери Я. П.—Кафтыревыхъ.

Богомольная безупречная жизнь тетокъ, состарившихся дѣвицъ, ихъ мистическіе разсказы, и та старая Читиминея съ легендами о кіево-печерскихъ святыхъ, которая постоянно находилась на столѣ въ гостинной, имѣли несомнѣнное вліяніе на характеръ впечатлительнаго ребенка. Тетки очень любили дѣтей и особенное вниманіе обращали на то, чтобы дѣти были сыты. Что касается до воспитанія, то оно оставалось на послѣднемъ планѣ, и Я. П. съ юныхъ лѣтъ долженъ былъ самъ себя воспитывать... Это быть можетъ и дало нѣкоторую стойкость его характеру. Въ одиннадцать лѣтъ Я. П. поступилъ въ рязанскую гимназію, а свободное отъ занятій время проводилъ въ чтеніи. Въ домѣ тетокъ была библіотека его дяди. Дядя Я. П. былъ любитель чтенія и кромѣ того собиралъ разныя медали, рѣдкія монеты, раковины и минералы. Вотъ какъ описываетъ Я. П. своего дядю (Русс. Арх. 1876 г. № 1). Дядя мой, на глазахъ котораго я росъ и который любилъ меня, какъ роднаго сына, жилъ почти также, какъ и многіе тогдашніе по-

мѣщики, состарившіеся холостяками: не только передъ обѣдомъ, но и передъ чаемъ, и передъ завтракомъ пилъ водку, но бранилъ старосту за пьянство и читалъ встрѣчнымъ крестьянамъ уроки трезвости. Держалъ при себѣ крестьянскую дѣвицу въ качествѣ хозяйки дома, и каждое воскресенье не только ходилъ къ обѣднѣ, но и пѣлъ на клиросѣ или, вѣрнѣе сказать, завывалъ, вторя деревенскимъ дьячкамъ. Это пѣніе невольно возбуждало улыбку: мой старый дядя не имѣлъ ни слуха, ни голоса. Дома цѣлый день не выпускалъ онъ изо рта коротенькаго, волосянаго чубучка съ большою пѣнковою трубкой, съ серебряннымъ колпачкомъ и такою же ковырялкою. Но, не смотря на странности, Александръ Яковлевичъ былъ и гуманнѣе и образованнѣе своихъ сосѣдей: рѣдкій день чего нибудь не читалъ: могъ читать по нѣмецки и по французски, ежегодно выписывалъ календарь и подписывался на Московскія Вѣдомости. Добрый и довѣрчивый, онъ, по видимому, легко сходился съ людьми всѣхъ возрастовъ и состояній; но жениться не могъ, потому что во всю жизнь свою не имѣлъ духу ни признаться въ любви, ни рѣшиться за кого нибудь посвататься».

Когда Я. П. Полонскому было 8 лѣтъ, съ его матерью произошолъ случай, который сильно потрясъ его и навсегда остался въ его памяти.

«Мать моя вмѣстѣ съ дядей, разсказываетъ Я. П., взялись отвести свою родную племянницу, трехлѣтнюю дѣвочку, къ ея матери и дорогой заблудились. Кучеръ, сбившись съ дороги, не нашелъ подъема съ Оки на берегъ, понадѣялся на русское «авось», повернулъ тройку къ берегу, хлеснулъ возжами, и лошади по грудь провалились въ снѣжный сугробъ, а кибитка завязла. Дядя и мать моя со спящимъ ребенкомъ на рукахъ, кое-какъ вылѣзли изъ подъ снѣга и взо-

брались на берегъ. «Эге» сказалъ дядя, «да мы не далеко; вотъ это крышка виднѣется: это ихъ домъ, а это садъ ихъ. Пойдемъ».

Они двинулись по снѣгу, но не успѣли пройти и четверти часа, какъ уже началась мятель и наступили непроглядные сумерки. Даже обратный путь къ кибиткѣ былъ потерянъ. Въ сторонѣ мелькнулъ огонекъ. «Эге», сказалъ дядя, «мы скоро дойдемъ. Посиди здѣсь, ты устала, а я дойду и пришлю къ тебѣ лошадей». Мать моя сѣла у опушки какого-то лѣса, плотнѣе закутала спавшую на рукахъ ея дѣвочку, въ глубокій снѣгъ погрузила ноги свои, чтобы не отморозить ихъ, и преспокойно рѣшилась сидѣть и ждать, увѣренная, что вотъ-вотъ сейчасъ пришлютъ за ней сани или пошевни. Дядя пошелъ на огонекъ и, осаждаемый собаками, пришелъ не въ усадьбу, а на мельницу, верстахъ въ двухъ отъ усадьбы. У мельника въ эту ночь справляли масляницу, всѣ были пьяны, орали и пѣли пѣсни, никто ничего не понялъ изъ того, что сталъ разсказывать имъ дядя мой и не захотѣли ни за какія деньги ночью идти помогать. Не зная что дѣлать, съ отчаянья дядя мой пошелъ искать усадьбу. Усталый, измученный, добравшись къ двумъ часамъ по полуночи до усадьбы, сталъ стучаться, но долго никто не рѣшался пускать, такъ какъ не узнали его охрипшаго голоса. Наконецъ проснулся весь домъ; проснулись Плюсковы (фамилія замужней сестры матери Я. П.) и пришли въ ужасъ.

— Ступайте скорѣй, ищите сестру Наташу, тамъ гдѣ-то въ лѣсу, за мельницей.

«Вотъ все, что могъ проговорить мой дядя, страшно запыхавшійся, и какъ мертвый повалился на диванъ. Его раздѣли и стали оттирать теплой водкой, а между тѣмъ на ноги подняли чуть не всю дворню, велѣли осѣдлать лоша-

дей зажгли фонари, окна дома, особливо антресольныя, освѣтили зажженными свѣчками; словомъ иллюминовали весь домъ, чтобы онъ былъ видѣнъ издали, и всѣхъ послали на поиски.»

Бѣдная мать моя найдена была уже на разсвѣтѣ, полузастывшая отъ холода и къ счастью не съѣденная волками. Она уже начинала застывать, когда услышала голоса, которые аукались. Въ домъ къ сестрѣ довезли ее на форейторскомъ сѣдлѣ. «Я ѣхала въ салопѣ точно рыцарь въ епанчѣ, говорила мнѣ мать моя. Наши няньки охали и ахали и даже утирали слезы, когда слушали разсказъ ея. Приключеніе это не обошлось безъ примѣси фантастическаго. Люди посланные на поиски разсказывали другъ другу шопотомъ, что во вѣки вѣковъ не найти бы имъ барыни, какъ не какой-то невѣдомый старичекъ, который попался имъ на встрѣчу; протянулъ палецъ, сказалъ имъ: «тамъ ищите» и исчезъ. Они поѣхали и нашли.

Любовь къ стихамъ проявилась у Я. П. еще при жизни его матери, что крайне ее радовало — она сама очень любила поэзію, потому что послѣ ея смерти были найдены цѣлые томы пѣсенъ и стиховъ, переписанныхъ ея собственною рукою.

Будучи ученикомъ шестаго класса, Я. П. уже совершенно свободно владѣлъ стихомъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе учителей. По окончаніи, въ 1839 году, гимназическаго курса, Я. П. уѣхалъ въ Москву и тамъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Но во время пребыванія въ университетѣ онъ не ограничился слушаніемъ лекцій одного юридическаго факультета,—онъ слушалъ и по другимъ разрядамъ, что не мало мѣшало его спеціальнымъ занятіямъ. Впрочемъ, не одна разбросанность въ занятіяхъ мѣшала ему заниматься спеціально юридическими науками:

въ конецъ разстроенное состояніе отца бросило Я. П. въ объятія самой страшной бѣдности, вслѣдствіе чего ему нужно было поддерживать свое существованіе уроками. Это конечно затянуло окончаніе курса. Будучи въ университетѣ, онъ познакомился съ извѣстнымъ М. Ф. Орловымъ, у котораго собирались всѣ литературныя и художественныя знаменитости того времени. Эти встрѣчи развили въ Я. П. стремленіе къ поэзіи, и онъ сталъ все болѣе и болѣе взывать къ своей музѣ.

Окончивъ курсъ, Я. П. въ то же время выпустилъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ поэтическихъ опытовъ подъ названіемъ «*Гаммы*»; всѣхъ стихотвореній въ этомъ изданіи было 32.

По окончаніи курса, у Я. П. Полонскаго не предвидѣлось никакихъ занятій. Жить одной поэзіей было не мыслимо. И онъ сталъ сильно задумываться о завтрашнемъ днѣ. Въ этихъ заботахъ о завтрашнемъ днѣ его застаетъ одинъ его университетскій товарищъ Т. Уманецъ, который говоритъ ему, что его братъ ѣдетъ въ Одессу и предлагаетъ совершить это путешествіе вмѣстѣ. Видѣть море было давнишней мечтой нищего поэта, а потому, нужно ли говорить, съ какой радостью онъ принялъ это предложеніе.. Сборы были коротки. Я. П. на другой день, вмѣстѣ съ братомъ своего товарища, оставилъ Москву и направился въ Одессу. Но какъ оказалось впослѣдствіи, спутникъ Я. П. ѣхалъ не до самой Одессы, а въ Кишиневъ, а потому они на дорогѣ должны были разстаться. И Я. П. поѣхалъ въ Одессу одинъ.

Живя въ Одессѣ, онъ встрѣтился съ братомъ нашего незабвеннаго поэта, Пушкина, и извѣстною писательницею того времени А. Зонтагъ, которая до смерти своей питала

къ нему родственныя чувства и относилась къ нему, какъ къ сыну.

Тамъ же познакомился онъ и сошелся съ поэтомъ Щербиною.

Очарованный видомъ моря, а также ободренный лестными отзывами о своемъ первомъ изданіи стихотвореній «*Гаммы*», Я. П. издалъ въ Одессѣ въ 1846 г. новый томикъ стихотвореній, состоящій изъ 22 стихотвореній, подъ названіемъ: «*Стихотворенія 1845 года*».

Послѣ этого Я. П. Полонскій оставляетъ Одессу и ѣдетъ служить на Кавказъ. Тамъ онъ опредѣляется въ канцелярію Намѣстника, помощникомъ редактора оффиціальной газеты «*Закавказскій Вѣстникъ*». Въ этой газетѣ Яковъ Петровичъ помѣщаетъ нѣсколько рецензій, очерковъ и стихотвореній и затѣмъ сотрудничаетъ въ петербургскихъ и московскихъ изданіяхъ. Въ 1849 году, въ Тифлисѣ, онъ снова издаетъ свои стихотворенія подъ названіемъ «Сазандаръ» (пѣвецъ); въ это изданіе ихъ вошло всего 12. На Кавказѣ Я. П. пробылъ до 1852 года.

Южное солнце и южные пейзажи настолько вдохновляли нашего поэта, что онъ кромѣ поэзіи сталъ заниматься и живописью.

Вызванный съ Кавказа въ 1852 году болѣзнію отца, съ которымъ онъ не видался около семи лѣтъ, Я. П. болѣе туда не возвращался. Живя въ Рязани, ему захотѣлось побывать въ Петербургѣ, познакомиться съ литераторами и тамъ пріискать себѣ занятій. Но пріискать занятій было не такъ легко. Литературный трудъ оплачивался очень мало и Якову Петровичу, живя въ Петербургѣ, этомъ заманчивомъ для провинціала центрѣ, пришлось много пережить тяжелаго. Въ Петербургѣ, какъ во времена студенчества въ Москвѣ, Я. П. снова нужно было взяться за уроки. Но усиленный

трудъ, бѣганье по громаднымъ разстояніямъ на уроки, всевозможныя лишенія разстроили здоровье Я. П. настолько, что ему посовѣтовали провести лѣто въ Гапсалѣ, куда онъ и поѣхалъ.

Больной, лишенный средствъ, которыя бы могли дать ему передохнуть отъ работы, Я. П. въ слѣдующихъ щемящихъ душу строкахъ описываетъ свое настроеніе въ стихотвореніи «Весна»:

Воротилась весна, воротилась.
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просыпаются силы земныя,
А усталаго клонитъ ко сну.
И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приноситъ ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь... сердце плачетъ,
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.
Ты, любовь, праздной жизни подруга!
Не съумѣла ужиться съ трудомъ...
Со слезами со мной ты простилась—
И другимъ улыбнулась тайкомъ...
И лукаво подмазавши петли
У дверей, что нескромно скрипятъ,
Для другихъ засвѣтила лампаду
И окно занавѣсила въ садъ.

Сколько грусти, сколько душевной боли вылилось у нашего нѣжнаго, симпатичнаго поэта въ этихъ немногихъ строкахъ...

Когда Я. П. былъ въ Гапсалѣ, въ Рязани умеръ его отецъ. Сестра, которая была при немъ, не знала гдѣ находился братъ, послала письмо въ Петербургъ и это письмо Я. П. нашелъ только по возвращеніи. Такъ что онъ не былъ на похоронахъ своего отца.

Съ семействомъ, въ которомъ Я. П. былъ воспитателемъ, онъ пробылъ зиму 1856 года въ Варшавѣ, а весною 1857 года отправился за границу. Во время своего пребы-

ванія въ Женевѣ, въ свободное отъ уроковъ время, Я. П. занимался живописью у Диде, учителя знаменитаго Каляма. Изъ Женевы онъ поѣхалъ въ Римъ. Тамъ онъ встрѣтился и сошелся съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, который предложилъ ему принять участіе въ редакціи «*Русскаго Слова*». Журналъ этотъ, какъ извѣстно, началъ издаваться въ 1859 году. Это предложеніе дало возможность Я. П. отказаться отъ тяжелыхъ занятій воспитателя.

Вмѣстѣ съ графомъ Кушелевымъ, Я. П., поѣхалъ сначала въ Неаполь, а затѣмъ въ Парижъ. Въ Парижѣ жизнь его вступаетъ въ новую фазу. Онъ женится по любви на дочери русскаго пѣвчаго Устюжскаго, которую онъ встрѣтилъ въ одномъ семействѣ и которая поразила его своей красотой. Свадьба Я. П. была въ Парижѣ, въ іюлѣ 1858 года.

Но недолго наслаждался Полонскій своимъ семейнымъ счастіемъ: она умерла скоропостижно въ Петербургѣ, полтора года спустя.

Будучи редакторомъ «Русскаго Слова», Я. П. работалъ и въ другихъ изданіяхъ: въ «Современникѣ», «Времени», «Эпохѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Библіотекѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Иллюстраціи», «Искрѣ», «Модномъ Магазинѣ» и другихъ газетахъ и журналахъ. Кромѣ стиховъ, Я. П. писалъ также повѣсти и разсказы, полные правды и поэзіи.

Въ 1859 году Я. П. издалъ новыя свои стихотворенія; они служили дополненіемъ къ изданнымъ въ 1855 году. Въ 1860 году онъ женился во второй разъ, на дѣвицѣ Жозефинѣ Антоновнѣ Рюльманъ, отъ которой имѣетъ троихъ дѣтей. Въ этомъ же году онъ издалъ книгу стихотвореній подъ названіемъ «Оттиски». Въ 1869 году книгопродавцемъ Вольфомъ были изданы три тома его стихотво-

ренiй, куда вошли всѣ его произведенiя, какъ въ поэзiи, такъ и въ прозѣ. Въ 1871 году Я. П. издалъ свои стихи и прозу подъ общимъ названiемъ «Снопы». Въ 1873 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась его большая поэма «Мими», а въ 1874 году, въ «Дѣлѣ» «Келiотъ». Затѣмъ онъ помѣщалъ свои стихотворенiя въ «Вѣстникѣ Европы» и «Недѣлѣ». Изъ помѣщенныхъ въ «Недѣлѣ» особенно выдается стихотворенiе «Казимиръ Великiй» и «Слѣпой таперъ».

Въ 1875 году онъ завѣдывалъ литературнымъ отдѣломъ русской иллюстрацiи «Пчела», и помѣстилъ тамъ начало своей новой поэмы «Собаки». Въ 1877 году издалъ новый сборникъ стихотворенiй «Озими». Къ самымъ выдающимся стихотворенiямъ этого сборника нужно отнести «Два жребiя».

Изъ всего вышесказаннаго, читатель увидитъ, что Полонскiй давно и много работалъ и работаетъ. Но не смотря на это, онъ, что называется, не исписался и его талантъ все также свѣжъ и воспрiимчивъ, какъ былъ въ 1853 году и ранѣе. Отвѣчая на нападки «Отечественныхъ Записокъ», которыя упрекаютъ Полонскаго въ недостаткѣ *опредѣленнаго* направленiя, Н. Н. Страховъ («Заря» 1870 года, сентябрь) дѣлаетъ слѣдующую вполнѣ правдивую характеристику таланта Я. П. Полонскаго: «Направленiе у г. Полонскаго есть. Это направленiе, дѣйствительно, не имѣетъ въ себѣ ничего рѣзкаго, узкаго, бросающагося въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно есть. Это знаменитое направленiе, котораго лучшимъ представителемъ былъ Грановскiй. Это — поклоненiе *всему прекрасному и высокому,* служенiе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенiю и свободѣ, ненависть ко всякому насилiю и мраку. По мѣсту духовнаго развитiя г. Полонскiй принадлежитъ Москвѣ и московскому университету сороковыхъ годовъ, и онъ до конца остается вѣренъ

лучшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете теплое слово, обращенное къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которое въ сущности никогда не должно въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія — вотъ постоянныя черты поэзіи г. Полонскаго. Если г. Полонскій не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то онъ всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ».

Нашъ уважаемый писатель, И. С. Тургеневъ, также сдѣлалъ множество возраженій по поводу этой же статьи «Отечественныхъ Записокъ». «Оставляю въ сторонѣ, — говоритъ высокоталантливый авторъ «Рудина», «Наканунѣ», «Дворянскаго гнѣзда» и «Нови», — всѣ эти «канители», «сотрясенія воздуха» — всѣ эти «жестокія» слова, пущенныя въ ходъ для уснащиванія рѣчи; но самое опредѣленіе Полонскаго, какъ писателя несамобытнаго, эклектика, невѣрно въ высшей степени. Если про кого можно сказать, что онъ не эклектикъ, не поетъ съ чужаго голоса, что онъ, по выраженію А. де-Мюссе, *пьетъ хотя изъ маленькаго, но своего стакана,* такъ это именно про Полонскаго. Худо-ли, хорошо-ли онъ поетъ, но поетъ уже точно по своему». Съ особенной похвалой И. С. Тургеневъ отзывается о его стихотвореніяхъ «Чайка» и «Тишь и мракъ». «Талантъ Полонскаго», говоритъ Иванъ Сергѣевичъ, «представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, *смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ Пушкинскаго изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной, честности и правдивости впечатлѣній.* (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1870 года, 8 января, № 8).

Вотъ какъ самъ Я. П. Полонскій отвѣтилъ одному изъ своихъ литературныхъ враговъ:

Господа! я нынче все бранить готовъ —
Я не въ духѣ—и не въ духѣ потому,
Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму...
Признаюсь вамъ не изъ нѣжности пустой,
Чуть не плачу я, — а просто потому,
Что подавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.
Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ;
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
Нѣтъ! мы были безкорыстные враги!
Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я сбирался безпощаднымъ быть врагомъ,
Поражая безпощаднаго врага;
Но — тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ
Передъ этою защитой я — пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы.
Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
А не сила неподкупнаго пера.
Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ;
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не нахалъ.
Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Еслибъ узника да вздумалъ уличать!
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной —
И я долженъ поневолѣ замолчать.
Онъ страдаетъ оттого, что есть семья, —
Я страдаю оттого, что слышу смѣхъ;
Но что значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ!
Нѣтъ борьбы и — ничего не разберешь —

Мысли спутаны случайностью слѣпой —
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.
Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра —
Не за счастье буду пить я — буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера.

И дѣйствительно, Полонскій одинъ изъ любимцевъ русскаго общества. Съ нимъ матери знакомятъ своихъ дѣтей съ самой колюбели. Его стихотвореніе «Солнце и мѣсяцъ» едвали не первое заучивается ребенкомъ.

Когда умеръ Н. А. Некрасовъ, отзывчатая, теплая душа Я. П. высказалась о покойномъ въ слѣдующихъ немногихъ, но сильныхъ стихахъ:

Поэтъ и гражданинъ, онъ призванъ былъ учить,
Въ лохмотьяхъ нищеты живую душу видѣть,
Самоотверженно страдающихъ любить
И равнодушныхъ ненавидѣть.

Въ началѣ текущаго года Я. П. помѣстилъ въ приложеніи къ газетѣ «Недѣля» свою повѣсть «Нечаянно».

Работая неусыпно на литературномъ поприщѣ, Я. П. не оставляетъ и живописи. Но ей онъ отдается исключительно лѣтомъ. Онъ предпочитаетъ пейзажи и морскіе виды, хотя пробовалъ также свои силы и на портретной живописи. Въ послѣднее время здоровье Я. П. (почти два года онъ страдалъ воспаленіемъ въ колѣнѣ и ходилъ на костыляхъ) значительно улучшилось, что даетъ надежду въ недалекомъ будущемъ увидѣть въ печати что нибудь новое изъ его произведеній.

А. Толивѣрова.

Бар. Н. А. Корфъ

...итіемъ
...бразо-
...авшихся
...дъ за
... гра-
...рака,
...ован-
...арри-
... Не-
... без-
...ловіе
...жду
... го-
...ать
...хъ
...су

мало фамилій, бравшихъ только домашніе уроки
ныхъ дьячковъ, діаконовъ, семинаристовъ за мѣдные

IX.

Баронъ Николай Александровичъ

Корфъ.

Имя барона Н. А. Корфа всецѣло связано съ развитіемъ нашего школьнаго дѣла или, точнѣе, дѣла народнаго образованія, которое послѣ внутреннихъ реформъ, начавшихся знаменательнымъ событіемъ 19 февраля 1861 г., годъ за годомъ стало замѣтно подвигаться въ стремленіи къ грамотности, къ просвѣтленію отъ того умственнаго мрака, который густымъ слоемъ окружалъ, кромѣ привиллегированныхъ развѣ сословій Россіи, все населеніе великой территоріи отъ большихъ городовъ до бѣдныхъ поселковъ. Нетолько крестьянское полуземельное сословіе, мѣщанское-безземельное, но и купеческое—торговое и болѣе богатое сословіе имѣло въ своей средѣ немногихъ представителей даже между гг. городскими головами въ большихъ провинціальныхъ городахъ, умѣвшихъ едва-едва и то съ трудомъ подписывать свое имя и фамилію,—а объ иныхъ знаніяхъ серьозныхъ нечего и говорить. Оставляя всю эту милліонную массу худороднаго населенія (какъ тогда оно документально называлось), заглянемъ въ среду благороднаго дворянства и тамъ мы встрѣтимъ даже между крупными землевладѣльцами не мало фамилій, бравшихъ только домашніе уроки у мѣстныхъ дьячковъ, діаконовъ, семинаристовъ за мѣдные гроши

или натурой и всю жизнь подписывавшихся писцами *перваго разряда*. Этотъ немалый подвигъ на поприщѣ трудной для благороднаго рода науки они несли затѣмъ только, чтобы числиться на службѣ, обязательной по законамъ страны, при какомъ нибудь сиротскомъ или уѣздномъ судѣ, гдѣ за нихъ отправляли всю тяжесть писарской казуистики опять тѣ-же поповичи, тоже люди худородные, жившіе исключительно на счетъ той или другой производительности своихъ мозговъ, напитанныхъ съ дѣтства схоластической мудростью всевозможныхъ *рогатыхъ силлогизмовъ*, *хрій*, писаній о любомъ предметѣ pro и contra; а благородные *писцы перваго разряда* въ это время забавлялись въ большинствѣ случаевъ или охотой въ родныхъ лѣсахъ на краснаго пушнаго звѣря, или игрой въ карты и проч. и проч. И это мы беремъ не отдаленныя времена Фонъ-Визинскихъ Митрофанушекъ, а какія нибудь 20—25 лѣтъ тому назадъ, чуть не въ канунъ памятнаго всей Россіи отъ мала до велика 19 февраля 1861 г. А потому, кто живалъ или проѣзжалъ по нашимъ городамъ и селамъ, внимательно наблюдая надъ окружавшимъ его, до 19 февраля, и кого случай, охота или необходимость наконецъ заставитъ проѣхать по тѣмъ мѣстностямъ въ наши дни, тотъ, какъ-бы чудесно возставшій изъ гроба одинъ изъ прапрадѣдовъ нашихъ временъ XVIII столѣтія, невольно воскликнетъ: «съ нами крестная сила, какъ все измѣнилось, и та-же Русь да не та!..»—Мы выросли, созрѣли, мы пережили даже періодъ подражанія Европѣ, въ лицѣ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ,—у насъ сложилось *нѣчто* свое!.. Онъ услышитъ громкіе восторженные голоса однихъ. «Нѣтъ, намъ недостаетъ еще многаго и наша самодѣятельность сомнительной пробы!..» донесется до его слуха твердое, рѣшительное возраженіе другихъ. И та и другая сторона поспѣшитъ

стать подъ знамя фактовъ и прежде всего за экономическое положеніе, за народное образованіе страны.—Вы присмотритесь только, сколько у насъ однѣхъ народныхъ школъ, напр., въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ прежде, кромѣ уѣздныхъ училищъ (и то не вездѣ), гимназій, да развѣ институтовъ, окруженныхъ китайской стѣной, гдѣ преподавались въ довольно большой дозѣ такъ называемыя благородныя науки: музыка, иностранные языки, танцы и т. п., остальное-же въ самыхъ краткихъ чертахъ,—а теперь смотрите, тутъ 10, тамъ 15, а гдѣ и до 20 однѣхъ народныхъ школъ... а прогимназіи, а реальныя училища, а ремесленныя, техническія училища, классическія гимназіи, женскія гимназіи... вонъ вѣдь что!..» горячатся оптимисты.—А все еще далеко до того, что должно быть; на это понадобятся десятки милліоновъ, а мы пока тратимъ на наше народное образованіе только десятки тысячъ!..» спокойно возражаютъ пессимисты.

Но и такіе вопросы, обсуждаемые pro и contra нашей прессой, уѣздными и губернскими очередными и экстренными земскими собраніями и разными лицами, радѣющими о народномъ благѣ, не ясно-ли говорятъ, что настало ихъ время, что они насущны въ той странѣ, гдѣ не стало ихъ заклятыхъ противниковъ, что они предшествующимъ 10-тилѣтіемъ настолько выдвинуты самымъ дѣломъ, что не боятся встрѣтить себѣ порицаній. Теперь уже не найдутся въ средѣ земскихъ представителей такіе абсурдные умы, которые рѣшились-бы толковать съ пѣной у рта о вредѣ грамотности для народа, увѣренно доказывающихъ, что по ихъ непогрѣшимымъ соображеніямъ вся эта затѣя (т. е. грамотность) породитъ только въ крестьянской средѣ неповиновеніе, большее количество воровъ, мошенниковъ разныхъ видовъ въ родѣ поддѣлывателей фаль-

шивыхъ паспортовъ, монеты и т. п. и т. п. да пьяницъ... А подобныя чисто абсурдныя обобщенія крестьянской грамоты съ мошенничествомъ приходилось слышать отъ помѣщиковъ–земцевъ въ то достопамятное, теперь уже прошлое время, когда у насъ только еще собирались первыя уѣздныя и губернскія земскія собранія, когда въ бюджетахъ нѣкоторыхъ земствъ можно было встрѣчать цифры на народное образованіе въ родѣ 57 р. 28 к. на весь уѣздъ. Эти цифры ясно говорили о томъ, какое было сочувствіе этому живому, но у насъ съ такимъ трудомъ нарождавшемуся дѣлу. И что–же мы встрѣчаемъ черезъ годъ? Въ отчетахъ тѣхъ-же земствъ и за то-же время ту-же цифру, ассигнованную на народное образованіе, т. е. 57 р. 28 к. и показанную остаткомъ, какъ экономію отъ излишнихъ, не потребовавшихся расходовъ. Эти краткія данныя, насколько намъ позволяла сжатость біографическаго очерка объ одномъ изъ нашихъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей по народному образованію, съ честію потрудившагося при починѣ новаго дѣла, мы сочли необходимыми для возможно точной обрисовки всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій въ положеніи какъ самого вопроса, такъ и самыхъ чисто историческихъ и почвенныхъ препятствій, при которыхъ ему пришлось начинать и вести дѣло народнаго образованія. Баронъ Н. А. Корфъ выступаетъ, какъ одинъ изъ энергичныхъ земцевъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ. съ 1867 по 1872 г. преимущественно и спеціально по организаціи народныхъ училищъ въ своемъ уѣздѣ именно въ то время, когда въ другихъ полосахъ обширной Россіи идутъ толкованія закоренѣлыхъ крѣпостниковъ о вредѣ грамотности для народа. Н. А. Корфъ является исключительной личностью, своего рода піонеромъ въ дѣлѣ просвѣщенія. Откуда же у него явилась подъ ногами твердая почва для такой исключительности, устой-

чивости до извѣстной степени, невольно является вопросъ,—когда по этой дѣятельности почти еще не было предшественниковъ и мало было соратниковъ, гдѣ и въ чемъ онъ могъ найти себѣ опору и почему эта дѣятельность,—говоримъ и по личнымъ наблюденіямъ и по наблюденіямъ другихъ, такая увлекательная, широкоидеальная,—заканчивается у него однимъ пятилѣтіемъ. Поищемъ на всѣ эти вопросы возможныхъ отвѣтовъ, хотя въ ряду краткихъ біографическихъ данныхъ, имѣющихся въ нашей педагогической литературѣ.

Баронъ Н. А. Корфъ родился 2 іюля 1834 г. въ Харьковѣ, городѣ хотя и провинціальномъ, но университетскомъ, т. е. сравнительно интеллигентномъ,—такъ стали бы мы судить по мѣркѣ о цивилизующемъ вліяніи среды нашего времени; но то были 30-е года, время героевъ изъ той-же какъ разъ почти мѣстности безсмертнаго Гоголя. Да и маленькому Корфу, который не успѣлъ еще уяснить себѣ, полагаемъ, самыхъ ближайшихъ предметовъ своей дѣтской (на 2-мъ году), какъ уже лишился своей матери, перваго важнаго двигателя въ воспитательномъ значеніи каждаго ребенка, согрѣвающаго теплаго луча всякаго дѣтства. Сирота хотя-бы и при наилучшемъ отцѣ и въ какой-бы средѣ ему ни пришлось коротать дѣтство, много терпитъ; у него ранѣе развивается анализъ, хотя въ ущербъ этому нерѣдко глохнетъ чувство и холодѣетъ сердечное тепло. Потеря матери налагаетъ на Н. А. Корфа съ ранняго дѣтства скитальческую жизнь—онъ до 8 лѣтъ своего возраста живетъ то у отца, то у тетки,—сестры покойной его матери, на югѣ. Роскошь южной природы и женственная мягкость тетки должны были восполнять для мальчика пробѣлы материнскаго согрѣвающаго чувства и той облагораживающей ласки, запасъ которой откуда-то набирается даже у простыхъ, по-

видимому недалекихъ и необразованныхъ матерей. Кочевое положеніе ребенка, какъ это случилось съ Н. А. Корфомъ въ его дѣтствѣ, отъ отца къ теткѣ, къ отцу и обратно, на нѣкоторыя дѣтскія натуры дѣйствуетъ благотворно: любознательный ребенокъ въ такихъ передвиженіяхъ, помимо массы свѣденій, разнородныхъ впечатлѣній и ихъ раннихъ обобщеній, не глохнетъ въ своего рода тепличныхъ застѣнкахъ, получая съ дѣтства большую подвижность и энергію къ дальнѣйшей дѣятельности, конечно при чьемъ либо хорошемъ вліяніи. Видимо маленькій Корфъ у тетки имѣлъ и нѣкоторую подготовку по своимъ лѣтамъ, потому что онъ, какъ видно изъ біографическихъ данныхъ, 8 лѣтъ уже поступилъ въ одинъ изъ славившихся въ то время пансіоновъ г. Брюммера, въ Лифляндіи. Хотя онъ тамъ былъ только два года, но новый городъ, нѣмецкій строй въ такіе впечатлительные годы должны были наложить свой отпечатокъ и дать извѣстную выправку. Въ 1845 г. десятилѣтній Корфъ переходитъ въ пансіонъ А. Я. Филипова въ С.-Петербургѣ, гдѣ постепенно и подготовляется въ Императорскій Александровскій Лицей, считавшійся въ то время однимъ изъ аристократическихъ заведеній. Николай Александровичъ поступилъ въ него однимъ изъ лучшихъ кандидатовъ, но въ первые два года не могъ свыкнуться ни со школьными порядками, ни той особенностью, какая лежала на Лицеяхъ и лицеистахъ того времени; онъ былъ разсѣянъ и оказывалъ далеко не блестящіе успѣхи въ обязательныхъ предметахъ. Но на 17 и 18 году въ немъ возбудилась любознательность: онъ погрузился въ чтеніе и занятія до такой степени, что въ послѣдніе три года передъ выпускомъ былъ первымъ воспитанникомъ Лицея. Когда барону Н. А. Корфу исполнилось 19 лѣтъ, онъ, подобно многимъ юношамъ, старался казаться взрослымъ мужчиной,

что и ознаменовалъ хотя вполнѣ невинными, но по школьнымъ порядкамъ добраго стараго времени чуть не преступными дѣлами, какъ напр., открытымъ куреніемъ папиросъ, сигаръ въ школьныхъ корридорахъ, даже самыхъ классахъ. За это ему пришлось поплатиться сначала троекратнымъ сидѣніемъ въ карцерѣ, затѣмъ лишеніемъ при выпускѣ золотой медали, вмѣсто которой онъ былъ удостоенъ лишь серебряной. По выпускѣ изъ Лицея, Н. А. Корфъ тутъ-же поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Но его подвижная, дѣятельная натура, нужно полагать, не могла сродниться съ мертвымъ дѣломъ канцеляризма, такъ что черезъ полтора года онъ совершенно оставляетъ эту службу, выѣзжаетъ изъ Петербурга въ Екатеринославскую губернію, гдѣ и поселяется въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи покойной матери. Тамъ 22 лѣтъ отъ роду онъ женился на М. М. Клевцевой. Всю эпоху первыхъ преобразованій баронъ Н. А. Корфъ проводитъ частію въ провинціи, частію за границей, не возвращаясь въ С.-Петербургъ, — тамъ онъ все свое время посвящаетъ научнымъ занятіямъ и посильному содѣйствію преобразованіямъ послѣдняго десятилѣтія. Такъ, еще до открытія земскихъ учрежденій, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участіе въ дворянскихъ собраніяхъ, проводя мысль о нецѣлесообразности сословныхъ привиллегій. Съ открытіемъ мѣстнаго уѣзднаго земскаго собранія Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи въ 1866 г., баронъ Н. А. Корфъ былъ избранъ гласнымъ и въ шести сессіяхъ былъ секретаремъ собранія и членомъ ревизіонной коммиссіи. За это время однихъ протоколовъ, составленныхъ имъ и напечатанныхъ земствомъ, образовалось въ сложности болѣе 50 печатныхъ листовъ, что свидѣтельствуетъ какъ о его трудахъ, такъ равно и о томъ, что онъ былъ однимъ изъ глав-

нѣйшихъ двигателей переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя, спасенія края отъ сусликовъ и охраненія автономіи земствъ отъ всякихъ чиновничьихъ посягательствъ. Со введеніемъ новаго судопроизводства баронъ Н А Корфъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мироваго съѣзда, по окончаніи трехлѣтія службы удостоенъ высочайшей награды, а сослуживцами почтенъ благодарственнымъ адресомъ.

Вотъ почва и условія, при которыхъ баронъ Н. А. Корфъ въ 1867 г. выступаетъ въ томъ-же Александровскомъ уѣздѣ, какъ видный и полезный дѣятель по устройству школъ своего уѣзда. Будучи за границей на родинѣ Песталоцци, Н. А. Корфъ отдается вполнѣ изученію школьнаго дѣла и, вернувшись въ Россію, ставитъ его въ своемъ уѣздѣ, несмотря на незавидныя матеріальныя средства, на прочный фундаментъ. Его училища пользовались большой популярностью не только въ своемъ уѣздѣ, но также за предѣлами Екатеринославской губерніи. Послѣ осмотра ихъ директоромъ Кубанской учительской семинаріи Д. Д. Семеновымъ, инспекторомъ кубанскихъ училищъ Н. Ѳ Блюдовымъ и секретаремъ Московскаго Комитета Грамотности А. С. Кашинымъ, они заслужили отъ этихъ лицъ самые лестные отзывы въ печати. Барону Н. А. Корфу ежегодно приходилось экзаменовать до 1800 учащихся изъ всѣхъ предметовъ курса народной школы. Для этого ему всякій разъ приходилось проѣзжать по 800 верстъ въ осеннюю и весеннюю распутицу. Въ теченіе всѣхъ 5 лѣтъ баронъ Н. А. Корфъ обучалъ всѣхъ учителей лично, часто отводя искавшимъ у него этой дѣятельности помѣщеніе у себя въ домѣ на все время подготовки, а такихъ людей, особенно послѣ распространившейся популярности до далекихъ окраинъ о его школахъ, находилось не мало. Намъ приходилось встрѣ-

чать не мало молодыхъ учителей, отправлявшихся къ Н. А. Корфу изъ дальнихъ мѣстностей и послѣ разсказывавшихъ, какъ они жили у него въ домѣ по двѣ, по три недѣли и по мѣсяцу, пользуясь даже и столомъ, и какъ онъ терпѣливо проходилъ съ ними курсъ практическаго обученія въ народной школѣ прежде, чѣмъ препровождалъ ихъ въ школы на дѣло. Учительскихъ семинарій у насъ въ то время еще не существовало, и Н. А. Корфу приходилось выбирать изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые являлись къ нему сами. Онъ терпѣливо занимался съ ними, дѣлая это для того чтобы не уронить, а поднять то дѣло, противъ котораго многіе такъ ратовали. Итакъ, Н. А. Корфъ готовилъ для своихъ школъ учителей самъ, руководилъ и завѣдывалъ учительскими съѣздами, участвовалъ въ засѣданіяхъ совѣта, составлялъ учебники, велъ весьма многочисленную переписку по педагогическимъ вопросамъ съ двумя стами корреспондентовъ въ Россіи, завѣдывалъ порученнымъ ему училищнымъ участкомъ и ежегодно составлялъ отчеты объ училищахъ. Пять такихъ отчетовъ, полныхъ педагогическаго интереса, составляютъ болѣе 50 печатныхъ листовъ. Эти отчеты по достоинству были оцѣнены въ свое время нашей прессой и продажа ихъ доставила въ пользу мѣстныхъ училищъ болѣе 2000 р., а изъ выручки отъ его «*Руководства къ обученію грамотѣ*» предоставлено Г. А. Корфомъ тѣмъ-же училищамъ болѣе 4000 р. «*Руководство къ обученію грамотѣ*»—это попытка изложить звуковой способъ обученія чтенію и письму въ доступной формѣ, — было первымъ педагогическимъ опытомъ барона Н. А. Корфа, написаннымъ при обученіи грамотѣ старшей его дочери. Оно появилось въ 1867 г. и съ тѣхъ поръ распространилось въ числѣ 70 т. экземпляровъ, выдержавъ шесть изданій. Изъ спеціально педагогическихъ сочиненій барона Н. А.

Корфа появились кромѣ «*Руководства къ обученію грамотѣ*» — «Русская начальная школа» (пять изданій, всего 28,500 экз.), «Нашъ другъ» (4 изд., 155 т.), «Малютка» (1 изд., въ числѣ 25 т. экз.), «Наше школьное дѣло» (5 т. экз.); вновь выпущены въ свѣтъ: «Руководство къ наглядному обученію», Гардера, 2 тома (переводъ съ нѣмецкаго) и «Исторія Греціи и Рима». Такое обиліе теоретическихъ трудовъ барона Н. А. Корфа ясно говоритъ какъ о плодовитости и разнообразіи его трудовъ, такъ и о присущей ему энергіи и усидчивости въ трудѣ. Распространеніе же массы его «Руководства къ обученію», «Русской начальной школы», которая почти повсюду встрѣчается какъ настольная книга у нашихъ народныхъ учителей и «Нашего друга» проливаетъ отрадный свѣтъ на то, что грамота въ средѣ нашего народа распространяется все болѣе и болѣе и школьное дѣло быстро растетъ. Но баронъ Корфъ далеко не ограничилъ своей дѣятельности исключительно составленіемъ однихъ руководствъ и учебниковъ; въ литературѣ нашей встрѣчаются массы его статей въ журналахъ и газетахъ, полныхъ живаго интереса. Самые первые его литературные опыты въ періодической прессѣ появились въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадскаго въ 1859 г. Съ 1866 г. онъ сдѣлался сотрудникомъ «С.-Петербугскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ было помѣщено болѣе 200 его статей и гдѣ печатались его «Письма на родину». Въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» онъ велъ борьбу съ покойною газетою «Вѣстью» по вопросамъ о самоуправленіи, потомъ дѣлился съ публикою результатами своей училищной дѣятельности и одинъ изъ первыхъ ратовалъ за существованіе учительскихъ семинарій. Позднѣе Н. А. Корфъ слѣдилъ за законодательствомъ по училищному дѣлу, описывалъ учебныя заведенія, русскія и иностранныя. Статьи его объ учительскихъ семинаріяхъ,

появившіяся въ «СПБ. Вѣд.» подъ заглавіемъ «Земскій вопросъ», были напечатаны отдѣльной брошюрой, а нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Народной Школѣ», «Семьѣ и Школѣ», «СПБ. Вѣд.» и «Вѣстникѣ Европы»,—изданы отдѣльной книгой въ 1873 г., подъ названіемъ «Наше школьное дѣло, сборникъ статей по училищевѣденію». Въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены его статьи: «Объ обязательномъ обученіи», «О книгѣ князя А. И. Васильчикова», «О самоуправленіи», «Новая Вѣна и ея самоуправленіе», «О теоріи Дарвина», «Вѣнская всемірная выставка—отдѣлъ педагогическій»; кромѣ того баронъ Н. А. Корфъ участвовалъ и участвуетъ понынѣ въ газетѣ «Недѣля». За нынѣшній годъ въ «Народной Школѣ» печатался цѣлый рядъ его статей о Парижской всемірной выставкѣ по педагогическимъ отдѣламъ. Такая плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа не могла не быть замѣченной разными обществами. И вотъ въ 1870 г. С.-Петербургское педагогическое Общество избираетъ его въ свои почетные члены. Въ 1871 г. его избираютъ почетнымъ членомъ Московскаго университета и Московскаго комитета грамотности. 31-го Октября 1873 г. СПБургскій комитетъ наградилъ Н. А. Корфа за труды по народному образованію золотою медалью. Въ послѣднее время баронъ Корфъ состоитъ почетнымъ членомъ Женевской Академіи наукъ (Institut). Въ1872 г. землевладѣльцы Александровскаго уѣзда, который сдѣлался извѣстнымъ цѣлой Россіи благодаря трудамъ барона Корфа, забаллотировали его въ гласные двумя третями голосовъ, а изъ пяти крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ три съѣзда избрали его въ гласные значительнымъ большинствомъ голосовъ—фактъ знаменательный и, надѣемся, краснорѣчиво подтверждающій высказанное нами вначалѣ положеніе объ отношеніи нашихъ землевладѣльческихъ классовъ къ работамъ и работающимъ

по школьному дѣлу народнаго образованія. Вслѣдствіе интригъ баронъ Корфъ невольно долженъ былъ бросить любимую дѣятельность, въ которой онъ являлся мастеромъ какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ. Не находя сочувствія въ мѣстной интеллигенціи, крайне утомленный усиленной работой, Корфъ уѣзжаетъ за границу, но и тамъ продолжаетъ служить русской народной школѣ, конечно уже теоретически. А сколько другихъ дѣятелей въ разныхъ пунктахъ обширной Россіи по тому-же народному образованію съ неменьшей энергіей, только въ болѣе узкомъ районѣ такого-же труда, или отстали отъ любимаго дѣла, благодаря такимъ-же тормазамъ и мелкимъ интригамъ. За границей баронъ Н. А. Корфъ получилъ благодарственное письмо отъ Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія, составленное по единогласному постановленію, не смотря на то, что въ составъ собранія вошли многія изъ лицъ, участвовавшихъ въ забаллотированіи—это нисколько однако не помѣшало имъ подписать благодарственный адресъ, такъ какъ виновникъ его не мозолилъ имъ болѣе глазъ. Въ бытность свою въ Петербургѣ, вначалѣ 1872 г. баронъ Корфъ въ присутствіи Великой Княгини Евгеніи Максимиліановны давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи С.-Петербургскаго воспитательнаго дома, въ частной воскресной школѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того онъ былъ приглашенъ Г. Начальникомъ Военно-Учебныхъ заведеній въ засѣданіе конференціи педагогическихъ курсовъ при 2-й гимназіи и имѣлъ диспутъ съ однимъ изъ талантливыхъ нашихъ педагогическихъ публицистовъ г. Миропольскимъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ по поводу разбора послѣдняго о «Нашемъ другѣ». Тогда же онъ имѣлъ свиданіе съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. Г. Головинымъ, С. Г. Строгоно-

вымъ и другими лицами, желавшими ближайшимъ образомъ познакомиться съ его педагогическими воззрѣніями. Послѣднія шесть лѣтъ баронъ Корфъ живетъ за границей, въ Женевѣ, гдѣ воспитываетъ свою дочь. Тамъ онъ устроилъ русскую семейную школу, куда и принимаетъ на воспитаніе русскихъ дѣтей. Въ этой школѣ, вмѣстѣ съ другими учащими, Корфъ занимается и самъ, давая по разнымъ предметамъ до 18 уроковъ въ недѣлю.

Дѣлать критическую оцѣнку въ 44 года, хотя потрудившемуся и много, на нашъ взглядъ—несвоевременно. Задача біографіи состоитъ въ точныхъ указаніяхъ тѣхъ условій, при которыхъ развился тотъ или другой дѣятель, точномъ указаніи его трудовъ—все-же остальное относительно Корфа дѣло педагогической критики. Дѣятельность барона Н. А. Корфа говоритъ сама за себя и результаты ея, надѣемся, всякому слѣдившему за нашимъ школьнымъ дѣломъ извѣстны, а потому заканчиваемъ нашъ сжатый біографическій очеркъ словами покойнаго Ф. Н. Мѣдникова въ его журналѣ, вскорѣ послѣ его отъѣзда за границу: «По роду полученнаго имъ образованія въ привилегированномъ учебномъ заведеніи, ему были открыты всѣ пути къ высшимъ мѣстамъ и почестямъ. Тѣмъ не менѣе баронъ Н. А. Корфъ предпочелъ скромную земскую дѣятельность и полюбилъ нашу бѣдную народную школу. Ей онъ посвятилъ лучшіе свои годы и примѣромъ своимъ онъ во-очію показалъ другимъ многочисленнымъ земскимъ дѣятелямъ, что можетъ сдѣлать для народнаго образованія одно лицо, если оно только съ любовью и заботой посвятитъ ему свои силы, свои дарованія и свои знанія».

Н. Зимченко.

роновской
генералу
покрытой
влова Чи-
ворисовны,
ря родился
былъ уже

ъ бываютъ
и понятно:
ка, должен-
і раздѣлять

о профессіи
сигнаціями,
ій уже
тамъ
ую
на нѣмецкомъ кладбищѣ завелъ себѣ неб
надгробныхъ памятниковъ. Мать съ
дѣтьми осталась въ деревнѣ. Дѣтство

X.

Матвѣй Афанасьевичъ Чижовъ.

Въ московской губерніи, Подольскаго уѣзда, Вороновской волости, въ деревнѣ Пудово, принадлежавшей генералу Хрущеву, въ бѣдной деревенской избушкѣ, покрытой соломенной крышей, у крестьянина Афанасія Павлова Чижова и крестьянки того же помѣщика Ирины Борисовны, до замужества Рулевой, въ 1838 году 10-го ноября родился сынъ, названный при крещеніи Матвѣемъ. Это былъ уже ихъ третій ребенокъ.

Въ деревенскомъ быту рожденіемъ мальчиковъ бываютъ болѣе довольны, нежели рожденіемъ дѣвочки. Оно и понятно: въ мальчикѣ крестьяне видятъ своего помощника, долженствующаго чуть не съ семилѣтняго возраста раздѣлять труды отца.

Отецъ Чижова, сынъ бѣднаго ткача, былъ по профессіи каменотесъ. Сколотивши грошами 150 руб. ассигнаціями, онъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, который уже помогалъ ему въ работахъ, переѣхалъ въ Москву, и тамъ на нѣмецкомъ кладбищѣ завелъ себѣ небольшую мастерскую надгробныхъ памятниковъ. Мать съ двоими младшими дѣтьми осталась въ деревнѣ. Дѣтство и юность Матвѣя

Афанасьевича Чижова, біографія котораго составлена мною по даннымъ, такъ обязательно сообщеннымъ мнѣ имъ самимъ, были въ высшей степени тяжелыми.

Будучи трехлѣтнимъ ребенкомъ и играя въ отсутствіи своей матери съ сестрой, нѣсколько постарше его, въ заженныя лучинки (кто дальше броситъ), маленькій Чижовъ забросилъ лучинку съ огнемъ между окномъ полусгнившей избы, которая вспыхнула разомъ.

Мать убирала хлѣвъ; увидя пламя, охватившее со всѣхъ сторонъ соломенную крышу, бросилась въ избу, наполненную дымомъ, и успѣла спасти только однихъ дѣтей.

Все, что находилось въ ихъ избушкѣ, а также корова и лошадь—все сгорѣло. Этотъ фактъ глубоко врѣзался въ память Матвѣя Афанасьевича. «Идя босой, въ трескучій морозъ, за своей матерью и сестрой», разсказывалъ Чижовъ, «я издали любовался на падающія обгорѣлыя бревна и пламя, которое въ видѣ огненныхъ языковъ обвивало со всѣхъ сторонъ наше жилище».

Послѣ пожара, мать съ двоими дѣтьми поселилась у роднаго брата своего мужа. Въ Москву къ мужу она переѣхала только два года спустя. Мрачная обстановка кладбища, гдѣ, какъ мы сказали вначалѣ, была мастерская отца Чижова, по всей вѣроятности имѣла большое вліяніе на характеръ ребенка.

Живя среди тишины могилъ, которая если и нарушалась, то только плачемъ и стонами людей, сопровождавшихъ своихъ близкихъ на вѣчный покой, пятилѣтній Чижовъ, вѣчно сосредоточенный и задумчивый, не любилъ игръ; онъ постоянно сидѣлъ гдѣ нибудь въ углу мастерской своего отца, и изъ глины, а нѣтъ такъ и изъ лубка, выдѣлывалъ разныя фигурки птицъ, лошадей и собакъ. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, отецъ отдалъ его сначала въ ученье

къ солдату, который выучилъ его читать, а затѣмъ къ писарю; писарь научилъ его четыремъ правиламъ ариеметики.

Такого рода занятія длились до одиннадцати лѣтъ.

Съ одиннадцати лѣтъ отецъ взялъ сына домой, найдя, что по ихъ положенію онъ достаточно обученъ, и началъ пріучать его къ своему дѣлу. Когда Чижовъ работалъ въ мастерской своего отца, имъ заинтересовался смотритель нѣмецкаго кладбища, Арендъ, и началъ ему давать уроки нѣмецкаго языка.

Ученье шло хорошо, мальчикъ оказался очень способнымъ и старательнымъ; тогда Арендъ посовѣтовалъ отцу отдать его въ нѣмецкую школу, чтобы онъ впослѣдствіи могъ составлять надгробныя надписи.

Отецъ согласился. Такимъ образомъ, пробывши въ мастерской отца весьма недолго, Чижовъ поступаетъ въ нѣмецкую школу св. Михаила. Тамъ преподаватель французскаго языка, нѣкто Фидлеръ, замѣчаетъ въ мальчикѣ очень большія способности къ рисованію и совѣтуетъ ему посѣщать воскресную Строгоновскую рисовальную школу.

Чижовъ воспользовался его совѣтами, началъ посѣщать рисовальную школу.

Занятія въ нѣмецкой школѣ шли довольно удачно, но они вскорѣ были прерваны: отецъ, не будучи въ состояніи платить за сына, долженъ былъ взять его къ себѣ.

Тяжело было мальчику оставлять школу и товарищей и возвращаться къ занятію, которое его нисколько не интересовало. Но тутъ случай выручаетъ его.

Сынъ пастора, узнавши, что отецъ Чижова, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, взялъ его изъ школы, выхлопатываетъ ему стипендію, хотя по школьному уставу одни

только дѣти нѣмецкаго происхожденія могутъ быть стипендіатами.

Благодаря этому обстоятельству, Чижовъ снова поступаетъ въ школу и доходитъ до старшаго класса, но курса не кончаетъ. На этотъ разъ отецъ беретъ его къ себѣ уже не вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, а потому, что сынъ можетъ вполнѣ быть его помощникомъ. Не смотря ни на какія просьбы Матвѣя Афанасьевича оставить его до окончанія курса, отецъ не соглашается, беретъ его къ себѣ и что называется впрягаетъ въ работу.

Съ болью въ сердцѣ оставляетъ Чижовъ школу и принимается за высѣканіе на мраморѣ и гранитѣ надгробныхъ надписей.

Повинуясь отцу, онъ втайнѣ страдаетъ, потому что работа, которую онъ долженъ исполнять, не нравится ему, и онъ не могъ, подобно своему старшему брату, избрать ее своей цѣлью.

Разъ, во время работы, въ мастерскую отца зашелъ одинъ знакомый каменьщикъ, спеціальностью котораго были разныя лѣпныя украшенія и фигуры; къ нему то любознательный Чижовъ и обратился съ просьбою научить его разбивать на пункты (разбивать на пункты значитъ съ гипсовой модели отыскивать, съ помощію трехъ циркулей, на кускѣ мрамора главныя точки). Каменьщикъ охотно согласился, и талантливый мальчикъ не заставилъ своего учителя потратить на него много времени: одного урока, правда длившагося почти цѣлый день, было слишкомъ достаточно, чтобы постичь того, надъ чѣмъ нашъ будущій талантливый скульпторъ такъ долго задумывался.

Сдѣлавши самостоятельно изъ мрамора съ гипсовой модели четыре головки и распятіе, онъ показалъ эту первую

свою работу тому же самому Аренду, который всегда такъ охотно помогалъ ему своими совѣтами.

Увидя эти работы, Арендъ посовѣтовалъ Чижову не тратить свои силы на непроизводительныя работы въ мастерской отца, а поступить въ школу живописи и ваянія.

Чижовъ просіялъ отъ одной мысли заняться тѣмъ, что составляло цѣль его жизни.

Но какъ сказать объ этомъ отцу. Онъ никогда не согласится отпустить его отъ себя,—его, который можетъ во всёмъ ему помогать. И тутъ онъ вспомнилъ, какъ онъ еще такъ недавно умолялъ отца оставить его въ нѣмецкой школѣ до окончанія курса и тѣ упреки, которые онъ при этомъ выслушалъ. Для такой мягкой, чуткой натуры, какъ Чижовъ, упреки были тяжелѣе труда, а потому онъ отложилъ разговоръ съ отцомъ на неопредѣленное время, и сталъ продолжать свое ремесло.

Но мысль поступить въ школу живописи и ваянія запала такъ глубоко, что онъ не спалъ ночей.

Объ этихъ тревогахъ и волненіяхъ онъ сообщилъ опять таки Аренду, съ которымъ онъ только и могъ говорить откровенно. Арендъ, не говоря ни слова отцу, отправился въ контору школы живописи и ваянія, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ.

Въ принятіи Чижова въ ученики школы рисованія и ваянія было отказано на томъ основаніи, что у него, кромѣ увольнительнаго свидѣтельства отъ помѣщика, не было другихъ бумагъ, и ему нужно было быть приписаннымъ къ мѣщанству.

Этотъ отказъ поразилъ Чижова, какъ внезапный громовой ударъ.

Но дѣлать было нечего! нужно было продолжать заниматься надписями.

Работая въ мастерской отца, онъ не переставалъ посѣщать Строгоновскую школу, которую онъ не оставлялъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи ученикомъ нѣмецкой школы, онъ, по совѣту преподавателя Фидлера, въ первый разъ посѣтилъ ее.

Но этихъ занятій было недостаточно, ибо они состояли всего изъ четырехъ часовъ въ недѣлю. Работая полтора года изъ глины, подъ надзоромъ учителя Бровскаго, ученика школы живописи и ваянія, Чижовъ положительно завоевалъ его въ свою пользу. Бровскій гордился своимъ ученикомъ. Признавая въ немъ несомнѣнный талантъ, онъ сталъ просить профессора школы живописи и ваянія Рамазанова взять Чижова въ число своихъ учениковъ. Ходатайство Бровскаго было дѣйствительнѣе ходатайства Арендa:— Чижовъ былъ принятъ въ школу безъ всякихъ бумагъ — это было въ 1857 году.

Сколько было положено труда, сколько упрековъ было выслушано Чижовымъ отъ отца, прежде чѣмъ онъ переступилъ порогъ школы. Но онъ все переносилъ молча. Посѣщать школу живописи и ваянія было также необходимо Чижову, какъ было необходимо пить и ѣсть.

Находясь тамъ и работая въ общемъ классѣ, гдѣ занимались работами съ натуры и работали съ гипса, Чижовъ забывалъ тяжелое прошлое и безъ страха смотрѣлъ въ будущее. Скульптура была его путеводной звѣздой.

По прошествіи полутора года, Чижовъ вылѣпилъ горельефъ «Борцы». 1858 г. профессоръ Рамазановъ отправилъ эту работу въ Петербургскую Академію Художествъ, которая и наградила за нее Чижова въ 1859 году 2-ю серебряною медалью.

Когда Чижовъ узналъ, что Академія признала его работу достойной награды, онъ, съ переполненнымъ радостью, сердцемъ побѣжалъ къ отцу, чтобы сообщить ему о своемъ

успѣхѣ. И вдругъ вмѣсто того, чтобы раздѣлить его радость, ободрить его, отецъ со всею суровостью необразованнаго человѣка начинаетъ снова требовать, чтобы сынъ бросилъ скульптуру и занимался его ремесломъ, которому онъ, занимаясь въ школѣ, удѣлялъ мало времени. Но бросить скульптуру въ то время, когда онъ, испробовавъ свои силы, былъ поощренъ на этомъ поприщѣ, когда дорога, по которой онъ шелъ къ выполненію этой своей задачи была проложена такимъ упорнымъ трудомъ,—нѣтъ, это было для него немыслимо, и онъ тутъ же рѣшилъ не отступать отъ своей цѣли, если бы даже это стоило ему еще большихъ жертвъ.

Долго уговаривалъ Чижовъ своего отца не мѣшать ему въ его занятіяхъ, но все было напрасно: отецъ стоялъ на своемъ и на слова сына, который сказалъ ему весьма рѣшительно, что онъ уйдетъ изъ его дома,—отвѣтилъ, что онъ вернетъ его къ себѣ силой.

Послѣ этого послѣдняго между ними разговора, Чижовъ собираетъ свои скудные пожитки и переселяется на житье къ своему школьному товарищу, нѣкоему Севрюгину, такому же бѣдняку, какъ онъ самъ. У Севрюгина, жившаго со дня на день, была еще цѣлая семья на рукахъ. Оставивъ отца, для Чижова начинается новая жизнь, жизнь полная лишеній. Онъ испытываетъ голодъ и холодъ. У нихъ съ Севрюгинымъ была одна старая шубенка, которую они носили по очереди.

Но эти крутыя обстоятельства не вынудили однако Чижова обратиться къ отцу или брату; нѣтъ, онъ выносилъ всѣ лишенія съ необыкновенной стойкостью. Но разъ, говоритъ Матвѣй Афанасьевичъ, голодъ все таки выгналъ меня изъ дому. Когда мы съ Севрюгинымъ все, что у насъ было, продали, а это *все* состояло изъ стараго желѣза, на кото-

ромъ обыкновенно устанавливается фигура, когда ее лѣпятъ изъ глины, проволокъ, гвоздей и стараго платья, и деньги прожили, тогда я рѣшился пойти къ моему деверю и попросить у него пообѣдать. Идя бульваромъ, я вдругъ нахожу пятачекъ. Это была для меня дорогая находка, она дала мнѣ возможность не идти къ деверю.»

Къ брату своему онъ иногда заходилъ; тамъ бывала его мать; но обѣдать у него никогда не оставался, и на приглашенiе всегда отвѣчалъ, что онъ только-что отобѣдалъ. Онъ вообще избѣгалъ встрѣчи съ своими родными, избѣгалъ потому, что не хотѣлъ слышать упрековъ и вызывать сострадания къ своему положенiю, о которомъ впрочемъ только и зналъ одинъ Севрюгинъ, отъ котораго Чижовъ ничего не скрывалъ и жилъ съ нимъ что называется душа въ душу.

Но какъ бы люди ни были далеки отъ распросовъ, какъ и почему, исхудалый видъ, бѣдность одежды сами наводятъ людей съ сердцемъ на цѣлый рядъ распросовъ, и это дѣлается не ради желанiя проникнуть въ чужую душу, а просто изъ желанiя оказать содѣйствiе. Такъ и нашему бьющемуся какъ рыба объ ледъ Чижову приходилось быть предметомъ такихъ распросовъ; самъ же онъ о помощи ни у кого не просилъ.

Живя среди лишенiй, Чижовъ и Севрюгинъ много и упорно работали; они вмѣстѣ вылѣпили группу «Привалъ Малоросовъ», которая была прiобрѣтена для школы живописи и ваянiя за 100 руб. Это дало имъ возможность передохнуть отъ нужды и приняться за новыя работы.

Въ 1859 году онъ выполнилъ другой горельефъ «Истязанiе Спасителя» и за тѣмъ перешелъ на житье къ профессору Рамазанову.

За столъ и квартиру онъ помогалъ своему учителю въ

работахъ въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, гдѣ и исполнилъ по его рисункамъ часть горельефа «Сошествіе Христа во адъ», и для церкви Успенія въ горельефѣ «Успенія Божіей Матери» сдѣлалъ голову Николая Чудотворца; затѣмъ, уже по собственному эскизу, исполнилъ для церкви Троицы въ Москвѣ, что на Покровкѣ, двухъ ангеловъ.

«Когда я только что поступилъ къ профессору Рамазанову», разсказываетъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ Матвѣй Афанасьевичъ, «у меня было очень поношенное платье и главное сапоги; замѣтя это, Рамазановъ подарилъ мнѣ свои сапоги, тоже довольно поношенные, но я зачинилъ ихъ бѣлыми нитками, покрасилъ сверху чернилами и долго ходилъ въ нихъ на работу въ храмъ Спаса.»

Послѣ этого у него съ отцомъ произошло примиреніе; старикъ настаивалъ, чтобы сынъ переѣхалъ къ нему на житье, и Чижовъ сдѣлалъ ему эту уступку, переѣхалъ, пробылъ три дня и затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Матвѣй Афанасьевичъ принялъ участіе въ работахъ для памятника тысячелѣтія Россіи. Поступивъ въ Академію Художествъ, Чижовъ, за исполненіе конкурсной работы «Кіевлянинъ съ уздою, пробѣгающій черезъ станъ Печенѣговъ» получилъ 2-ю и 1-ю серебряныя медали и кромѣ нихъ еще золотую медаль за экспрессію. Послѣ этой работы, въ слѣдующій годъ онъ сдѣлалъ два эскиза: «Пиръ Царя Вальтасара» и «Потокъ Девкаліона», за которые получилъ первыя двѣ преміи. Въ это же время онъ работалъ по проэкту Микѣшина надъ памятникомъ Екатерины II, который нынѣ украшаетъ Александринскую площадь.

Въ 1867 году за барельефъ «Воскресеніе сына вдовы наинской» Чижовъ получаетъ 1-ю золотую медаль, которая дала ему право отправиться пенсіонеромъ за границу. Въ этомъ же году, съ помощію М. П. Попова, онъ сдѣлалъ

четыре эскиза фигуръ русскихъ государей - законодателей: Іоанна IV, Алексѣя Михаиловича, Петра I и Екатерины II. Эти фигуры предназначались для украшенія зданія судебной палаты, что на Литейной. Они были одобрены Государемъ Императоромъ, утверждены Министромъ Юстиціи, былъ выданъ за нихъ задатокъ въ размѣрѣ 1200 руб., но къ исполненію ихъ почему то и до сихъ поръ не приступлено. Оставивъ Петербургъ въ декабрѣ 1868 года, нашъ талантливый скульпторъ поѣхалъ прямо въ Римъ, эту колыбель искусства; тамъ первымъ его трудомъ, въ 1870 г., была группа въ натуральную величину «Игра въ жмурки». По окончаніи этой группы, Матвѣй Афанасьевичъ исполнилъ другую, также въ натуральную величину—«Первая любовь» Сцена происходитъ у колодца гдѣ, молодой парень впервые говоритъ давно любимой дѣвушкѣ о своей къ ней любви. Обѣ фигуры полны правды и граціи.

Затѣмъ Матвѣемъ Афанасьевичемъ было сдѣлано много весьма талантливыхъ эскизовъ, какъ напр., группа «Агарь съ Измаиломъ, въ пустынѣ» «Христосъ передъ народомъ» изъ 3-хъ фигуръ, фигура «Татьяны», «Гамлета», «Гаданіе», «Шахматная игра», «Евгеній Онѣгинъ» «Мельникъ», «Капитанская дочь», «Пименъ» и наконецъ бюстъ Пугачева. Портретъ Пугачева былъ ему высланъ въ Римъ по приказанію П. И. Панина.

Послѣ перечисленныхъ работъ, въ 1872 г. Матвѣй Афанасьевичъ вылѣпилъ, а затѣмъ исполнилъ изъ мрамора группу «Крестьянинъ въ бѣдѣ»,—эта группа куплена К. Т. Солдатенковымъ и находится въ Москвѣ. «Крестьянинъ въ бѣдѣ» можетъ считаться одной изъ лучшихъ работъ М. А. Чижова.

На обгорѣломъ бревнѣ, облокотившись на мускулистую руку, сидитъ крестьянинъ, подлѣ него стоитъ мальчикъ и

пристально смотритъ на своего отца и не понимаетъ, отчего его отецъ такъ убитъ.

Въ этой группѣ, въ настоящую величину, проведенъ тонкій внутренній анализъ. Оно и понятно: живя ребенкомъ въ деревнѣ и имѣя постоянно передъ глазами безъисходную крестьянскую грусть и нищету, чуткая натура Чижова запечатлѣла всѣ эти явленія народной жизни; а можетъ быть, воспроизводя эту группу, онъ вспомнилъ пожаръ своего собственнаго домика и отчаяніе своей матери.

Въ 1873 году Чижовымъ были вылѣплены изъ терракота бюсты художниковъ Мешахера, Косова и изъ мрамора бюсты профессоровъ Боголюбова и Айвазовскаго. Затѣмъ онъ исполнилъ въ полнатуру группу изъ мрамора: «Мать учитъ свою дочь родному слову».

Въ 1874 году имъ сдѣлана въ настоящую величину фигура дѣвочки, названная «Рѣзвушкой»; эта прелестная фигурка полна жизни и граціи. Задача этой работы весьма трудная. Однако даровитый скульпторъ поборолъ эти трудности и представилъ намъ точно живую дѣвочку, переходящую по жердочкѣ черезъ ручей. Движеніе фигуры превосходно, руки, ноги, грудь, съ которой спустилась рубашка и голова отлично вылѣплены.

Эта статуя произвела фуроръ на всемірной парижской выставкѣ нынѣшняго года и отлита изъ бронзы для Государя Императора.

Въ этомъ же 1874 году были имъ исполнены слѣдующіе барельефы: «Мѣдный всадникъ», «Братья разбойники», «Цыгане», «Борисъ Годуновъ».

Вернувшись въ концѣ 1875 года въ Россію, М. А. Чижовъ тотчасъ же приступилъ къ исполненію заказовъ для гранильной петергофской фабрики,— а именно бюстовъ изъ мрамора нынѣ царствующаго Императора Александра II и

Императрицы Екатерины II. Кромѣ этихъ бюстовъ, по заказу той же фабрики, онъ сдѣлалъ модель чернильницы для поднесенія Государю Императору, на которой Императрица Екатерина II изображена сидящей въ креслѣ и размышляющей надъ планомъ, и два барельефика изъ дѣтей, грающихъ камни.

Изъ бюстовъ по возвращеніи въ Петербургъ М. А. были исполнены по заказу учениковъ училища Правовѣдѣнія бюстъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и затѣмъ бюсты Ѳ. Г. и В. Ѳ. Громовыхъ, находящіеся въ домѣ И. Ѳ. Громова, графини Шуленбургъ, дѣтскій бюстъ Громе, бюстъ композитора Глинки для фойе Маріинскаго театра. Бюсты профессора живописи В. И. Якоби, академика Грузинскаго и г-жъ Филипсонъ.

Въ послѣднее время, М. А. съ помощію ученика, лейтенанта Пущина, вылѣпилъ большой, натуральной величины, эскизъ «Джигитъ», который и исполнилъ изъ дерева для морскаго министерства на носовую часть клипера «Джигитъ», и другой эскизъ «Разбойникъ», предназначенный для той же цѣли.

Потомъ онъ исполнилъ по заказу И. Ѳ. Громова трехъ амуровъ и сдѣлалъ еще нѣсколько эскизовъ, изъ которыхъ особенно выдаются «Ермакъ Тимофеевичъ»; «Сатиръ и Вакханка» и «Фрина». На дняхъ онъ приступаетъ къ исполненію памятника Екатерины II, по проекту Микѣшина, предназначаемый для города Ирбита.

А. Толивѣрова.

Константин Егорович Маковский.

ОВИЧЪ

Профессоръ живо... ...инъ Егоровичъ Маковскій, родился въ Моск... ...ня 1839 года. Его отецъ, бухгалтеръ московс... ...конторы, былъ большой любитель искусства ...восходную коллекцію гравюръ. Дѣтство К. Е. п... ...мыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Постоянныя ...ожниками, для которыхъ домъ отца Маковскаго ...ъ б... ромъ, разговоры объ искусствѣ и ... вюръ, по которымъ, не покидая дома... могъ ознакомиться съ лучшими произ... галлерей, не могли не забросить въ... искры. Рано взялся К. Е. за ка... вмѣстѣ съ отцомъ, онъ объѣзжал... Москвы, то все, что особенно пораж... архитектура,—онъ все зачерчивалъ ... торымъ никогда не разлучался.

Страсть къ живописи развилась ... онъ сталъ копировать гравюры, зат... поступилъ въ московскую школу живоп... работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго ...

Константинъ Егоровичъ Маковскій.

XI.

Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Профессоръ живописи, Константинъ Егоровичъ Маковскій, родился въ Москвѣ 30-го іюня 1839 года. Его отецъ, бухгалтеръ московской дворцовой конторы, былъ большой любитель искусства и имѣлъ превосходную коллекцію гравюръ. Дѣтство К. Е. прошло при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Постоянныя встрѣчи съ художниками, для которыхъ домъ отца Маковскаго служилъ какъ бы центромъ, разговоры объ искусствѣ и наконецъ коллекція гравюръ, по которымъ, не покидая домашняго очага, мальчикъ могъ ознакомиться съ лучшими произведеніями европейскихъ галлерей, не могли не забросить въ его душу художественной искры. Рано взялся К. Е. за карандашъ, и когда лѣтомъ, вмѣстѣ съ отцомъ, онъ объѣзжалъ живописныя окрестности Москвы, то все, что особенно поражало его—типы, пейзажи, архитектура,—онъ все зачерчивалъ въ свой альбомъ, съ которымъ никогда не разлучался.

Страсть къ живописи развилась въ немъ рано. Сначала онъ сталъ копировать гравюры; затѣмъ въ 12-ть лѣтъ поступилъ въ московскую школу живописи и ваянія, гдѣ работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго М. И. Скотта и

отчасти Зарянко. Въ художественномъ развитіи К. Е. Маковскаго участвовалъ болѣе всѣхъ другихъ знаменитый портретитъ Тропининъ. Посѣщая школу живописи и ваянія, К. Е. встрѣтился съ академикомъ Горавскимъ, который своими разсказами о петербургской академіи художествъ такъ увлекъ его, что онъ вскорѣ оставилъ Москву и переѣхалъ въ Петербургъ.

Когда онъ поступилъ въ академію, ему было всего шестнадцать лѣтъ. Представленные имъ эскизы, рисунки и портреты отца были живыми свидѣтелями его таланта. Работая въ натурномъ и этюдномъ классѣ, К. Е. вскорѣ получилъ 2-ю серебряную медаль за рисунокъ и 1-ю за этюдъ съ натуры. Къ несчастію, эти первые успѣхи были омрачены большой непріятностью, происшедшей между К. Е. Маковскимъ и профессоромъ живописи Басинымъ. Эта ссора очень дурно повліяла на послѣдующія работы К. Е. и, не смотря на то, что изъ заданныхъ ученическихъ программъ, программа К. Е. Маковскаго была самая талантливая, его все-таки впродолженіи трехъ лѣтъ обходили 2-ю золотою медалью. Первою программой было «Исцѣленіе слѣпыхъ», второю «Харонъ, перевозящій души черезъ рѣку Стиксъ». Эта вторая программа была особенно талантлива какъ по композиціи, такъ и по рисунку; изображенныя на лицахъ страданія производили сильное впечатлѣніе и въ то же время показывали въ художникѣ присутствіе большой фантазіи. Всѣхъ сильнѣе дѣйствовала фигура старика, впившагося зубами въ свою руку. Но, не смотря на эти положительныя достоинства, К. Е. Маковскій, какъ сказано выше, былъ обойденъ 2-ю медалью. Онъ получилъ ее только въ 1862 году за картину «Убіеніе царя Ѳедора Борисовича», сюжетомъ которой послужилъ слѣдующій кровавый эпизодъ изъ русской исторіи:

«Когда Самозванецъ получилъ донесеніе Плещеева и Пушкина о событіяхъ въ Москвѣ, то немедленно отправилъ изъ Тулы боярина кн. Вас. Голицына, кн. Вас. Рубца-Мосальскаго и дьяка Богд. Сутонова, которымъ, по свидѣтельству лѣтописца, «велѣлъ церву Борисову жену и сына ея убить», а 3-го іюня поѣхали изъ Москвы въ Тулу многіе вельможи, чиновники, граждане, всѣ *съ повинною* къ Самозванцу. Что касается исполнителей воли Самозванца, они, по прибытіи своемъ въ Москву, начали съ угодника Годуновыхъ, патріарха Іова; вытащенный среди священнодѣйствія изъ Успенскаго собора, патріархъ, въ одеждѣ простаго инока, былъ посаженъ на телегу и прямо съ мѣста отправленъ въ Старицу, для тѣснаго заключенія въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Затѣмъ повезли въ дальніе низовые и сибирскіе города родичей царскихъ: Годуновыхъ, Вильяминовыхъ, Сабуровыхъ и, наконецъ, дошла очередь до собственной семьи Бориса, юный представитель которой, уже плѣнникъ счастливаго Самозванца, долженъ былъ заплатить жизнію за нѣсколько дней пользованія достоинствомъ царскимъ. 10-го іюня 1605 г., Голицынъ и Мосальскій, сопровождаемые чиновниками Молчановымъ и Шерефединовымъ, съ тремя стрѣлками отправились въ домъ Борисовъ, нашли царственныхъ узниковъ грустно сидящими другъ подлѣ друга и тотчасъ же развели ихъ по разнымъ покоямъ. Съ царицею Марьею Григорьевною злодѣи покончили скоро, удушивъ ее въ нѣсколько мгновеній; «царевича-жъ, по свидѣтельству лѣтописца, — многіе часы давиша, яко-жъ не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ мужество: тѣжъ злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырьмя боряшеся». Несчастный Федоръ умеръ смертію мученика. На тѣлѣ его, выставленномъ для позора вмѣстѣ съ тѣломъ царицы, проживавшей тогда въ Москвѣ, иноземецъ Петрей явственно видѣлъ слѣды заду-

шенія, а несчастная царевна Ксенія, пережившая отца, мать и брата, такъ ужасно убитыхъ, послуживши грубому сладострастію Самозванца, зачахла въ одиночествѣ». (М. Д. Хмыровъ).

На картинѣ изображенъ моментъ, когда упомянутые послы Самозванца вошли въ царскіе покои.

На первомъ планѣ лежитъ убитая царица, надъ ней, съ отпечаткомъ глубокой скорби, склонилась ея дочь Ксенія. Стрѣлокъ, перешагнувъ черезъ трупъ царицы, отталкиваетъ отъ нея дочь, а у входа происходитъ борьба между другими двумя стрѣльцами и 16-ти лѣтнимъ юношей царемъ. Въ фигурѣ стрѣлка, съ которымъ борется царевичъ Ѳедоръ, много движенія. Ему такъ и хочется поскорѣе схватить его и разомъ покончить. Голицынъ и Мосальскій напряженно слѣдятъ за этой сценой и только ждутъ момента, чтобы донести Самозванцу, что его вѣрные слуги исполнили волю пославшаго ихъ. Прекрасная по краскамъ и движенію картина эта произвела большой эффектъ, и наша художественная критика встрѣтила это произведеніе К. Е. Маковскаго съ полнымъ одобреніемъ и сулила ему блестящую будущность. Послѣ этой картины, имя К. Е. Маковскаго получило вполнѣ заслуженную извѣстность. Первой золотой медали, которая даетъ право на шестилѣтнее пребываніе на казенный счетъ за границей, Константинъ Егоровичъ не добивался; онъ примкнулъ къ той небольшой группѣ протестантовъ, которые требовали отъ академіи свободы выбора сюжетовъ для программъ. Въ этомъ имъ было отказано. Тогда К. Е. Маковской, вмѣстѣ съ другими воспитанниками, оставилъ академію для того, чтобы положить начало С.-Петербургской артели художниковъ, которая существуетъ и понынѣ, но уже совершенно утратила свой первообразъ. А въ академіи и до сихъ поръ господствуетъ рутина и задаются про-

граммы изъ той же библейской исторіи, съ казенными позами, съ южными типами и южной природой, что нисколько не согласуется съ нашими сѣверными типами и съ нашей сѣверной природой.

Передъ выходомъ изъ академіи К. Е. Маковскій написалъ по заказу И. М. Толстаго, для русскаго посольства въ Лондонѣ портретъ Императора Александра Николаевича. Для этого Государь Императоръ благоволилъ дать ему непродолжительный сеансъ въ Зимнемъ дворцѣ, а когда портретъ былъ оконченъ, удостоилъ художника своимъ посѣщеніемъ и остался доволенъ сходствомъ портрета.

Оставивъ академію, К. Е. занялся исключительно портретною живописью. Первой его работой былъ портретъ-картина съ графа Муравьева–Амурскаго, исполненный съ большимъ талантомъ и вкусомъ. За этимъ портретомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Къ перворазряднымъ нужно отнести портретъ покойнаго пѣвца О. А. Петрова; онъ писалъ его по заказу нашего мецената отъ художества Третьякова, а копія съ него находится въ семействѣ покойнаго. За портретомъ О. А. Петрова послѣдовалъ портретъ фонъ Кауфмана, за который художникъ получилъ званіе академика. Затѣмъ онъ написалъ портреты: г–жи Громовой, графини Ржевусской съ маленькой дочерью, графини С. Д. Строгоновой и И. М. Толстаго по заказу С. С. Полякова. Но занятія портретами не отвлекли нашего даровитаго художника отъ другаго рода живописи. Онъ писалъ историческіе эскизы, жанръ и пейзажи, а также рисовалъ пастелью головки, которыя раскупались нарасхватъ. Изъ его жанровыхъ картинъ особенно памятны «Замерзающія дѣти», «Странникъ», «Выговоръ» и «Похороны ребенка».

Въ 1866 году К. Е. Маковскій написалъ большую картину «Масляница». Въ этой картинѣ высказался весь его

талантъ какъ живописца, такъ и наблюдателя; въ ней что ни фигура, то типъ.

На картинѣ изображено гулянье на Адмиралтейской площади во время масляницы. Публика столпилась возлѣ балагана, на которомъ съ одной стороны «Масляничный дядя», съ бородой изъ пакли, угощаетъ своихъ слушателей разными нецензурными (въ смыслѣ приличія) разсказами, а съ другой, ради развлеченія той же публики, ломается полузамершій фигляръ. Неподалеку отъ балагана угощаются чаемъ и водкой. Подлѣ этого стола стоитъ съ согнутыми колѣнами окоченѣлый пролетарій и отогрѣваетъ подлѣ стѣнокъ стакана съ горячимъ чаемъ посинѣвшія отъ мороза руки. Продавецъ чая подливаетъ воду въ самоваръ, изъ котораго вылетаютъ на холодный воздухъ цѣлые клубы пара. Посрединѣ картины очень типична фигура купчихи въ атласномъ салопѣ. Она что называется нагулялась въ сласть и идетъ въ перевалку, облокотясь на руку своего мужа. Подлѣ нихъ стоитъ група молоденькихъ дѣвушекъ, на которыхъ заглядывается франтъ въ pince-nez. Слѣва маленькій мальчикъ въ большомъ полушубкѣ везетъ въ санахъ пряники и орѣхи, но вниманіе его обращено не на товаръ, а на балаганъ; справа показывается панорама и панорамщикъ, какъ всегда, разсказываетъ своей малолѣтней публикѣ о томъ, какъ изображенная на картинкѣ змѣя «однимъ ударомъ хвоста трехъ куръ съѣдаетъ». Неподалеку отъ панорамы, торговецъ, въ наскоро устроенной лавочкѣ съ холщевымъ навѣсомъ, продаетъ черносливъ, пряники, стручки, леденцы и подсолнышники; а вдали, освѣщенные лучами заката солнца, рисуются карусели, горы, звѣринцы и разные другіе увеселительные бараки; въ воздухѣ носится снѣговая пыль и смѣшивается съ дымомъ трубъ и паромъ самоваровъ. Эта картина можетъ назваться вполнѣ *національной*

и по ней иностранецъ можетъ составить себѣ полное понятіе, какъ о русскихъ типахъ, такъ и о русской масляницѣ.

Въ 1876 году послѣ долгаго отсутствія, К. Е. Маковскій выставилъ на Академической выставкѣ свою картину «Процессія перенесенія священ. ковра въ Каирѣ». Мастерски написанная толпа въ разноцвѣтныхъ восточныхъ костюмахъ, зданія, животныя, залитыя лучами южнаго солнца, показываютъ, на сколько К. Е. Маковскій можетъ владѣть красками. Изъ Каира К. Е. Маковскій привезъ массу этюдовъ, весьма разнообразныхъ и талантливо написанныхъ.

Послѣ «Ковра», К. Е. выставилъ картину «Баши-бузуки».

Сцена происходитъ въ церкви. Трое баши-бузуковъ ворвались въ христіанскій храмъ отыскивая укрывшихся. На первомъ планѣ, на каменномъ полу лежитъ съ черными раскинутыми волосами, въ разорванномъ платьѣ, убитая дѣвушка; одна ея рука судорожно сжата, другая замерла, вытянувшись на окровавленной драпировкѣ. Изъ бока и обнаженной груди сочится кровь. Почти по серединѣ картины стоитъ, съ выраженіемъ звѣрства на лицѣ и упершись руками въ бока, баши-бузукъ и смотритъ на другую женщину, которая прижала къ себѣ ребенка; съ ея груди уже сорвана рубашка, и часъ ея смерти тоже не далекъ.

Пробившееся сквозь окно солнце освѣтило всю эту гнусную по содержанію, но мастерски написанную картину. Его золотые лучи съ большимъ рельефомъ показали зрителю и глазетовую рясу, на которую упала голова убитой дѣвушки, и книгу, свалившуюся съ налоя на покойницу, и переломанныя дымящіяся свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, и весь предшествующій насилію хаосъ.

Картина эта была написана художникомъ послѣ возвращенія его изъ Сербіи и выставлена въ Министерствѣ

Внутреннихъ Дѣлъ въ пользу «Краснаго Креста». Въ настоящее время художникъ пишетъ большую картину «Русалки». Кромѣ К. Е. Маковскаго существуютъ еще два Маковскихъ—Владиміръ и Николай Егоровичи; они родные братья Константина Егоровича и также, какъ и онъ, художники. Имя В. Е. давно знакомо нашей образованной публикѣ. Его картины полны самаго живаго и неподдѣльнаго юмора. Кто не помнитъ его картины «Полученіе пенсій». Подъ сводами казначейства собрался чиновный людъ за пенсіями. Первою, какъ и подобаетъ, получила пенсію генеральша. Она гордо идетъ, опираясь на палочку, въ своемъ атласномъ салопѣ съ пучкомъ ассигнацій въ рукѣ; за ней слѣдуетъ казачекъ, этотъ вѣчный спутникъ помѣщицъ добраго стараго времени; справа на лавочкѣ сидятъ и дожидаются очереди. Одна старушка, чтобы не терять времени, вяжетъ чулокъ; слѣва чиновникъ угощается, у другой старушки въ капорѣ, табачкомъ; неподалеку отъ нихъ фигура съ напряженнымъ вниманіемъ читаетъ какую то записку; а казначей черезъ открытое окошечко выдаетъ рубли. У всѣхъ почти веселыя лица, кромѣ одной молодой женщины. Она сидитъ между двумя разговаривающими и думаетъ грустную думу. Говоря о В. Е., я считаю не безполезнымъ возстановить въ памяти читателя нѣкоторые изъ особенно характерныхъ его рисунковъ какъ «Нотація жены». На этомъ рисункѣ изображена интимная сцена, такъ часто повторяющаяся въ семьяхъ мелкихъ чиновниковъ-пьянчугъ: подлѣ стола, заваленнаго бумагами и канцелярскими принадлежностями, сидитъ въ рубашкѣ и туфляхъ на босую ногу чиновникъ, и со стойкостью, заслуживающей лучшей участи, выслушиваетъ брань и крикъ своей мегеры-жены, которая уже рѣшила заранѣе, если только супругъ произнесетъ одно слово, вцѣпиться ему въ лицо. Но супругъ сидитъ смиренно

и пощипываетъ свою рѣденькую бородку. Въ этомъ рисункѣ очень рельефно сказался наблюдательный талантъ даровитаго художника. «Политики», «Червонные валеты настоящаго и прошедшаго», «Политикъ медлительный и политикъ стремительный», «Маскарадный герой» и наконецъ «Остатки прежняго величія». Этотъ послѣдній особенно удаченъ. На извощичьихъ саняхъ по улицамъ Москвы ѣдетъ старая генеральша, на облучкѣ сидитъ въ ливреѣ полузамерзшій казачекъ; сама генеральша, полная олимпійскаго величія, строго смотритъ вдаль. Одного недостаетъ Владиміру Егоровичу, это колорита: всѣ его картины сѣры и грѣшатъ слишкомъ сильными контурами. Николай Егоровичъ также написалъ нѣсколько картинокъ изъ Каирской жизни (онъ вмѣстѣ съ братомъ ѣздилъ въ Каиръ); я припоминаю его двѣ очень миленькія картинки: «Продавецъ воды въ Каирѣ» и «Мелочная лавка».

Недостатокъ мѣста не далъ мнѣ возможности коснуться многихъ изъ произведеній нашего даровитаго художника, а потому я сочла нужнымъ приложить къ моей статьѣ списокъ болѣе выдающихся картинъ, рисунковъ и портретовъ, указавъ по возможности годы и мѣсто, гдѣ они находятся. Этотъ списокъ ознакомитъ читателя съ почтенною и разнообразною дѣятельностью Константина Егоровича Маковскаго.

Списокъ работъ К. Е. Маковскаго.

I. Картины.

1. Рыбачекъ, коп. съ Тропинина (1856); у Е. И. Маковскаго въ Москвѣ.
2. Портретъ отца художника (1856). Тамъ же.
3. Римъ съ Тибра, коп. съ С. Ѳ. Щедрина (Выст. въ Моск. Учил. Живоп. и Ваян. 1856).
4. Бани у камен. моста на берегу р. Москвы; у Е. И. Маковскаго.
5. Этюдъ сторожа, опир. на палку. Тамъ же.

6. Собственный портретъ (1860). Тамъ же.
6а. б. Портреты г-жи Квадри и М. А. Бибиковой, (впослѣдствіи Самойловой).
7. Маленькій сапожникъ съ дѣвочкой; было у г. Саломки.
8. Чиновникъ пьяный съ дочерью.
9. Исцѣленіе І. Х. слѣпыхъ послѣ изгнанія изъ храма торжниковъ (Акад. выст. 1860 г.).
10. Харонъ перевозитъ души чрезъ р. Стиксъ, некончъ. (Акад. выст. 1861 г.).
11. Агенты Дмитрія Самозванца убиваютъ сына Бориса Годунова (2 зол. мед. на акад. выст. 1862 г.) Грав. на ст. въ Сѣв. Сіян. 1863 г. (къ стр. 263); грав. на дер. въ Иллюстр. 1863 г., № 225, стр. 229 (къ статьѣ А. Сомова).
12. Женская головка (Акад. выст. 1862 г.). Грав. на ст. въ Сѣв. Сіян. 1864 г. № 1 (къ статьѣ К. Варнека).
13. Вдовушка; у г. Громова въ Спб.
14. Двѣ дѣвушки съ письмомъ; тамъ же.
15. Портретъ г-жи Громовой (1863 г.). (Постоян. выст. О. П. Х., окт. 1865 г.).
16. Портретъ Государя Императора, по заказу гр. И. М. Толстаго, для рус. посольства въ Лондонѣ (1863).
17—20. Портреты: И. Ѳ. Горбунова, г. Несвѣтевича, г-жи Зульмюленъ (урожд. Поповой), гг. Рѣхневскихъ.
21—22. Портреты Графини Ржевусской, съ маленькой дочерью, и граф. С. Д. Строгоновой.
23. Портретъ гр. Муравьева-Амурскаго, для Сибири (1864).
24. Голова стар. рыцаря.
25. Солдатъ стрижетъ мальчика; у г. Досса.
26. Нагая женщина; была у г. Венцеля.
27. Сатиръ съ нимфой; у г. Гейне.
28. Голова женщины, въ русскомъ костюмѣ, у М. А. Безцѣннаго въ Спб.
29. Странств. музыканты, во дворѣ, зимой (1865); прод. въ О. П. Х. г-жѣ Кемпъ въ 1873 г.; у А. И. Баранова въ Москвѣ.
30. Портретъ ген.-лейт. К. П. Кауфмана (зв. акад., на акад. выст. 1867 г.).
31. Портретъ ген. Рокасовскаго (тамъ же).
32. Селедочница, пояс. фиг. (тамъ же); (?) прод. въ О. П. Х. гр. Строгонову въ 1872 г.
33. Бѣдныя (замерзающія) дѣти (тамъ же); у Д. В. Стасова въ Спб.
34. Маленькіе шарманщики у забора, зимой (1868); у А. И. Баранова въ Москвѣ.
35. Изъ быта рус. бояръ конца XVII в. (Акад. выст. 1868 г.)
36. Портретъ Государя Императора, для Межевой Канцеляріи въ Москвѣ (1868).
37. „ Имп. Екатерины II, туда же.
38. „ покойн. министра почтъ и телеграфовъ, гр. И. М. Толстаго, по заказу С. С. Полякова.
39. Портретъ брата художника В. Е. Маковскаго (1868); у Е. И. Маковскаго.
40. Дѣвочка съ горшкомъ молока (1868); у Д. В. Стасова.
41. Наставленіе матери = выговоръ (Акад. выст. 1869 г.).
42. Бесѣда = разговоръ по хозяйству (тамъ же); было у г. Полякова.

43. Странникъ съ кухаркой.
44. Этюдъ мужичка, у В. Д. Коншина въ Москвѣ.
45. Обниманіе: мужикъ, цѣлующій бабу; прод. у Фельтена.
46. Торговка у крыльца; наход. у Ѳ. А. Терещенки въ Москвѣ.
47. Старикъ съ дѣвочкой, у г. Павлова въ Екатеринослав. губ.
48. Мальчикъ съ циплятами; тамъ же.
49—50. Портреты г. Павлова и его жены.
51. Мать съ ребенкомъ (1869); у в. к. Николая Николаевича старшаго.
52. Проповѣдникъ (1869 ?); у в. к. Константина Николаевича.
53. Два чиновника въ харчевнѣ.
54. Баринъ, садящійся въ карету, и его лакей.
55. Катанье на салазкахъ; у В. И. Солдатенкова въ Спб.
56. Народное гулянье во время масляницы на Адмиралтейской площади (зв. профес.). Собств. Государя Императора (Акад. выст. 1869; Лондон. международ. 1872 и Вѣн. всеміp. 1873 г.). Лит. въ изд.: „Худож. автографъ. Выставка И. А. Х. въ 1869 г.“;—грав. на дер., съ рис. самаго художн., исполн. Сѣряковымъ, въ Нивѣ 1870 г., стр. 196—197 (къ стр. 199—200).
57. Тоже, первонач. эскизъ, оконч. въ 1870 г.; у Д. В. Стасова.
58. Портретъ дѣтей Д. В. Стасова.
59. „ О. А. Петрова (Акад. выст. 1870 г.); наход. въ семействѣ покойнаго; другой экз. у П. М. Третьякова въ Москвѣ. Грав. на дер.: рис. Тихомировъ, грав. Шиблеръ, въ Пчелѣ 1876 г., № 10, стр. 1.
60. Имп. Петръ I въ своей мастерской (тамъ же). Собств. графа С. Г. Строгонова.
61. Березовый лѣсъ (1870 г.).
62. Крестьянскій обѣдъ въ полѣ, во время жатвы (1871) = рожь, прод. въ О. П. Х. въ 1872 г.; у А. Н. Голяшкина въ Москвѣ; = жнецы; грав. на дер., братомъ художника В. Е. Маковскимъ, (см. Пчелу 1875 г., № 25, стр. 307—308).
63. Портретъ отца художника (1872); у Е. И. Маковскаго.
64. „ первой жены; тамъ же.
65. Семейный портретъ (Лондон. международ. выст. 1872; Акад. выст. 1873 и Вѣн. всеміpн. выст. 1873 г.).
66. Похороны въ деревнѣ (Акад. выст. 1872 и 1873 г.; Вѣн. всеміp. выст. 1873); у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.
67. Насѣдка (Акад. выст. 1872 г.).
68. Двѣ женскія головки (тамъ же).
69. Двѣ рус. дѣвушки; у В. М. Жемчужникова.
70. Двѣ дамы, перебирающія рисунки въ портфелѣ; прод. въ О. П. Х. въ 1872 г.
71. Дѣти, бѣгущія отъ грозы (1872); прод. въ О. П. Х. г-ну Нарышкину; наход. въ Моск. Публ. Музеѣ.
72. Портретъ А. С. Даргомыжскаго; у П. М. Третьякова въ Москвѣ.
73. Портретъ герц. Н. М. Лейхтенбергскаго, въ ростъ.
74. — сына М. В. Мичуриной.
75. — Г-жи Аносовой, урожд. Панфиловой.
76. — гр. Муравьева-Амурскаго (повтореніе); у Аносовыхъ.

77. Итальянка; тамъже.
78. Итал. мальчикъ; прод. въ О. П. Х. въ 1873 г.
79. Люлька или качалка (передвиж. выст.); у Н. А. Терещенки въ Кіевѣ или Одессѣ.
80. Урокъ пряжи: старуха съ дѣвочкой (3 передвиж. выст. 1874); у г. Клейнмихеля въ Кіевѣ (?). Грав. крѣп. вод., исполн. В. Максимовымъ въ „Иллюстрир. каталогѣ передвиж. выст.“ за тотъ годъ.
81—82. Портреты: ген. Синельникова, для Сибири, и гр. Шувалова, корпус. командира.
83—84. Портреты: ребенка Булгакова, граф. Салтыковой и граф. Олсуфьевой.
85—86. Портреты: А. Н. Островскаго и И. С. Тургенева.
87. Портретъ М. И. Глинки; былъ у В. М. Жемчужникова и прод. въ О. П. Х. въ 1875 г.
88. Женская головка; была у г. Чебышева и прод. въ О. П. Х. въ 1876 г.
89. Головка русской красавицы у мист. Стентона въ Каирѣ.
90. Портретъ мистриссъ Дей въ Каирѣ.
91. Восточ. женщина съ кувшиномъ; у мист. Лиссъ.
92. Египтянка съ тамбуриномъ; два экз. въ Англіи, одинъ у герц. Гамильтона, одинъ прод. Гупилю въ Парижѣ и одинъ у г-жи Воейковой въ Спб.
93. Египетскій продавецъ мелочей; у г-жи Воейковой.
94. Каир. нищій; у г. Шереметева.
95. Абиссинецъ со щитомъ, у профес. Боголюбова.
96. Египет. предсказатель, у г. Гринфельда.
97. Дворикъ дервишей въ Каирѣ (1875); у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ.
98. Восточ. похороны, у Джорджа Элліота въ Лондонѣ.
99. Свадьба; тамъ же.
100. Обрѣзаніе.
101. Процессія перенесенія свящ. ковра въ Каирѣ (Парижъ 1876). (Акад выст. 1878; Париж. всеміp 1878 г.). Собств. Государя Императора.
102. Тоже, въ мал. видѣ; у Наслѣдника Цесаревича.
103. Болгар. мученицы (1877). (Тамъ же). Купл. г. Матвѣевымъ въ Москву. Грав. на дер., въ обрат. стор., въ Пчелѣ 1878 г.
104. Портретъ г-жи Бенардаки, въ ростъ (Париж. всеміp. выст. 1878 г.).
105—106. Этюды болгарокъ и сербянокъ; прод. у Беггрова и Фельтена.
107—134. Портреты: граф. Зубовой, кн. Меншикова, граф. Шереметевой и ея дочери, г-жи Воейковой, г.г. Письменкова, Азанчевскаго, Базилевскихъ, г-жъ: Панаевой, Утеманъ, Анненковой, Рагоза, Малютиной (дочери), бар. Гинцбурга, г. Полежаева, г-жи Савиной, г.г. Бенкендорфъ, Дервисъ, Кологривова для Спб. консерваторіи, Погурскаго, г-жи Солдатенковой, г. Теплова, гр. Бобринскаго, помѣщ. Тарновскаго, ребенка Николаева, 2-й жены, В. А. Кочубея, г-жи Семянниковой.
135. Русская дѣвушка; у г. Горчакова.
136. Вакханка.
137. Офелія, для принц. Мекленбургской.
138. Русалки.
139. Деревенскія дѣти у калитки.
140. Дѣти въ лѣсу; у г-жи Воейковой.
141. Дѣти, спас. отъ грозы (повтор.).

142. Дѣвушка съ грибами, у г-жи Канкриной.
143. Жатва; у г. Гринфельда.

II. Рисунки и акварели.

1. Іоаннъ III и татар. послы; рис., грав. на дер. К. Вейерманъ, въ Нивѣ 1870 г., № 1, стр. 5.
2—3. Рисунки 5 и 6 къ пов. „Страш. месть“ Гоголя, въ изд. А. Н. Голяшкина: Гоголь. Вечера на хуторѣ близь Деканьки. М. 1874, въ л.
4. Египтянка съ дѣтьми, аквар.
5. Поющая арабка; рис., грав. на дер. въ Пчелѣ 1875 г., № 25, стр. 297 (къ стр. 307—308).
6. Каир. нищій, аквар.; у в. к. Николая Николаевича Старшаго. Грав. на дер. въ Пчелѣ 1875 г., № 35, стр. 423 (къ стр. 428).
7. Каир. школа, аквар.; у Государыни Императрицы, у бар. Гинцбурга, у докт. Барча, у г. Мазурина въ Москвѣ. Грав. на дер., исполн. Панемакеромъ въ Парижѣ, помѣщ. въ Пчелѣ 1875 г., № 41, стр. 489 (къ стр. 500).
8. Обрѣзаніе (процессія), рис. перомъ.
9. Нѣсколько акварелей, прод. Гупилю въ Парижѣ: школа, обрѣзаніе, похороны, дворъ дервишей, улица въ Александріи, голова араба и др.
10. Двѣ восточныя акварели у кн. Барятинскаго.
11—13. Амуры, пастели; у г-жи Воейковой.
14. Портретъ Глинки, пастель.
15. Сербянка, оплакивающая ребенка, аквар.
16. Дѣти въ лѣсу, аквар.; у г. Монтефіоре въ Парижѣ.
17. Деревенская сцена, аквар. (Парижъ 1876). (Акад. выст. 1878; Париж. всеміp. 1878 г.).

А. Толивѣрова.

XII.

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Артистическая семья Рубинштейновъ, кромѣ блестящаго виртуоза и композитора Антона Григорьевича (см. портретъ и біографію въ I-мъ томѣ «Современныхъ дѣятелей»), дала намъ еще другого замѣчательнаго піаниста— младшаго брата его, Николая Григорьевича, родившагося въ 1835 г., въ Москвѣ. Подъ вліяніемъ матери и брата, любовь къ музыкѣ у маленькаго Николая обнаружилась весьма рано: пяти лѣтъ отъ роду онъ началъ брать уроки у Франсуа Гебеля, піаниста, поселившагося въ Москвѣ, довольно извѣстнаго также своими сочиненіями по камерной музыкѣ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ младшій Рубинштейнъ участвовалъ въ артистическомъ путешествіи брата по Европѣ, при чемъ и самъ игралъ въ концертахъ съ успѣхомъ, особенно замѣчательнымъ въ виду малолѣтняго возраста исполнителя. Вскорѣ по возвращеніи (въ 1843 г.) въ Россію, г-жа Рубинштейнъ вновь отправилась за границу въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться о дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи сыновей съ корифеями искуства, Мейерберомъ и Мендельсономъ. Здѣсь, по совѣту перваго изъ нихъ, Николай Григорьевичъ началъ изучать правила гармоніи и

контрапункта у извѣстнаго теоретика Дена, обогатившаго музыкальную литературу первоначальнымъ изданіемъ 6-ти концертовъ Баха и сборника сочиненій XVI и XVII вѣковъ, а также многими оригинальными трудами своими по теоріи музыки. Подъ руководствомъ Дена, Рубинштейнъ занимался въ продолженіи двухъ лѣтъ; въ то-же время онъ бралъ уроки у извѣстнаго піаниста Теодора Куллаха. Въ 1846 г., по случаю болѣзни мужа, г-жа Рубинштейнъ должна была возвратиться въ Москву и дальнѣйшее музыкальное образованіе младшаго сына было поручено ею А. И. Виллуану, извѣстному учителю Антона Рубинштейна. 16-ти лѣтъ Николай Григорьевичъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1855 г. Оставшись затѣмъ въ Москвѣ, онъ чрезвычайно много потрудился для развитія музыкальнаго образованія въ этомъ городѣ. При чрезвычайныхъ усиліяхъ ему удалось учредить здѣсь въ 1860 году «Русское музыкальное Общество» и при Обществѣ классы, которые происходили первоначально въ квартирѣ самого учредителя, съ платою по рублю въ мѣсяцъ со слушателя. Мало по малу, благодаря энергіи организатора и его сотрудниковъ, дѣло развивалось. Вскорѣ классы переведены были въ домъ Строгоновскаго училища; рядомъ прекрасныхъ концертовъ, программы которыхъ, согласно музыкальнымъ убѣжденіямъ дирижера и руководителя ихъ, Николая Григорьевича, отличались эклектическимъ, общеевропейскимъ направленіемъ, было привлечено значительное число членовъ, такъ что въ 1863 г. число ихъ достигло уже 606 (кромѣ того продано 1118 посѣтительскихъ билетовъ) и капиталъ Общества возросъ до 17 тыс. руб. Наконецъ въ 1866 г. развитіе музыкальнаго образованія въ Москвѣ закрѣпилось устройствомъ консерваторіи, директоромъ которой единодушно былъ избранъ Николай Григорье-

вичъ и по сіе время состоящій въ этой должности. На новомъ поприщѣ онъ заявилъ себя и какъ администраторъ, оставаясь по прежнему столь же дѣятельнымъ и энергичнымъ. Оцѣнка заслугъ его, въ качествѣ директора, со стороны общества, выразилась поднесеніемъ ему въ день концерта 5-го марта 1875 г. весьма сочувственнаго адреса, покрытаго подписями, количествомъ до 500, съ приложеніемъ денежнаго подарка въ 26 т. руб. Не смотря на труды свои по консерваторіи, Николай Григорьевичъ продолжалъ постоянно давать концерты, при чемъ значительные сборы съ нихъ очень часто жертвовалъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій. Такъ, между прочимъ, въ 1877 году имъ совершена была поѣздка по разнымъ городамъ, сопровождавшаяся рядомъ концертовъ въ пользу общества «Краснаго Креста». Поѣздка эта, продолжавшаяся съ сентября прошлаго по январь настоящаго (1878) года, доставила сбору свыше 17 тыс. Наконецъ въ текущемъ году былъ сдѣланъ имъ опытъ ознакомленія въ серьезныхъ размѣрахъ иностранцевъ съ нашею музыкальною школою: въ громадной залѣ *Трокадеро* на Парижской всемірной выставкѣ былъ данъ подъ его руководствомъ рядъ концертовъ съ исключительно русскими программами, пользовавшихся чрезвычайнымъ успѣхомъ. За нихъ Николай Григорьевичъ удостоенъ офицерскаго креста ордена Почетнаго Легіона.

Безъ сомнѣнія, имя Н. Г. Рубинштейна займетъ почетное мѣсто въ исторіи развитія музыкальнаго дѣла въ Россіи.

Обм.
292480